

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК **ВОЛГА** 11-12 2020
Литературно-художественный журнал

АВТОРСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ЛЮДМИЛЫ ЛИПАТОВОЙ

XXI ВЕК

ВОЛГА

11-12 2020

Литературно-художественный журнал

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК ДЛЯ ДЕТЕЙ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России (Москва)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов Союза
писателей России (Москва)

САРАТОВ
2020

11-12 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Евгений НОВИЦКИЙ. Современный снеговик	3
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Людмила ЛИПАТОВА, Иван ЛИСИН. Сказка о маленьком народе	11
ИНТЕРВЬЮ	
«Хочется, чтобы дети были счастливы...»	22
ПОЭТОГРАД	
Марина НОМОКОНОВА. Берлогер	25
ОТРАЖЕНИЯ	
Виктория ТАТУР. Нанозавры	29
ПОЭТОГРАД	
Вера ШАЛАЕВСКАЯ. Удивительный крокодил	62
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Светлана ГОЛУБЕВА. Падишах и мудрецы	68
ПОЭТОГРАД	
Михаил МУЛЛИН. Почему носорог не живёт в Хвальынске	77
ОТРАЖЕНИЯ	
Михаил МУЛЛИН. Ребята-снегирята	82
ПОЭТОГРАД	
Анастасия СУКГОЕВА. Сто камушков разного цвета	93
ОТРАЖЕНИЯ	
Александр ЧЕРВЯКОВ. Как я грабил Снегурочку	99
Ксения ЖУКОВА. Вот тебе и клюква	105
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Вячеслав РЫЖЕНКОВ. Гром и молния	118
ОТРАЖЕНИЯ	
Анна ЧЕРКАСОВА. Как я....	128
Анна ХАРЛАНОВА. Добрые рассказы	135
СТАТЬИ	
Александр ЧЕРВЯКОВ. Почему «Лучик»!	140
Валентина КОРОСТЕЛЁВА. Золотые фантазии Александра Грина	144
ЮБИЛЕЙ	
Анна МОРКОВИНА. Слово о настоящем Учителе и Человеке	148
О Лёвушке и его Музее	150
Гений из «Провинциалска» В.Э. Борисов-Мусатов и его биограф К.В. Шилов	153
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Ольга ЮДИНА. Котёнок и луна	157
ОТРАЖЕНИЯ	
Ирина ДАНИЛОВА. Помощница	162
ПОЭТОГРАД	
Татьяна ВОЛКОВА. Облаканы и другие жители	167
Александр ШУРАЛЁВ. Кто быстрее вырастет?	172
ОТРАЖЕНИЯ	
Дмитрий КОПЬЁВ. Как Сеньку проведывали	178
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	
Анна МОРКОВИНА. Образ Пушкина в современной подростковой литературе . .	185

**Евгений
Новицкий**

СОВРЕМЕННЫЙ СНЕГОВИК

КОЛОДЕЦ СКАЗОК

*(по мотивам сказочной повести Астрид Линдгрен
«Мио, мой Мио!»)*

В одном дворе колодец есть,
Он с виду мал и тесен,
Но полон сказок – их не счесть –
И позабытых песен.
Звучат они в ночной тиши
На разные лады,
И слушают их малыши
До утренней звезды.
Однажды сказку нашептал
Колодец чудный мне
О принце, что в ночи скакал
На белом скакуне.
И долго я не мог уснуть,
Всё думая о том,
Кто этот принц, что в дальний путь
Отправился верхом.
И только через много дней
Вдруг понял я, друзья,
Что эта сказка обо мне
И всадник этот – я...

ЗНАЧИТ, БУДЕТ ДВОЙКА!

Желтоглазая ромашка,
Знать хочу ответ:
Даст ли мне списать Наташка
Или скажет «нет»?
Оборвал до лепесточка
Всю ромашку бойко...
Ни за что не даст – и точка.
Значит, будет двойка!

-
- Евгений Валерьевич Новицкий родился в 1976 году в Харькове. Окончил Харьковский педагогический университет. Живёт в городе Пивденное Харьковской области. Пишет стихи и сказки в основном для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Автор более 60 детских книг. Публиковался в периодических изданиях Украины, России, Беларуси, Узбекистана, Финляндии, Канады, Австралии.

АЙ ДА ЯБЛОНЬКА!

Ай да яблонька, раскрасавица,
Всюду яблочки её славятся.
Ни в садах, ни во дворике вашем
Не найти их вкуснее и краше.
Прибежали к яблоне дети
И глядят на яблоки эти.
Манит их вкуснота краснобокая,
Да уж яблонька больно высокая.
Наклонила яблонька ветки:
– Угощайтесь, милые детки,
Только воли рукам не давайте,
Мои веточки не ломайте...

НЕ КЛЮЁТ!

В час вечерний у реки
Под высокой кручей
Примостились рыбаки –
Дедушка и внучек.
Скоро солнышко зайдёт,
Собираться надо.
Дед вздыхает: «Не клюёт.
Экая досада!»
А внучок ему в ответ:
«Что ж тут удивляться?
Ведь у рыбки клюва нет,
Нечем ей клеваться!»

СТАНУ ГЕНЕРАЛОМ

Не желаю в детсаду
Тратить время даром,
Лучше в армию пойду –
Сразу генералом.
На врага свои полки
Поведу я смело,
Танки и броневики
В ход пушу умело.
Восседая на коне
Генеральском, белом,
Справиться нетрудно мне
Будет с этим делом.
Ну а если вдруг с коня
Мне упасть случится
Или ранит враг меня –
Мама вмиг примчится.
На коленочки возьмёт,
Поцелует в щёчку,
И сейчас же заживёт
Рана у сыночка.

ДИН-ДОН

Мчится тройка удалая –
Дин-дон, дин-дон,
Снег фонтанами взметая, –
Дин-дон, дин-дон.
Колокольчик серебристый –
Дин-дон, дин-дон –
Распевает голосисто –
Дин-дон, дин-дон.
Подпевает встречный ветер –
Дин-дон, дин-дон,
И разносится над степью –
Дин-дон, дин-дон.

СОВРЕМЕННЫЙ СНЕГОВИК

Снеговик стащил ведёрко
С круглой головы,
Посмотрел на нас с Егоркой
И сказал: «Эх, вы!
Как на людях показаться
В шапке жестяной?
Бабы снежные смеяться
Будут надо мной.
Да, носил ведро когда-то
Снежный человек.
Но сейчас-то ведь, ребята,
Двадцать первый век!
Так что лучше подарите
Шляпу мне, друзья!
А на меньшее, простите,
Не согласен я».

ТЯЖКИЙ ГРУЗ

Я от досады чуть не плачу:
Сегодня вызвали меня
Решать какую-то задачу
Про вес коровы и коня.
Со мною что-то приключилось,
Я словно спал и видел сон,
И при решении получилось,
Что конь тот весит пару тонн.
А что касается коровы,
О ней и вовсе я забыл,
Но математик наш суровый
Мне эту мелочь не простил...
И вот бреду я удручённо
Из школы с двойкой в дневнике,
И кажется, коня в две тонны
Несу с собою в рюкзаке.

ОВСЯНАЯ КАША

Наварили Дуня с Глашей
Полведра овсяной каши.
Пообедали. Теперь...
Не проходят обе в дверь.

ПРАЗДНИЧНЫЙ КАФТАН

Вот потеха – наш Степан
Справил к празднику кафтан.
Да портной, видать, спешил,
На спине рукав пришил.

КТО ПОЛЬЁТ ОГОРОД?

– Эх, – вздыхает Мануил, –
Огород я не полил.
Кто ж его теперь польёт?
За окошком дождь идёт!

ФОТООХОТА

Я целый день охотился в лесу
На зайца и на рыжую лису.
Охотился не сам, со старшим братом,
И не с ружьём, а с фотоаппаратом.
Но так уж вышло, что поймать в прицел
Ни зайца, ни лису я не сумел.
Зато сфотографировал ежа –
Он под кустом в сухой листве лежал –
И дятла в тубетейке ярко-красной.
Так что была охота не напрасной!

МОНОЛОГ ШАХМАТНОГО КОРОЛЯ

Вздыхает шахматный король:
– Проиграно сражение.
Я был король, теперь я – ноль,
Какое унижение!
Где ферзь – мой щит, моя броня,
Ладьи, слоны и кони?
Ну кто, ну кто спасёт меня
От вражеской погони?
Бегу куда глаза глядят,
Уж близок край доски,
Но группа вражеских солдат
Берёт меня в тиски.
В лицо мне дышит чёрный конь,
Но нет пути назад.
Кричу: «Не тронь меня, не тронь!»
И слышу: «Шах и мат!»

РЫЦАРЬ КРИКАЛЬСКИЙ

(из Юлиана Тувима)

Свысока на всех глядит,
Крутит ус сердито
Пан Крикальский – меч и щит
Речи Посполитой.
Да, такого не видал
Мир ещё героя.
Раз татарина поймал
Он на поле боя.
И кричит: «Отныне мне
Честь, хвала и слава –
Первый пленный на войне!
Жди меня, Варшава!
Пан король на почести
Пусть не поскупится,
Ведь со мною в доблести
Разве кто сравнится?
Я татарина пленил
На лесной опушке
И вдобавок захватил
У врага три пушки.
Я смельчак! Я в нашем войске
Самый лучший воин!
И за подвиг мой геройский
Ордена достоин!..»
Враг разбит, Варшава ждёт
Своего героя,
Только что-то не идёт
Рыцарь с поля боя.
На аркане басурмана
Крепко держит пан,
Так же крепко за нос пана
Держит басурман!

Я УЖАСНО ПОТЯСЁН!

Брат сказал мне по секрету:
«У меня в коробке жук».
Я потряс коробку эту
И услышал лёгкий стук.
Изнутри раздался стон:
«Я уж-ж-жасно потрясён!»

МЕНЯЮ ШКАФ НА АНТРЕСОЛЬ

На стенке шкафа – объявление:
«В связи с прибавкой населенья
Меняю шкаф на антресоль,
С доплатой. Платяная моль».

ОПАСНЫЕ ВОРОТА

Баран смотрел на новые ворота.
Ему бодать их было неохота,
Ведь на воротах нарисован бык,
А с ним баран бодаться не привык.

КОТ-ЗАЗЫВАЛА

На базаре рыжий кот
Зазывал к себе народ:
– Не зевай, подходи,
На товар погляди!
Свеженькие мышки,
Толстые, как пышки,
Выглядят отлично,
Пойманы мной лично!

МУРКИН СЕКРЕТ

Отчего у Мурки беленькие лапки?
Может быть, на Мурке беленькие тапки?
Может, ей носочки бабушка связала,
Чтоб босою кошка больше не гуляла?
Попросил я маму разгадать секрет,
А она смеётся: – Здесь секрета нет.
Просто наша Мурка вышла из чулана,
У неё на лапках – белая сметана.

СНЕЖНЫЙ ГОСТЬ

Раз под Новый год Лука
Повстречал снеговика.
И сказал:
– В такой мороз
Ты, наверное, замёрз?
В дом привёл его скорее,
Посадил на батарею
И пошёл обед варить,
Чтобы гостя накормить.
Вот принёс Лука обед.
Где же гость? А гостя нет!
Ни за ёлкой, ни в углу,
Только лужи на полу.
Ночь, ребята, он не спал,
Гостя снежного искал,
Но нашёл его лишь днём
В холодильнике своём.
– Я, – признался снеговик, –
С детства к холоду привык,
Холодильник мне милее
Самой тёплой батареи!

У маленьких мышек,
У мышек-норушек
Нет плюшевых мишек
И прочих игрушек.
И как только мышки
Спят ночью одни?
Без куклы иль мишки
Попробуй усни!

ЧТО КОМУ СНИТСЯ?

Ночь спустилась за окном,
Всё забылось крепким сном.
Только звёздочке не спится,
Хочет знать, кому что снится.
Хоть задачка трудновата,
Мы поможем ей, ребята,
И ответим на вопрос,
Да не в шутку, а всерьёз!
Папе снится отчего-то
Лишь одна его работа.
Маме – Катя, сад и дом,
Перевернутый вверх дном.
Кошке Мурке снятся мыши,
Чердаки, заборы, крыши.
Молоко, творог, сметана
Тоже снятся, как ни странно.
Шарик спит и видит миску,
А на дне её – сосиску.
Все другие сны ему
Совершенно ни к чему.
Снятся курице-несушке
Червячки, личинки, мушки
И петух соседский Петя,
Что всех будит на рассвете.
Ну а что же снится Кате?
Нашей Кате снятся платья,
Куклы, плюшевые мишки,
Зайки, слоники, мартышки.
И ещё кулёк конфет –
Тех, которых больше нет.

МАЭСТРО СВЕРЧОК

– У меня, – сказал сверчок, –
Лишь одна забота:
Есть и скрипка, и смычок,
Только где взять ноты?
Ночи напролёт сижу
Голову ломая,

Даже в гости не хожу –
Вот беда какая!
А без нот играть смешно,
На слово поверьте.
Видимо, не суждено
Мне давать концерты.
Пропадёт бесценный дар,
Коли их не сыщешь!
А в ответ ему комар:
– Не грусти, дружище!
Выше нос и не робей,
Загляни к еноту,
Он охотно даст тебе
И пюпитр, и ноты.
А в награду за совет,
Коль всё будет ладно,
Мне билет на свой концерт
Выдели бесплатно.

ЧУДЕСНЫЙ МОСТ

Как-то Дедушка Мороз
Малышам подарки нёс,
В небо звёздное глядел
И дорогой песни пел.
Видит: речка на пути –
Ни проехать, ни пройти!
Дед Мороз глаза закрыл
И подул что было сил.
Вихрем поднялись снежинки,
Закружились как пушинки,
И сейчас же над рекой
Вырос мостик ледяной.
Дед Мороз часы достал,
Головою покачал
И сказал: – Пора идти.
Новый год уже в пути!
И, касаясь шапкой звёзд,
Перешёл чудесный мост.

**Людмила ЛИПАТОВА,
Иван ЛИСИН**

СКАЗКА О МАЛЕНЬКОМ НАРОДЕ

Журнальный вариант

Жили-были мирные, добродушные гномы. Никому из окружающих ни разу в жизни (а были они почти бессмертны!) не причинили эти существа никакого вреда. Поселился древний народ в дупле старого дерева вот уже много-много лет назад. До них в этом жилище обитали осы. Как им удалось отвоевать жильё? И куда делись осы? Вот об этом и будет наша первая история.

-
- Людмила Викторовна Липатова живёт и работает в Саратове. Окончила в 1992 году Балашовский педагогический институт, в течение 30 лет работала в школе учителем начальных классов. Автор поэтических сборников «Гризайли» (Саратов, 2014), «Краски рассвета» (Саратов, 2017), «Открывая тишину» (Саратов, 2020). В 2019 году вышла в свет «Сказка о маленьком народе» (Саратов), написанная совместно с сыном И. Лисиным, когда он был ещё школьником.
Иван Викторович Лисин родился в 1991 году, имеет высшее образование по специальности «Инженер в сфере ИТ».

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ, С КОТОРОЙ ВСЁ НАЧАЛОСЬ

Дело было самой ранней осенью, когда первые утренние заморозки пощипывали голые пятки некоторым молодым трёхсотлетним гномам (по законам этого славного народа они ещё бегали босиком и лишь перед сном, когда помоют ноги, надевали тапочки), и эти же заморозки заставляли кричать и ёжиться старых гномов. И вот Старейшина, постукивая замёрзшими ладонями и пятками в шерстяных чулках и тапочках разного цвета, изрёк мудрое, но вечно недодуманное слово:

– Друзья мои! Моё доброе многочисленное племя!

– Ззззззззблудившееся! – зловредно хихикая, громко прозвенела большая оса, пролетая над ними.

– Вот уже без малого несколько тысяч лет живём мы в Настоящем лесу. (Лес был не так уж и велик с точки зрения обыкновенного человека: пять деревьев, шесть кустиков да трава.) Но с каждым годом становится всё холоднее.

– Ззззззамёрзнете сссскоро! Беззззздомные! – без тени сочувствия прогудела толстая оса из того же дикого роя.

– Видимо, климат меняется в нашей местности, – продолжал Старейшина, не обращая внимания на осу. – Не пора ли обзавестись домом?

Человечки долго и горячо аплодировали ему, грея руки и стараясь спрятаться друг за друга от холодного, пронизывающего ветра.

Самый-Глупый-гном наивно спросил:

– А что такое дом?

Весь народ посмотрел на него укоризненно и покачал головой. Не знать такого элементарного мог только Самый-Глупый-гном. Самый-Умный-гном, педагог по образованию, исполняя свой учительский долг, подробно объяснил:

– Дом – это, вероятно, что-то тёплое.

Толпа удивилась и глубокомысленно согласилась. А надо сказать, что эти гномы были не то чтобы велики, но скорее очень малы даже по сравнению с другими гномами. Каждый из них был высотой не больше листика клевера. И мозг в их головах весил меньше стрекозино крылышка. Самый-Глупый-гном наивно спросил:

– А где мы возьмём дом?

Тут народ взглянул даже презрительно и не счёл нужным качать головами. Старейшина призадумался и выдал своё мало продуманное заключение:

– Пойдём и найдём!

Всё племя долго и горячо аплодировало ему, грея руки. И вот, согрев руки, народ пошёл, грея ноги. Они отважно шагали по желтеющей траве, перепрыгивали через холодный ручей, взбирались на бугорок возле старой сосны, пробирались под кустами и снова запутывались в траве, и опять через ручей. Но надо сказать, что как бы они ни старались, всё равно ходили гномы по кругу около того места, где лежал старый бронзовый котелок (о котором мы непременно расскажем, но чуть позже). И никак не могли удалиться от него хотя бы на несколько десятков метров, потому что изображение города с узорными башенками на пузатом боку котелка таинственным образом притягивало маленьких человечков, и они опять и опять возвращались к этому месту. А осы, много раз пролетая мимо, ехидно посмеивались, стараясь больно задеть то одного, то другого гнома.

К вечеру маленькие человечки завершили свои хождения, обследовав все пять деревьев и шесть кустов в Настоящем лесу и не найдя никакого другого дома, кроме дупла на Большой сосне, в котором жили злые дикие осы, остановились перед ним. Старейшина сказал:

– Вот подходящий дом! Там сухо и тепло. Наверное.

Самый-Глупый-гном спросил:

– А как мы туда попадём?

– Залезем, – уверенно заявил Старейшина.

Гномы решительно полезли вверх по стволу старой сосны. Быстро забрались на ближайшую ветку. Но злые осы их внутрь не пустили.

– Что будем делать? – спросил Самый-Глупый-гном.

– Выманивать, – решил Старейшина.

Один гном был Самым Храбрым. Он предложил ещё шестерым смельчакам, взяв длинную травинку, засунуть её в дупло и заинтересовать этим ос. Но пока они всемером с травинкою лезли до гнезда, они аккуратно, по очереди шлёпались на землю. Любопытные осы вылетели небольшой сплочённой группой посмотреть, кто там шмякается поздним осенним вечером в непогоду под их гнездом. Поступили они неосторожно. В тот самый момент, когда полосатые любопытствующие замерли, поражённые необычной картиной, мирные гномы вмиг завладели их дуплом. Они догадались тут же закрыть входное отверстие своими цветными тапочками, выставив их подошвами наружу. Осы ринулись было обратно в дупло, но не тут-то было! Новые хозяева держали тапочную оборону крепко. Бывшие жильцы попытались покусать дерзкие тапочки, но тапочки героически выдержали атаку.

Не успели влезть в дупло только семеро храбрецов с травинкой. Напрасно они защищались зелёным стеблем от разъярённых ос. Покусили их изрядно. Такими опухшими они с трудом влезли в новый дом. А свирепые непобедимые осы решительно отступили и полетели искать себе другое жильё в соседний лес.

Вообще-то произошло это потому, что осенью осы не так агрессивны, как летом или весной, когда они выращивают своё потомство. Тогда точно к их гнезду и близко не подойдёшь. Там такая охрана! Но вот к осени большинство из их роя покидает родное жильё, исчезая в неизвестном направлении. А оставшиеся сонные особи вяло готовятся к зимовке, расточая на всех несчастных соседей природное зло.

Сквозь щёлочки между подошвами тапочек гномы видели, что осы улетели. Они ещё некоторое время постояли так, боясь возвращения законных хозяев жилища, а потом потихоньку сказали: «Ура!»; потом «Ура!!» они произнесли чуть погромче, и наконец совсем громкое «Ура-а-а!!!» раскатилось вверх и вниз по стволу Большой сосны. Это «Ура» слышал Ветерок, который улетел от места событий, подгоняя и преследуя растерянного врага и от души радуясь за своих старых знакомых.

В новом доме в первую очередь все занялись лечением пострадавших. Каждый, быстро спустившись с дерева вниз, принёс горсточку целебной глины, смоченной в прохладной воде Чистого ручья, и постарался как можно осторожнее приложить к месту укуса. Холод помогал угостомить боль, а глина высасывала из ранок яд. Быстро и привычно приготвили чай в старом бронзовом котелке. Чай был заварен на самых-самых лучших целебных травах, которые растут на берегу Чистого ручья в Настоящем лесу. Отвар, рецепт которого знал только маленький народ, помогал растворить любое зло, случайно попавшее в организм. Все семеро храбрецов выпили по большой порции (наверное, с целый напёрсток!) этого исцеляющего

напитка. Братья-гномы очень переживали за пострадавших, но они верили, что храбрецы обязательно поправятся. Боль от укусов потихоньку утихла, и потерпевшие стали погружаться в сон. Все остальные сразу перешли на шёпот, а передвигаться по дому начали на цыпочках, чтобы не потревожить уснувших.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ, В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ЖИЗНИ ГНОМОВ В НОВОМ ДОМЕ

Мало поселиться в доме, его надо ещё обжить. И вот гномы начали обживаться. Как вы думаете, нужна ли гномам мебель? Вы спросите: «А на чём же они будут спать?» Но ведь в осином гнезде остались бумажные соты. Это была лучшая в мире спальня с многоярусной кроватью. Гномы были просто счастливы! Если раньше им приходилось спать на траве, укрываться травой, и каждый проходящий мимо лесной житель невзначай мог на них наступить, то теперь не жизнь наступила, а просто рай! Им не надо было спешить, чтобы занять место получше. Все ячейки осиных сот были одинаково сухие и тёплые. Гномы быстро разместились по ячейкам и от удовольствия в тепле сразу захрапели.

На следующий день они спали почти до обеда. Проснувшись, подкрепились оставшимся в сотах осиным мёдом. (Все, несомненно, знают, что осы мёд почти не делают. Только совсем немного, чтобы полакомиться самим.) Самый-Маленький-гном занял вечером ячейку, в которой было немного мёда, и за ночь влип в мёд всем телом. Спалось ему необыкновенно сладко. Проснувшись, он облизал руки, а на большее у него сил не хватило. Тогда он стал звать на помощь братьев. Они дружно прибежали и вылизали его из мёда. Потом, чтобы не перепутать свои спаленки, гномы мёдом прилепили таблички. На табличках красиво было написано: «Моё». И так сделал каждый. С тех пор они никогда не путали ячейки.

– А как же столы и стулья? – спросите вы.

А зачем они в хорошем доме? Подумав, гномы решили, что это лишнее. Больше всего на свете они любили танцевать и делать разные акробатические упражнения. Но ведь если загромоздить квартиру мебелью, то места для танцев и акробатики не останется. Из сухих травинок умельцы сплели большой коврик, и он получился узорный, разноцветный. Ведь трава осенью в лесу такая красивая! Гном-художник развесил по стенам нарядные осенние листья, что мгновенно преобразило дом и создало праздничное настроение у его жильцов. На середину потолка они поместили своего давнего друга Светлячка. Он как раз искал себе место для зимовки, и предложение гномов ему сразу же понравилось.

– Я буду спать и заодно светить всю зиму, – обрадовался он. – Знайте, если я зажигаю огонёк, значит, мне снится очень хороший сон.

Спали только семеро храбрецов, похожих на каменных истуканов. А каждый из бодрствующих, проявляя заботу о героях, по несколько раз пробегая мимо, трогал у них лбы: не повысилась ли температура? Но температура у всех семерых была в норме, а сон, судя по громкому храпу, вполне глубоким. Тогда, посоветовавшись, их решили оставить в покое. Пускай себе спят. Их просто оттащили подальше от входа в дупло, уложили вдоль тёмной стенки и укрыли тёплыми шерстяными одеялочками.

На верёвках гномы втащили в дупло несколько пустых желудинных шляпок, поставили их в самый дальний угол общей комнаты. Из них получились отличные ёмкости для хранения продуктов.

– А где же мы возьмём продукты, ведь зима длинная и холодная? – спросил Самый-Глупый-гном.

А надо сказать, что в предыдущие годы гномы на зиму просто погружались в спячку, зарывшись в опавшие листья. И теперь все озадачились.

– Пойдём и найдём! – мудро изрёк Старейшина.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ, КАК НАРОД ДЕЛАЛ ЗАПАСЫ НА ЗИМУ

Гномы сразу спустились с дерева и побежали в разные стороны по лесу в поисках продовольствия на зиму. Гномы ели очень мало, поэтому никогда не голодали. Но поскольку зимой они обычно спали по примеру многих лесных жителей – ежей, сурков, барсуков, медведей, бабочек, жуков, – то запасов на зиму делать ещё не умели. Это для них было новое и весьма интересное занятие.

Погода в этот день, как бы извиняясь за вчерашний холод, одарила почти летним теплом и ярким солнцем. Ещё вовсю цвели последние лесные цветы, летали бабочки. Несколько гномов наткнулись на куст смородины. На этом кустике ещё оставались самые мелкие ягодки на верхушке. Гномы быстро влезали по веточкам, отрывали смородинки и бросали вниз, другие подхватывали эти душистые сладкие шары и начинали ими играть в волейбол, баскетбол, футбол и даже в вышибалы. Маленький народ был очень серьёзным и ответственным в делах, поэтому времени они зря не теряли – кувыркались, бегали – словом, играли долго и весело. Наигравшись вдоволь, катили вкусный спортивный инвентарь к своему дуплу. Там грузили ягоды в корзинку и поднимали на верёвках по одной, складывали в бочки из желудинных скорлупок, заливали цветочным нектаром, и ароматное лакомство было готово. Самый-Маленький-гном несколько раз садился в корзинку сам и катался вверх-вниз. Ему это очень нравилось!

Один гном отыскал в лесу новорождённый гриб-маслёнок, влез на него и съехал по скользкой грибной шляпке в траву. Конечно, с грибом он не справился, пришлось ему звать на подмогу. Примчавшаяся подмога до самого вечера, толкаясь и веселясь, каталась с маслёнка, со смехом падая в мягкие разноцветные листья. А когда утомились, то оставили грибок и побежали спать.

На следующий день маслёнок вырос настолько, что влезть на него уже не смогли. Принесли пилу, сделанную из острого листа осоки и, потрудившись, спилили гриб. Потом делили его на части, грузили куски на листья ивы, и несколько гномов тянули лист за верёвку. Самый-Маленький-гном ехал сверху, ведь он любил кататься! Так, общими усилиями дотащили по кусочкам гриб до дерева с дуплом, протянули сквозь каждый ломтик тонкую, но прочную шерстяную верёвочку и стали поднимать эту гирлянду на дерево. До дупла не дотянули: сил не хватило. Растянули верёвочку между ветками, оставили висеть: пусть сушатся!

Нарвали листьев земляники, развесили по стенам в большой комнате: высохнут – и зимой из них замечательный душистый чай будет, а сейчас листья наполнили ароматом такой милый дом.

Несколько желудёвых бочек заняли ежевичным вареньем, да и под деревом разложили ежевику для просушки. Сами разлеглись рядом, так как, пока таскали, объелись. Животы у всех раздулись, а губы и руки от ежевичного сока стали синими. Хохотали, глядя друг на друга. Ведёрками, сшитыми из листьев, носили нектар осенних цветов и сливали его в бочки.

Ещё они набрали просолоченных семян, просушили их и просто горкой ссыпали на полу в кладовке на один большой кленовый лист. Зимой можно будет раскалывать камешками семечки и есть вкусные, питательные ядрышки. Самое трудное было распилить на мелкие кусочки твёрдые лесные яблоки, чтобы сварить из них яблочное варенье. Для варенья они брали сладкий сок клёна, варили на костре из него сироп, добавляя сочные, пахучие дольки яблок. Наварили они варенья много, на всю зиму для всех гостей хватит – целый бронзовый котелок, который нашли в Настоящем лесу очень давно. Ещё древние гномы рассказывали молодым гномам священную историю этого котелка. А дело было так.

Шёл как-то раз один гном и нашёл бронзовый котелок. Сказал: «Ух, ты!», вмиг сообразил, что это вещь полезная, и дальше не пошёл, а остался жить здесь, около этой ценной находки. С тех пор жили именно в этом лесу, ведь унести котелок куда-то у маленьких человечков сил физических не хватало, а оставить такую нужную вещь – не хватало сил духовных. Как же жить без котелка?! В него по вечерам наливали свежей воды из прозрачного лесного ключа, разжигали под ним костёр и кипятили чудный, душистый чай на травах. Может быть, благодаря именно этому целебному чаю жизнь гномов была такой долгой и счастливой? Не знаем. Но нам известно, что удивительный народ жил в лесу много-много лет, и, конечно, гномы знали полезные свойства разных трав, замечательно умели лечить и очень вкусно готовили. Были у них для этого свои секреты, как у всякого уважающего себя повара.

Гному-рыболову за осень удалось наловить разной рыбы в лесном озере. В основном это были совсем мелкие ерши и пескари. Хотя и эту мелочь добыть для маленького человечка, рост которого можно сравнить с размером большой осы, пожалуй, было делом нелёгким. Но ведь не так прост был Гном-рыболов! Он, можно сказать, был почти что великан среди своих соплеменников. И ловил рыбу не удочкой, не сетью, а выходил охотиться с гарпуном. Гарпун он умело сделал сам из найденной когда-то лёгкой и сухой рыбьей кости, крепко примотав её к ровной и прочной кленовой палочке шерстяной ниткой. Он терпеливо стоял долгими часами в прибрежных зарослях осоки, выжидая добычу. И, как только какой-нибудь глупый пескарь зазеваётся на пригретом солнцем мелководье, наш храбрый Рыболов с размаху проткнёт его ловко своим острым оружием и тут же кричит, зовёт друзей. Они обычно где-нибудь рядом на берегу загорают, кувыркаются, играют в догонялки. Услышав его победный клич, бросаются на подмогу и вытаскивают общими усилиями громадную для них добычу. Старейшина объявляет победу и назначает на вечер всенародный праздник. В таком случае в бронзовом котелке кипит не обычный чай, а уха. И пока горит костёр и дух рыбы, сопровождаемый лёгким дымом костра, отлетает к предкам, племя бесмертных танцует древний танец Непобедимых охотников. Ведь ещё ни разу не случилось, чтобы рыба победила нашего рыболова в схватке. Хотя мы-то знаем, что Гном-рыболов просто выбирал самую-самую мелкую рыбёшку.

Кусочки пойманной Гномом-рыболовом рыбы тоже развесили на ветках Большой сосны провяливать. Конечно, выдержав предварительно их некоторое время в маринаде, приготовленном из сока пряных трав и кислых ягод.

Вовсю трудился дружный народ, используя каждый солнечный день этой щедрой на тепло осени, и к наступлению настоящих холодов у них в доме были собраны значительные запасы. Теперь можно было не спать зимой, а познавать каждый день что-то новое. Ведь в мире столько всего интересного! Можно общаться с друзьями, петь, учиться танцевать, совершенствовать игру на различных музыкальных инструментах, рисовать фантастические картины, изучать звёзды и минералы, ходить в гости и делать многое-многое другое.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЁРТАЯ, В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ДРУЗЬЯХ

Поскольку гномы отличались миролюбивым характером, то у них было много друзей. Каждая козявка и букашка гордо называла себя другом гномов и старалась помочь им, чем могла.

Жуки-олени помогали возить рыбу из озера до их сосны. По дороге, правда, иногда заворачивали по своим делам. Но через несколько дней всё же непременно доходили и интересовались:

– Справились или помочь?

– Спасибо, справились! – дружно отвечал им народ. – Нам уже Мышка помогла.

Самым большим другом гномов была Гусеничка. Она целыми днями сидела под их деревом и твердила: «Я – ваш друг! Я – ваш друг!» Ещё она постоянно съедала ежевику, которая сушилась под деревом. Или, заползая в дупло, пробиралась в кладовку и кушала там всё подряд. И за это миролюбивые гномы её мягко скидывали вниз, а она говорила: «Ой!» Но с завидным упорством гусеница вновь и вновь лезла к дуплу. Иногда даже у Ветра заканчивалось терпение, и он налетал на ползущую вверх по стволу прожорливую подружку и толкал её в бок. Но она была очень упрямой и, переждав сильный порыв Ветра, вновь продолжала движение к заветной кладовой. (Позднее гномы додумались сделать прочную дверь, но об этом в другой истории.)

Хорошим другом маленьких человечков была Стрекоза-разведчик. Она летала высоко и сообщала разные сведения, многие из которых были совершенно бесполезны. Например, она подлетала в самый напряжённый момент, когда гномы с трудом втаскивали грибную гирлянду на дерево, садилась на эту унизанную грибными кусочками верёвочку и кричала: «Внимание! Внимание! В нашем лесу медведь стал песни петь! Лось с испугу сбил подругу!» Гномы бросали верёвку и говорили: «Ух, ты!» А гриб падал на землю. Или в тот момент, когда они ложились спать, она заглядывала в дупло и что было мочи вопила: «Внимание! Внимание! Под нашей сосной бродит жук лесной!» И гномы говорили: «Ух, ты!» И она улетала довольная собой с чувством выполненного долга.

А однажды в ранние осенние сумерки Стрекоза прилетела и закричала: «Спасайте! Спасайте! Мышь умирает! Лежит в своей норке и умирает!» Друзья, не раздумывая, помчались спасать Мышь. Каждый бросил все свои дела, схватил мешочек с медикаментами и коробку с лекарственными травами и кинулся в мышиную норку. Мышке и правда было совсем худо. У неё был жар, и от этого она бредила. Гномы сразу поняли, что серая их приятельница попала ночью под дождь, а на улице уже холод-

но, и она простудилась. Все дружно приступили к лечению: кто прикладывал холодные компрессы к её лбу, кто поил её микстурой, кто укрывал тёплым одеялом, кто-то давал горячий чай с малиной, другие делали липовые отвары. Гномы три дня не смыкали глаз. Ночами они, как и положено, спали, но время от времени один из них просыпался, мерил Мышке температуру, делал ей укол и снова засыпал. Поэтому в первую ночь ей сделали 16 уколов, 56 раз смили температуру, поставили 34 компресса, 32 раза дали попить чай с отварами и 47 раз – микстуру. И вот лечение не прошло даром: жар спал, и больной стало легче. Когда утром четвёртого дня они проснулись, то обнаружили, что Мышь ушла. Несколько дней они ждали её возвращения. Незаметно для себя милые гномы съели многие мышиные продовольственные запасы. Но оказалось, что Мышь уже давно сделала себе новую норку и натаскала в неё других запасов. Дело в том, что она устала от таких изнурительных лечений и от таких беспокойных и многочисленных докторов.

Съев все оставшиеся припасы, гномы вернулись в своё уютное дупло, полностью уверенные в том, что они лучшие в лесу лекари и отличные друзья.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ, В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ, КАК ПОШЛИ ДОЖДИ

И вот закончились тёплые солнечные денёчки. Добрый лесной Ветерок уже окончательно передал службу своему старшему брату Студёному ветру, который сорвал с деревьев последние листья, и наступила поздняя осень с серыми, холодными дождями. Они шли с утра до ночи. Но гномы не унывали. Ведь для того, чтобы унывать, нужно иметь унылый характер, но наши гномы были не такими. Они были весёлыми и весьма изобретательными, им всё на свете было интересно. А теперь у них наконец-то появилось время для самого занимательного. И увлечения у них были весьма разнообразные.

Старейшина целыми днями играл на трубе, сделанной из пустого стебля травы. Он сидел на полу, на красивом плетёном коврикe, усиленно дул и с наслаждением слушал, какой завораживающий, долгий и густой звук издаёт его труба: «У-у-у-у!» А вечерами он изучал звёзды, расшифровывал манускрипты ушедших цивилизаций и писал об этом научные статьи.

Гном-художник рисовал осенние пейзажи соком различных трав и ягод. Например, зелёную краску он брал из сока подорожника, жёлтую заготовил из пыльцы одуванчика, оранжевую – из сока чистотела, синюю – конечно, из ежевики, голубую – из голубики, малиновую – из малины и т.д. Потом ему захотелось рисовать зимние пейзажи, чтобы поторопить красавицу-зиму. Ведь гномы её никогда не видели. Позже он намеревался непременно сделать выставку своих работ и пригласить на неё всех друзей. Многие братья, вдохновлённые его живописным умением, усаживались рядом с ним и рисовали, рисовали: ярко и нежно, весело или немного грустно, по-разному, кто как видел, кто как чувствовал.

Два друга-шахматиста каждый день играли в шахматы. Шахматные фигурки слепил для них из глины Гном-скульптор. А клетчатую доску ровненько расчертили они сами на сухом дубовом листе. Любители этой логической игры усиленно готовились к чемпионату леса по шахматам среди гномов, раз-

рабатывали различные шахматные комбинации, продумывали тактику и стратегию боя. У них были свои ученики и болельщики, которым тоже нравилась эта увлекательная игра, ведь она всегда заканчивалась неожиданно.

Гном-гончар делал глиняную посуду: чашки, кружки, тарелки. Вилки и ложки он тоже умудрялся делать. А ещё он любил лепить красивые маленькие скульптурки и дарить их на дни рождения всем вокруг.

Один гном был коллекционером. Он собирал и описывал тапочки и шапочки своего древнего народа – носителя славной культуры. А надо сказать, что у всех гномов тапочки и шапочки были разные: по традиции этого талантливого племени каждый его представитель сам вязал себе шапочку и одну тапочку, а вторую тапочку ему дарил его самый лучший друг. Так очень легко было понять: кто кому друг.

Гномы вязали всю одежду из шерсти лесных животных. Весной, как известно, у животных происходит линька, и они теряют по лесу клочки шерсти. Маленький народ ходит в это время между деревьями и кустами и собирает шерсть в мешочки. Они моют её, чешут, прядут, сматывают в клубки. А в дождливую погоду вяжут себе шапочки, тапочки, свитера и бриджи, одеялочки, повязочки на глаза для игры в жмурки, мячики для пинг-понга и, понятное дело, мешочки для целебных трав и не только.

Один гном был большим любителем аквариумистики. Он попросил Гнома-гончара сделать для него большой глиняный аквариум. А Гном-художник нарисовал на этом непрозрачном аквариуме красивых рыб с синими хвостами. Хотя держал в своём аквариуме наш Аквариумист почему-то совсем не рыб, а головастики. Он набирал их весной в прогретой солнцем луже совсем малюсенькими, добросовестно заботился о них: регулярно менял воду, приносил свежей рубленой осоки и много водорослей, ловил в лесу комаров и мошек, сыпал им оставшиеся после обеда хлебные крошки.

И вот когда головастики наконец подрастали и готовились превратиться в лягушат, он бегал и кричал радостно на весь лес:

– Чудеса! Чудеса! Приходите все! Смотрите все! Великое превращение!

И все приходили и собирались вокруг аквариума (даже Ветерок заглядывал с любопытством), смотрели затаив дыхание, а потом быстро прятались, так как лягушата выпрыгивали из воды и убегали в лес. А Гном-журналист уже готовил новый номер свежей «Домашней газеты» с подробной научной статьёй Гнома-учёного о биологических превращениях земноводных.

Гном-полиглот изучал языки разных лесных жителей. Для стажировки он приглашал пожить в дупло то весёлых птичек, то серьёзных жуков. Сейчас Полиглот разговаривал со Щеглом. Щеглиный язык был очень трудным, ведь эти птицы необычайно разнообразно и красиво посвистывают, прищёлкивают и выводят тонкие трели. Перед отбытием Щегла на зарубежные гастроли Гном-полиглот попросил его дать для всех жителей леса сольный концерт. Артист любезно согласился. (Тем более что выдался ясный, сухой денёк.) Гном-художник нарисовал прекрасную афишу, Гном-журналист разместил в газете крупными буквами анонс предстоящего мероприятия, и вечером все ценители истинного искусства уселись на поляне под Большой сосной и целый час наслаждались великолепным пением прославленного исполнителя. Ну, вы-то понимаете, что и старший брат нашего Ветерка тоже прилёг позади слушателей и притих от удовольствия. Но он был так музыкален, что два раза даже не удержался и подпел Щеглу, когда тот брал особенно высокие ноты.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ, В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ, КАК ГНОМЫ НАШЛИ КЛАД

Однажды, когда деревья в Настоящем лесу уже осыпали листья и Ветер утнал и разложил их по овражкам, народ обнаружил пропажу Гнома-искателя. Искателем его звали потому, что он искал всё подряд. Иногда даже что-нибудь отыскивал. Его самого искали в лесу целую неделю. А нашли в кладовочке, в бочке из-под варенья. Оказалось, что он нашёл варенье и с аппетитом съел его. Все были рады, что Гном-искатель так благополучно нашёлся.

В другой раз Искатель отправился на поиски приключений и опять пропал. Весь народ бросился отыскивать Гнома-искателя. Поискали, поискали и нашли его на том дереве, на котором они и жили, но немного выше входа в их дупло. Он сидел на толстой ветке и кричал громко: «Сюда! Сюда!» Тогда они бросили ему наверх верёвку. Но он не спустился сам, а привязал к концу верёвки что-то блестящее и, перекинув её через ближайшую ветку, стал осторожно опускать свою находку вниз. Когда гномы приняли это блестящее в свои многочисленные руки и отвязали верёвку, то дружно произнесли: «Ух, ты!» А Старейшина удивился: «Вот это да!» Сверкающий яркими солнечными зайчиками предмет оказался большим настоящим бриллиантом. Все долго стояли вокруг сокровища с раскрытыми ртами и горящими глазами, в которых отражались бриллиантовые блики, совсем забыв про Гнома-искателя. А он сидел и кричал: «А меня?!», но его не слышали. Когда наконец-то вспомнили о нём, то бросили ему верёвку повторно. Счастливый Искатель спустился по ней и рассказал удивительную историю о том, как он бродил по лесу... И тут его самого нашла Сорока и подняла высоко в своё гнездо. Она положила незадачливого Искателя рядом с разными цветными безделушками и вскоре улетела по своим сорочьим неотложным делам. А Гном-искатель увидел в сорочьем гнезде среди всякой шелухи, мусора, бумажек, разноцветных камешков и стекляшек, которые Сорока воровала где только могла, вот этот самый бриллиант.

Гномы поместили находку посередине комнаты в шляпку жёлудя и стали водить вокруг него хороводы. Они от радости целый вечер кувыркались, ходили на руках, делали сальто, пели хором и сольно, жонглировали, устраивали старинные и новомодные праздничные танцы. И даже спать не хотели ложиться, потому что не могли налюбоваться на красивое сияние драгоценного камня, отражающего свет луны и ярких осенних звёзд, которые заглядывали с любопытством в их дом, ставший сразу таким сказочным.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ, В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ, КАК ГНОМАМ УГРОЖАЛА СЕРЬЁЗНАЯ ОПАСНОСТЬ

Было хмурое, ветреное, предзимнее утро. Проснувшиеся гномы по обыкновению занялись своими привычными делами. И только Самый-Глупый-гном сел на коврик возле кровати и спросил: «Что будем делать сегодня?» Все на него укоризненно посмотрели, а Гном-учитель посоветовал: «Займись чем-нибудь». Последним проснулся Старейшина. Он взял свою трубу и совсем уже приготовился насладиться её чудесным густым звуком, как

вдруг в открытое дупло влетела большая, чёрная, мохнатая летучая мышь. Для гномов это было просто чудовище. Она прицепилась когтями к потолку вниз головой и сложила крылья. Видимо, она собиралась спать в их тёплом уютном дупле. А может, даже и осталась бы зимовать, ведь летучие мыши спят всю зиму, прицепившись где-нибудь вниз головой и плотно укутавшись своими кожаными крыльями.

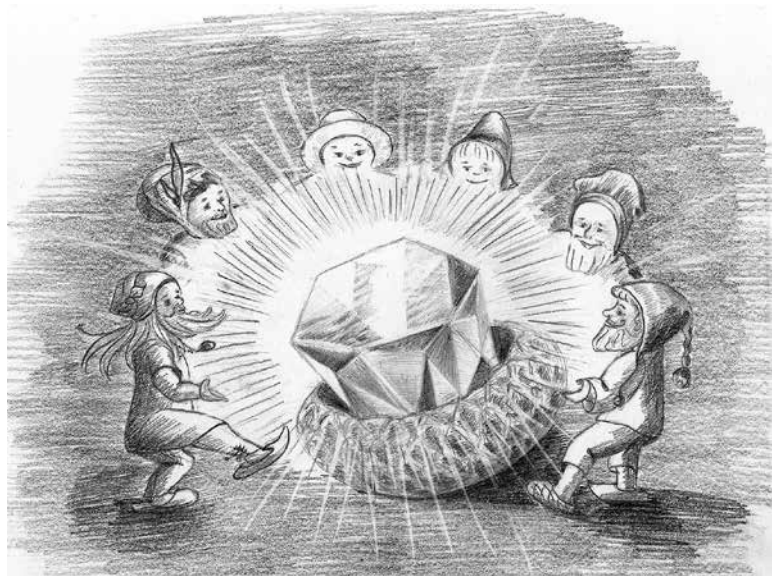
— Что будем делать? — спросил тихо Самый-Глупый-гном.

Почему-то весь маленький народ вдруг почувствовал, что им совсем не хотелось бы жить в одном дупле с этим страшным существом. И тут Старейшина затрубил: «У-у-у-у!» Он играл всё громче, и все человечки одновременно затопали ногами, захлопали громко в ладоши и закричали: «У-у-у-у!» А семеро спящих храбрецов откликнулись на общий шум громким раскатом дружного храпа. Летучая мышь проснулась, поморщилась и вылетела из дупла. Она поняла, что здесь ей не удастся спокойно отдохнуть.

Когда общая радость стала понемногу утихать, Старейшина изрёк: «Надо делать дверь!»

Весь народ, отложив праздничные дела, принялся дружно за изготовление двери. Они быстро нашли подходящий кусок лёгкой древесной коры, обклеили его при помощи липкой сосновой смолы непробиваемой рыбьей чешуёй. И дверь получилась на загляденье: прочная, красивая, блестящая, непромокаемая. Её надёжно закрепили верёвками. А Гном-художник повесил на неё табличку с надписью: «Дверь». После этого её торжественно закрыли, и все сразу почувствовали, как уютно, тихо и тепло в их прекрасном жилище.

После этого всеобщее возбуждение улеглось, и народ наконец заснул спокойно. Никакой непрошенный гость теперь в их надёжный приют просто так не влетит, не войдёт, не вползёт. А для друзей за дверью был прицеплен расписной фарфоровый колокольчик с длинным шнурком до самой земли. Правда, на этом шнурке любил раскачиваться Самый-Маленький-гном, наслаждаясь весёлым мелодичным звоном. А пока холодный Ветер пел свою протяжную песню, убаюкивая весь народ Настоящего леса и тихонько позвякивая этим узорчатым фарфоровым инструментом, чтобы непременно всем снились добрые, таинственные сны.

«ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ ДЕТИ БЫЛИ СЧАСТЛИВЫ...»

Беседа с Людмилой Липатовой,
автором «Сказки о маленьком народе»

А. М. Людмила, ты и поэт, и бард, и художник-иллюстратор... Какое место занимает в твоём творчестве именно детская литература?

А. Л. Кроме повести «Сказка о маленьком народе» у меня есть и другие сказки. Сейчас я работаю над новой книгой. Надеюсь, что она скоро выйдет в свет.

А. М. Сама ты в детстве, наверное, тоже любила сказки? Кого предпочитала из писателей?

А. Л. Я очень любила Мамина-Сибиряка с его «Алёнушкиными сказками» и Павла Бажова. Они оба писали о Сибири – это был всегда для меня далёкий, таинственный, сказочный мир. Лес, горы – там было всё, чего не было у нас. Моё детство прошло в деревне в Саратовской области. Ну, степь, овраг – леса там не было. Но всегда казалось, что чудеса случаются именно в лесу!

А. М. В перестройку с Запада хлынула «другая» литература, в том числе – повести про Гарри Поттера. И на нашей отечественной детской литературе это влияние тоже сказалось... У Дмитрия Емца, например, появилось несколько серий в подражание Джоан Роулинг. Может быть, с современными детьми нужно говорить только на современном языке? И существует ли проблема героя в современной детской литературе?

А. Л. Проблема героя, конечно, есть всегда. Тех писателей, которые пишут вслед кому-то – Джону Толкиену, например, и подражателей Джоан Роулинг я не поддерживаю. Ведь гораздо проще взять готового персонажа и придумать ему новые приключения. А вы создайте свой удивительный, фантастический мир, придумайте своего героя!

Но романы о Гарри Поттере я прочитала вместе с сыном, который был подростком. Мне было важно найти с ним общие интересы. Всё, что написала Джоан Роулинг, ценно для меня не приключениями, а психологией межличностных отношений, которые сопутствуют становлению подростка. Детей-то, конечно, больше привлекает волшебство.

К сожалению, в западной детской литературе больше мрака, а я категорически не люблю, когда дети-читатели уходят в сумерки. Как можно говорить, что вампиры – хорошие?! Я против такой подмены ценностей. Ничем нельзя подменить семью, настоящую дружбу...

А.М. Какими же качествами должна обладать книга для детей?

А.А. В первую очередь, ребятам не должно быть скучно. Иначе они быстро переключатся на что-то другое. Во-вторых, книга должна быть познавательной, в ней должно содержаться открытие чего-то нового. Чтобы это наталкивало на размышления, и ребёнок сам пришёл к выводам – как поступать правильно, как неправильно... То есть книга должна быть ещё и воспитательной в каком-то смысле. «Сказка – ложь, да в ней намёк...» Для этого и создавались всегда и русские народные, и авторские сказки.

А.М. А вообще жанр сказки сейчас востребован? Он развивается или нет, на твой взгляд?

А.А. Думаю, что развивается. Конечно, сейчас в моде больше жанр фэнтези, но, по большому счёту, это та же сказка. В ней где-то больше мистики, иногда – научной фантастики... Мы избегали этого, наша сказка, можно сказать, бытовая.

А.М. Хорошее определение – бытовая сказка про гномов!

А.А. Наши гномы – не волшебники. У них скорее детские характеры. Они не жадные, какими принято считать гномов, и у них огромное количество друзей.

А.М. А как возник замысел твоей сказки о маленьком народе?

А.А. Идея сказки пришла в голову моему сыну Ивану, когда ему было тринадцать лет. Мы отдыхали на каникулах, жили на улице, самой ближней к лесу. Лес сначала шёл дубовый, потом – осиновый, а после кленового леса шёл ещё и сосновый. Один лес плавно переходил в другой, и мы каждый день ходили туда гулять.

Иван придумал маленьких человечков размером с насекомое. Эти человечки и общаются часто с насекомыми: одни – их друзья, другие – нет, но потом всё равно они начинают дружить... Любой ребёнок под каждым листом видит сказку, наверное, и он также придумал эту историю. Я ему просто помогала. Иван придумал всех сказочных персонажей, я только помогла литературно обработать эту историю...

А.М. Как сказочники вы обладаете большой фантазией. Она помогла тебе и в иллюстрировании этой повести...

А.А. Несомненно, ведь нужно придумать то, чего в жизни нет, чтобы детям было интересно, чтобы и у них развивалась фантазия. И мне, разумеется, пришлось напрячь своё воображение, чтобы представить, как же они выглядели. Каждый персонаж нашей повести обладает своим характером и имеет какое-то хобби: например, гном-аквариумист, гном-художник, гном-полиглот, гном-звездочёт, старейшина... Все их особенности, естественно, отражаются и на их внешности. Поэтому я и должна была детально их представить, чтобы потом нарисовать.

А.М. Наверное, смешной вопрос: были ли прототипы у маленьких человечков?

А.А. Конечно, были! После прочтения нашей сказки ко мне подошёл Михаил Семёнович Муллин и спросил: «Скажи честно, ведь это всё из жизни?» Я честно ответила: да, прототипы есть не только у гномов, но и у гусеницы... Все они написаны с каких-то знакомых, друзей.

А.М. Как восприняли вашу повесть читатели?

А. А. Читателям разного возраста – и детям, и взрослым, даже тем, кому за семьдесят – понравилось, были положительные отзывы.

А. М. Хорошую детскую сказку хочется продвигать дальше. Думала ли ты над её аудиоверсией или над созданием на её основе сценария для театральной постановки, для мультфильма?

А. А. Честно говоря, такая идея есть. Некоторое время назад «Повесть о маленьком народе» попала в руки к художнице, работающей в мультипликации. Сотрудничество ещё не началось, но сказка ей понравилась тоже. Очень хотелось бы, чтобы продолжение получилось радостным! Может быть, сказка вдохновит кого-нибудь ещё?

А. М. Для детей писать не так-то просто! Как тебе удаётся находить общий язык с детьми?

А. А. Мысленный диалог с детьми идёт постоянно. Тридцать лет я работала учителем начальных классов. Очень хочется какие-то сложные вещи объяснить детям, чтобы и им стало понятно. Поэтому я и выбираю жанр сказки.

А. М. Всё хорошо, что хорошо кончается. Должен ли быть у сказки счастливый конец?

А. А. Желательно. Безусловно, я до сих пор люблю сказки Андерсена, но в них заключена какая-то светлая грусть. Да, в настоящем мире тоже не всё сладко, но хочется, чтобы дети были счастливы.

Беседовала Анна Морковина

**Марина
НОМОКОНОВА**

БЕРЛОГЕР

КОГДА МЕДВЕДЬ – ХУДОЖНИК

Когда Медведь – художник,
То каждый подорожник
Ему сердечно рад,
Ему сердечно брат.

Когда идёт он на пейзаж,
Берёт любимый карандаш:
Приятно дело с ним иметь,
Он тоже мягкий, как медведь.

И пусть деревьям тыща лет –
Стоят, не горбясь, прямо.
– Ах, замечательный портрет! –
Хвалила Мишку мама.

Но только вечер настаёт,
И Мишка к маме пристаёт:
– А кто, пока я не усну,
Рисует звёзды и луну?..

СОН

По аллеям парка бродит
Тень огромная, как слон.
И кого она находит,
Погружает в крепкий сон.
Вот и статуя уснула
Как стояла, в уголке.
Это тень её лизнула
По ноге или руке.
Лист не слушался кленовый,
А теперь и он молчок.
И в коре, в ложбинке новой
Жук ложится на бочок.

-
- Марина Валерьевна Номоконова родилась в 1979 году в г. Дубна Московской области. Публиковалась в журналах «Костёр», «Мурзилка», «Октябрь». Участник Восьмого фестиваля «Молодые писатели вокруг «ДЕТГИЗа» (2016), Тринадцатого семинара молодых писателей «Липки» (2017), г. Таруса, Семнадцатого форума молодых писателей РФ и стран СНГ (2017), Девятого фестиваля «Молодые писатели вокруг «ДЕТГИЗа» (2017).

ВХОДНАЯ ДВЕРЬ

Возмутилась дверь ВХОДНАЯ:
– День за днём сплошной поток.
Целый день тружусь одна я!
Хоть бы кто-нибудь помог!
До петель оскорблена я.
Всё. Теперь я – ВЫХОДНАЯ!

ЛОДКА

Лодка тоскует по реке,
Как по свободе пёс.
Грустно, когда ты на поводке.
Осока щекочет нос...
Лодка тревог и надежд полна.
И ещё камней и песка.
Лодку жалеет речная волна
И нежно гладит бока.

Я ОЧЕНЬ ХОЧУ ПРЕВРАТИТЬСЯ В ЖУКА

Я очень хочу
Превратиться в жука,
Но, как это сделать,
Не знаю пока...
Я обязательно
Стану жуком,
Чтобы светиться
В ночи огоньком!

Как и положено
Сыну-жуку –
Буду носиться
По потолку.
Станут родители
Мне возражать –
Буду на них
Из-под люстры жужжать!

А если я каши
Не захочу,
Крылья расправлю
И улечу!

ДОМ

Дом неделю веселился –
Дом жильцами заселился.
У него здоровый вид,
Огонёк в глазах горит.
Это значит – он жилой!
Это значит – он живой!

НОЧЬ НАДЕЛИ НА ОКНО

Ночь надели на окно
В комнате моей,
И от этого оно
Кажется грустней.
Смотрит бедное окно
Стёклами во тьму,
Но не видно ничего
Во дворе ему.
Ну а завтра – новый день!
Улица светла!
Это нашему окну
Станет ночь мала.

ТУМАН

К нам в город приходит
Волшебник Туман.
И всё, что находит,
Он прячет в карман.
Дома, переулки,
И речку, и лес.
Туда и вокзал
Вместе с поездом влез.
Вот только, похоже,
Карман мелковат:
Макушки у ёлок
Наружу торчат.

ВАРЕЖКА

У ладошки славный дом,
Хоть и места мало в нём.
Без трубы и без окна,
Только комната одна.
Но зато такой родной –
Тёплый,
Мягкий,
Шерстяной.

ПИСЬМО

Оно совсем ручное –
Бумажное письмо.
По адресу не может
Оно дойти само.
Его в почтовый ящик
Относят на руках.
И, возвращаясь, письма
Тепло несут в словах.

**Виктория
ТАТУР**

НАНОЗАВРЫ

**Повесть в рассказах
Журнальный вариант**

ОСТОРОЖНО: ЗЛЮЩАЯ СОБАКА!

– Теодор, вылезай из машины! И выключи свой планшет, – крикнула мне мама.

Она стояла рядом с папой на крыльце заброшенного дома и искала в сумке ключи.

Да это даже не дом, а развалюха какая-то. Крыша как будто набок съехала, окна вообще разбиты. А во дворе крапива и лебеда мне по пояс.

Я вылез из машины и хлопнул дверцей. Где-то хрипло надрылся петух. От него не отставал поросёнок и похрюкивал так, словно дудел в тромбон: «хрю-хрю, ух-ух».

– Вот это музыка! Настоящая, деревенская. А название-то у деревни какое – Кайвакса! Просто песня! – сказал папа. Он с трудом повернул ключ и снял ржавый замок с разошедшейся деревянной двери. – Ну, чего стоишь? Заходи.

– Давай, давай, – подтолкнула мама. – Смелее, тебе здесь понравится.

Понравилось, ничего не скажешь! Я ходил по дому и осматривался. Кругом пахло пылью. По углам кружева из паутины, на шершавых подоконниках сухие мухи лежат. Им, наверно, уже лет сто, не меньше.

Самой ужасной оказалась кухня. Со стен лоскутами обои свисают, на плите – коричневые пятна жира. Я заглянул

-
- Виктория Владимировна Татур – победительница литературного конкурса «Первая книга» на международном фестивале «Чудо-книга». Дважды победитель литературных конкурсов Михайловского заповедника им. А.С. Пушкина. Дипломант первой степени в литературном конкурсе «Хрустальный родник». Лауреат Международной премии в области литературного творчества для детей «Алиса-2020», литературного конкурса «Живой родник» в номинации «Проза для детей». Участница Всероссийской школы писательского мастерства Центрального региона от СЭИП им. Филатова (2019), участница семинаров молодых писателей в Оренбурге, Самаре, Вологде, Химках. Член Международного творческого объединения детских авторов. Публиковалась в сборниках «Валины сказки», «О бабушках и дедушках», «Таинственная планета», «Будь человеком!», в журналах «Литературный маяк», «Формаслов», «Путеводная звезда», «Простокваша», «Литература».

в кастрюлю, а там на дне плесень. Зато печь огромная, в полдома и удивительно белая. Будто здесь домовый живёт или печневой, не знаю, как он там точно называется, и эту печь сам белит каждый год. Мне даже показалось, что она ещё тёплая. В ней окошки выемками, как настоящие бойницы. Правда, в этих окошках носки какие-то шерстяные лежат, железные банки из-под консервов и гвозди ржавые.

– И как мы здесь жить будем? – Я с тоской посмотрел на родителей.

– Замечательно! – бодро отозвался папа. – Дом хороший, крепкий.

Папа с силой постучал кулаком по стене, на которой висела деревянная полка. Полка всхлипнула, оторвалась и повисла, раскачиваясь на единственном гвозде.

– Ничего, всё подлатаем, – не унывал папа.

– И вымоем. Будет как новенький! – поддакнула мама. – И потом, ты же знаешь, свежий воздух...

– Да-да, очень полезен для растущего организма, – продолжил я за неё.

Мои родители получили в наследство от троюродной бабушки этот дом. Я в глаза её никогда не видел и раньше даже не знал о ней. Родителям хорошо: они оба журналисты, из любой точки мира могут работать. Уткнутся в свои ноутбуки и строчат статьи для журналов. Мама – про моду, папа – про машины. А я? Да у меня все друзья в Питере остались. Что я в этой деревне делать буду?

Мама отжала в ведре тряпку, нарядила в неё длинную швабру и посмотрела на меня:

– Сынок, сходи в магазин. Найдёшь дорогу?

– По навигатору дойду.

– Теодор, я сказала: убери немедленно планшет!

– Ладно, – буркнул я, всё ещё злясь на родителей, – что купить?

– Десяток яиц, три йогурта и печенье к чаю.

Кстати, Теодор – это я. Так меня назвали в честь дедушки по маминей линии, а он грек по национальности. Я горжусь, что ношу его имя, ведь дедушка был самым знаменитым пожарным в своём городе. От него мне достались чёрные кудрявые волосы и смуглая кожа. А от папы я получил голубые глаза и фамилию Семечкин. Так я и стал Теодором Семечкиным, а друзья зовут меня Тедди. Каждое лето я ездил к дедушке в Грецию. Но из-за этого дома пришлось вернуться в середине лета, когда море самое тёплое. Как я надеялся, что наконец-то плавать научусь! А теперь меня в эту глухомань загнали...

Выйдя на улицу, я сразу принюхался. Запах здесь сладкий, душный и горький одновременно. Ещё совсем недавно пели птицы и сумасшедший петух орал. А сейчас тишина, только шмель мимо пролетел и прожужжал над моим ухом.

По дороге я встретил старушку в прямоугольном платье – будто мешок, только в мелкий цветочек. А на голове у неё настоящая корзина сплетена из седых волос. Рядом с ней шла корова, позвякивая железным колокольчиком на шее, и на ходу срывала траву. Я посторонился. Встречаться вот так запросто, лицом к лицу, а точнее, лицом к морде мне с коровами ни разу не доводилось.

– Чего-то я тебя не узнала. В гости к кому приехал? – спросила старушка, смешно окая.

Корова остановилась и продолжила безучастно жевать траву.

– Не, мы теперь здесь живём во-он в том доме-развалюхе, – я махнул рукой.

- А-а, так там раньше бабка Шура жила. Ты внук её, что ли?
- Ну, можно и так сказать.
- А чего же не здороваешься-то? У нас в деревне все друг с другом здороваются. Я, кстати, Бабзоя.
- Извините... – я смутился. – Здравсьте.
- Ты в каком классе-то учишься?
- В пятый перешёл.
- Вот Генка-то обрадуется!

Довольная Бабзоя кивнула и пошла дальше. А корова послушно побрела за ней, даже не взглянув на меня.

«Что это за Генка такой?» – думал я, разглядывая дома по обе стороны дороги. Они напоминали огромные банки с разноцветной гуашью. Около одного такого дома стояло мохнатое дерево с иголками, а под ним песочница, в которой возились малыши. Я удивился, что рядом совсем не было родителей. У нас в городе на площадке, кажется, мамочек больше, чем самих детей.

Вообще деревня небольшая оказалась. Всего-то домов тридцать. Я взбивал жёлтую пыль на песчаной дороге и вскоре вышел к магазину.

У входа стоял полицейский в форме, здоровый, как холодильник, и держал в руках пакет. Пакет время от времени подпрыгивал оттого, что полицейский всё старался втянуть голову в плечи.

Полицейский отчитывал рыжего лохматого мужчину в рваной одежде. Мужчина покачивался и всё время улыбался.

– Серёга, – говорил полицейский, – вон на пилораму работать бы устроился.

– Так, не брать, шершемушель, – отвечал Серёга.

– А тебе известно, почему не берут?

– Известно, – согласился Серёга. – Ноу пасижу тужу-мужу. Мусье Синицын, дай стольник в долг.

Полицейский махнул рукой, протянул ему батон из пакета и отсыпал немного конфет.

Я уже открыл дверь в магазин, когда меня окликнул лохматый Серёга:

– Эй, паренёк!

– Не вздумай у детей деньги кланчить! – строго сказал полицейский. – Это уже уголовная статья. Вымогательство называется.

Не хотел бы я с таким Серёгой ночью повстречаться. От такого чего угодно ожидать можно!

Вот магазин интересный. Я в таких никогда не был. Прилавок с продуктами буквой «п» расположен. У двери печка железная, рядом поленья сложены в картонную коробку. У большого окна две скамейки. А за прилавком – касса.

За кассой стояла полная женщина в голубом переднике, с такими же голубыми тенями на веках. Она взвешивала варёную колбасу длинному и худому, как лыжа, старичку со светлым пухом вокруг лысины. Старичок зачем-то повязал толстый шерстяной платок на поясицу. Я удивился: на улице жара, а он так утепился.

– Здравсьте, – сказал я с порога.

– Забор покрасьте, – отозвался дедушка в платке скрипучим голосом. – Приехали городские, даже поздороваться толком не могут.

– А вы откуда знаете, что я из города?

– У нас в деревне всё про всех знают. Так что даже не вздумай чего-нибудь натворить.

Только я хотел сказать, что ничего такого делать не собираюсь, как он снова заскрипел:

– Знаю я вас! Все вы сначала хорошенькие, а потом у меня антенны на крыше пропадают и эхолоты с нужной частоты сбиваются.

– Хватит тебе, деда Егор, – сказала продавщица. – Ты со своими инопланетянами всем надоел! Никому твои антенны не нужны.

– Они мне нужны! – тут же вскипел деда Егор. – Я должен быть подготовлен к встрече с внеземным разумом.

Продавщица махнула рукой и повернулась ко мне:

– Тебе чего, мальчик?

Я купил яйца и печенье. Йогурта в магазине не оказалось. И уже собрался уходить, когда меня окликнула продавщица:

– Постой, мальчик. С Генкой-то уже познакомился?

– Нет, а кто это?

– Ну, сам увидишь. А меня, кстати, тётя Лена зовут.

Я кивнул и отправился домой. Эта деревня мне совсем не нравилась: странные здесь все какие-то. И ещё этот Генка... Не хочу я ни с кем знакомиться!

Проходя мимо голубого дома, я увидел на заборе табличку: «ОСТОРОЖНО! ЗЛЮЩАЯ СОБАКА». Мне даже интересно стало, кто там прячется? Вдруг бультерьер? Или ротвейлер? Или вообще огромный алабай? Тогда почему забор такой низкий? Его же в два счёта перепрыгнуть можно! А может, эта собака и есть Генка?

На всякий случай я спрятал пакет с яйцами за спину, осторожно приблизился и заглянул в щель между досками забора. В то же мгновение оттуда высунулась крохотная мордочка с носом-пуговкой и истошно завизжала: тив-тив-тив-ав!

От неожиданности я отскочил и замер посреди дороги. Вдруг из-за угла вылетел рыжий мальчишка на велике. Он просвистел мимо меня, вывернул руль и врзался в забор.

Я еле успел увернуться в другую сторону, споткнулся и упал в кусты крапивы. Под собой услышал хруст. А собака испугалась и скрылась где-то во дворе.

От обиды в горле у меня комок набух и захотелось заплакать. Мальчик с румяным лицом в крупных веснушках вылез из-под велосипеда и подбежал ко мне:

– Смотри, где стоишь!

– Сам смотри, куда едешь! – выкрикнул я, изо всех сил сдерживая слёзы.

– Ну всё, сам напросился! – Он выставил вперёд кулаки. – Поднимайся, я лежачих не бью.

Он был крупнее меня, а значит, сильнее. Я всё ещё как дурак лежал в кустах крапивы.

– У меня папа мастер спорта по дзюдо, – зачем-то соврал я, – мы с ним каждый день тренируемся.

– Ага, поэтому ты в кусты отлетел да ещё и штаны от страха обмочил.

И тогда я почувствовал под собой что-то мокрое. На моих белых шортах растеклось желтое пятно от яиц.

– А-ха-ха, ладно, дзюдоист, вставай. Покажи приёмчик! – И он протянул мне руку.

В ответ я протянул ему свою. Одним прыжком поднялся с земли и зачем-то выпалил, что не знаю никаких приёмов и что папа у меня вовсе не мастер спорта.

– Хых, так и знал! А у меня родители геологи. Они сейчас в экспедиции. Домой только в самом конце лета приедут.

– И ты один живёшь? – удивился я.

– Не-э, с бабушкой. Она за мной присматривает. А чего присматривать? Здесь всё равно скучно и заняться нечем. Одна мелюзга бегают или совсем взрослые пацаны. Зато я себе велик сделал. Смотри, какие колёса!

Велик и вправду крутой. Колёса большие, от мопеда, наверно. Руль блестящий со старинным клаксоном, а спицы цветными катафотами увешаны.

Рыжий мальчик постучал кроссовкой по колесу.

– До пятидесяти км/ч в час разгоняется. А ты где живёшь?

– Там, – я махнул рукой, – в конце деревни.

– В заброшенном доме?

– Ага.

– Так мы ж с тобой соседи! Меня Генка зовут.

– А меня Теодор.

– Ка-а-ак? Те-о-дор? – он будто попробовал моё имя на языке и сморщился, как от солёного огурца.

– Друзья меня Тедди зовут.

– О, вот это сойдёт, – кивнул он.

Мы пожали друг другу руки, и я подумал, что здесь можно было бы и остаться. Совсем ненадолго, на пару дней.

– От родителей, наверно, влетит за разбитые яйца? – Генка посмотрел на мои испачканные шорты.

– Расстроятся, это точно. – Я почесал выступившие на руке волдыри от крапивы.

– Пойдём. Я тебе кое-что дам. – Он поднял велик и покатил его.

Оказалось, что Генка живёт в двухэтажном доме с ярко-зелёными наличниками на окнах.

– Сам красил, – Генка небрежно кивнул в сторону окон, и я тут же проникся к нему уважением.

Он прошёл в сарай, откуда доносились необычные звуки. Открыл хлипкую дверь и пропустил меня вперёд. Вот где я удивился! Это оказался настоящий курятник. Я раньше такое только по телеку видел. Там было полно куриц. Они носились в разные стороны, расталкивали друг друга и кудахтали, будто переругивались. А петух, увидев нас, вскинул голову и замахал крыльями.

– Фофка, не кипятись! – Генка выставил вперёд руку.

Петух приосанился и повернулся боком, поглядывая одним глазом за Генкой.

– Это породистый петух. Видишь, какие помпоны на ногах? Его обязательно надо по имени называть, иначе в драку полезет. Смотри!

И Генка в доказательство задрал штанину. На его щиколотке виднелся глубокий заживший след размером с коренной зуб. Потом он хитро посмотрел на меня и указал на ящики, набитые сеном:

– Выбирай!

Я заглянул в один и увидел три яйца. Три настоящих свежих яйца! Осторожно дотронулся до них.

– Ничего себе, они тёплые!

– Это наши курицы снесли! – гордо выдал Генка.

– А у меня хомяк есть, – зачем-то сказал я.

– Хомяк – это хорошо. Правда, от него пользы нет. Но не всё же в пользе измеряется, – рассудил Генка.

Мы засмеялись, а за стеной хрюкнул поросёнок.

– Там у нас Борька живёт, хочешь посмотреть?

– Давай в другой раз. Меня родители заждались.

– Ладно, я к тебе позже зайду, – сказал Генка, прикрывая дверь сарая.

Я нёс свежие яйца и думал, что у нас не такой уж и плохой дом. Вот только надо привести его в порядок. Я обернулся, ещё раз взглянул на зелёные наличники Генкиных окон, и мне очень-очень захотелось сделать что-нибудь полезное.

НАНОЗАВРЫ

– Ой-йой!.. – донеслось из-за двери.

Это Генка ворвался к нам домой, налетел в прихожей на стул и потёр ушибленную ногу. – Вы что, перестановку делаете?

– Да нет, ремонт на кухне затеяли, – ответил я.

– Помочь?

Папа доверил нам отдирать старые обои, наклеенные в несколько слоёв. Мы срывали со стен огромные лоскуты и складывали их в мешки.

Генка придумал, что мы археологи и проводим раскопки. Интересно было гадать, какой рисунок окажется за следующим слоем обоев. Потом Генке это надоело.

– Давай телевизор включим!

Он воткнул провод в розетку и сдул с экрана пыль.

На Первом канале ведущая с зачёсанными гладкими волосами рассказывала про сильное наводнение: «Десятки затопленных городов и сёл, тысячи эвакуированных, смытые дома и пропавшие урожаи – жители Иркутской области пережили разрушительное наводнение».

Мы застыли, уставившись в телевизор. На экране разворачивалась настоящая катастрофа: деревянные дома сносило потоком, мосты рушились, людей вывозили с крыш на лодках.

«Бок о бок с сотрудниками МЧС, – продолжала ведущая, – днём и ночью трудятся волонтеры, они приехали помогать тем, кто в одночасье лишился всего».

– Тедди, – медленно проговорил Генка, – что мы с тобой делаем?

– Обои отдираем, – ответил я.

– Ты понимаешь, – он ткнул пальцем в телевизор, – там люди борются с этими, с мировыми...

– Катаклизмами? – подсказал я.

– Ага, точно, с ними. Волонтеры жизни спасают! А мы?.. Пойдём поищем, кому помощь нужна!

– А как же ремонт?

– Подождёт твой ремонт. В первую очередь о других думать надо!

Мы побросали обои и выскочили во двор.

– Теперь мы с тобой команда! А у любой команды название должно быть, такое звучное, громкое... – Генка уставился в небо. – Нужно что-то такое... пинн... цинн... инницинн...

– Инновационное? – спросил я.

– Да-да, – нетерпеливо кивнул он и с силой выдернул лебеду у крыльца, – именно! Что-то вроде мегазубры, или гиперботы, или космодрели. О, придумал: нанозавры!

– Кто? – удивился я и тоже вырвал лебеду («Надо как-нибудь её выполоть»).

– Ну, мы, как динозавры, сильные и всё умеем. Только маленькие.

– А что динозавры умели?

– Любишь ты к мелочам придирааться! – рассердился Генка и пошёл вперёд. – Создадим группу ВКонтакте, на аватарку супергероя поставим. Будем фотки о проделанной работе выкладывать. Представляешь, к нам люди подтянутся, и «Нанозавры» станут мировым волонтерским движением. Вперёд, нас ждут великие дела!

По дороге мы натолкнулись на Бабзю, ту самую, которая мне в первый день с коровой встретилась. Сегодня Бабзю шла с двумя полными ведрами воды, а вместо корзинки у неё на голове были заплетены косы в форме двух больших бубликов.

– Давайте поможем! – в один голос крикнули мы и стали у неё из рук ведра вырывать.

– Ой, что вы! – замотала она головой, так что бублики заколыхались. – Куда вам тяжесть-то такую тоскать?

Она вцепилась в свои ведра, как будто несла в них золото, и поскорее поспешила по тропинке к дому.

– Ничего, деревня большая! – не унывал Генка.

Тогда мы отправились к деду Егору. Его дом сразу за магазином стоит.

– Ты, главное, не удивляйся, – предупредил меня Генка. – Он зимой и летом платок к пояснице привязывает. Это потому, что у него большое давление и спина скачет. Ой, наоборот: давление скачет и спина болит.

– А-а-а, так я его в магазине видел.

– Вот и хорошо, значит, не чужие люди уже.

Застали мы деда Егора во дворе. Он как раз складывал из берёзовых дров поленницу. Наклонившись за новым поленом, схватился за спину и закричал.

– Помочь? – крикнул Генка.

Деда Егор с трудом разогнулся:

– Знаю я вас, кореды-безобразники! Сам управляюсь.

– Мы теперь нанозавры, – зачем-то сказал Генка.

– Какие ещё мавры-завры? А ну, шасть отсюда! – И он погрозил нам скрюченным костлявым пальцем.

Нам пришлось отступить за калитку.

– Будем действовать тайно, – шепнул мне Генка.

А я стоял и смотрел на длинющие антенны и серебристые тарелки на крыше у деда Егора. Будто это не дом, а телерадиостудия.

– Слышишь, что говорю? – подтолкнул меня Генка к калитке.

– Ага, – я еле отвёл глаза от всей этой антенной выставки. – Зачем тайно?

– Сам подумай, Тедди. Время сейчас такое, беспокойное. Никто никому не доверяет. Вот и покажем на деле, какие мы нанозавры.

Он, даже не поморщившись, сорвал крапиву, сжал её в кулаке и произнёс:

– Благородные дела не напоказ нужно делать. Выдвигаемся в полночь. Не проси!

За ужином я два раза просил добавки. Мне энергия нужна: не так-то легко добрые дела делаются.

– Ты, наверно, силы восстанавливаешь после ремонта? – укоризненно сказал папа.

Мы с Генкой так увлеклись своей идеей с нанозаврами, что совсем забыли про обою в кухне.

В десять вечера я ушёл в свою комнату и даже раздеваться не стал, только прилёг отдохнуть. Мне казалось, я плыву по небу на огромном рулоне обоев и зачерпываю облака вёдрами Бабзои. А на соседнем облаке сидит оранжевый петух и вопит что есть мочи. Я раскрыл глаза, но петух продолжал надрывать горло.

У него явно была бессонница, и орал он прямо под моим окном. Я отдернул занавеску и выглянул на улицу. В свете луны узнал Генку.

– Перестань кукарекать! – зашептал я. – Сейчас выйду.

На цыпочках пробрался в коридор, чтобы никого не разбудить. Подошёл к двери и со всей осторожностью открыл замок. Замок всё равно щёлкнул так, будто выстрелили из десяти пушек, причём одновременно.

– Не проспит он! – накинулся на меня Генка, когда я вышел на крыльцо. – Я тебя уже сто лет бужу.

Ему хорошо, его бабушка спит как богатырь после битвы. Нет, даже как три богатыря.

– Фонарик взял? – спросил всё ещё недовольный Генка.

– А чего ты сразу про фонарик не сказал?

– Ладно, будем по звёздам ориентироваться.

– Легче по фонарям.

– По фонарям каждый дурак может. Видишь хвост Большой Медведицы? – Генка ткнул пальцем в небо. – В той стороне дом деда Егора.

– Слушай, давай только не к нему.

– К нему в первую очередь! У него спина болит. Эх, Тедди, жалко, что ты не в начале лета приехал, у нас здесь такие белые ночи были! Светло как днём!

– А как же тогда засыпать? Я при свете вообще уснуть не могу.

– Привыкаешь, – пожал плечами Генка.

Мы взяли курс на хвост Большой Медведицы. Я всё время вздрагивал от шорохов, раздававшихся в кустах, а по телу мурашки, как муравьи, ползали – так страшно было.

Подойдя к дому деда Егора, Генка приоткрыл калитку. Она противно заскрипела.

– Надо бы смазать, – сказал он и деловито прошёл во двор.

Я проскочил за ним.

Поленницу с высокого столба освещал тусклый фонарь. Никогда раньше мне не доводилось складывать дрова. И совсем скоро все руки уже были в занозах. Пальцы распухли и болели. А Генка – он всю жизнь в деревне живёт и почти всё умеет. Я поглядывал на него и думал, что ему можно смело давать звание мастера спорта по укладыванию дров.

Наконец поленница полукругом возвышалась над нашей головой. Спина и руки болели так, словно мы таскали здоровенные толстые брёвна.

– Готово, – Генка тяжело вздохнул и прислонился к поленнице.

Мы полюбовались своей работой. Красиво!

Но только Генка от неё отлепился, как я увидел нечто завораживающее. Стена из дров, которую мы так старательно складывали, стала надвигаться на нас. Я помотал головой, думал, это от усталости мерещится. Но поленница продолжала крениться.

– Бежим! – Генка схватил меня за руку.

Мы отскочили ровно в тот момент, когда стена дров оглушительно рухнула на землю.

Кажется, так быстро я никогда не бегал. Да мы и не бежали, а летели как ракеты. В ушах стоял грохот.

Остаток ночи я спал как убитый. Утром еле-еле встал с кровати, зато Генка прибежал ко мне бодрый и весёлый.

– Слышал, что там у деда Егора? – спросил он.

– Я тебе больше скажу. Не только слышал, сам видел, что мы там натворили.

– Хых, да я не про это. Мы с тобой всё-таки сделали доброе дело. Пойдём, сейчас сам увидишь.

И мы побежали в ту сторону, где вчера висел хвост Большой Медведицы. Во дворе деда Егора лежала развалившаяся поленница. Вокруг неё стояли соседи. Деда Егор отчаянно размахивал шерстяным платком и громко рассказывал, как ночью к нему прилетали инопланетяне. Будто бы летающая тарелка приземлилась на поленницу, а зелёные человечки с помощью ультразвука вылечили его спину.

– Не болит! – он нагнулся в стороны, присел и подпрыгивал. – Совсем не болит!

– Надо журналистов позвать. Пусть в газете напишут, – говорили соседи.

– Да что ваша газета?! – вопрошал деда Егор. – Меня теперь по телевизору покажут!

Я тогда так и не решил, хорошее мы дело сделали или нет. Взяли и дрова раскидали во дворе, не специально, конечно, но всё-таки.. А с другой стороны – человека самовнушением вылечили.

Мы лежали с Генкой на пригорке сразу за магазином и сдували с одуванчиков парашютики.

– В следующий раз будем аккуратнее, – сказал он.

– Может, ремонт у меня в кухне доделаем? – робко спросил я.

– Не будь эгоистом! В мире столько людей в помощи нуждаются, а ты заладил про свои обои! Давай подумаем, кому сегодня поможем?

Я перевернулся на живот и увидел вдалеке женщину, в тельняшке и фиолетовых лосинах. Длинным прутом она погоняла стаю гусей. Белые, крупные, с длинными шеями, их было около десяти. Только я хотел их Генке показать, как показался Серёга.

– Бонжур амур, господа! – Он махнул нам рукой и скрылся в магазине.

– Жалко его, – сказал Генка, срывая травинку.

– Ну, не знаю. Мне он не очень-то нравится – грязный весь какой-то, лохматый.

– Зря ты так про него. Он в детдоме вырос. Много лет на ферме работал, коров пас. Вот его и прозвали Серёга-пастух. А потом на её месте пилораму сделали. Только его туда на работу не берут – у него руки трясутся. Раньше-то он на ферме жил в бытовке. А сейчас у него ни кола ни двора. Зато, когда деньги есть, он мне чупа-чупс в магазине покупает.

– А где это он так по-французски говорить научился?

– Не знаю. Говорит, у него мать француженкой была. Их разлучили, когда ему пять лет исполнилось. Может, врёт, а вдруг и правда? – Генка задумчиво пожевал травинку и выплюнул её.

Мне стало как-то не по себе. А тут ещё Серёга-пастух подошёл и протянул нам две конфеты.

– Спасибо! – дружно кивнули мы.

– Ай, вояж бон при, – улыбнулся он, показав гнилые коричневые зубы.

– Послушай, – меня вдруг осенило, – у Бабзои, наверно, вода закончилась. Много, что ли, она вёдер может с колодца натаскать?

– Точно! Как я сам не догадался?! Встречаемся, как обычно, в полночь. Только ты это...

– Да, понял, понял, не просплю.

И я почти не проспал, честное слово! Заснул всего на минутку.

– Му-у-у, – раздалось под моим окном.

Пока я вставал с кровати, кто-то снова настойчиво замычал:

– Му-у-у-у-у-у!

В окне увидел маячивший силуэт. Луна в эту ночь не светила, и кто это – было не разглядеть. Но все приличные коровы в такое время, конечно же, спят. Сразу понятно, что мычит Генка.

На цыпочках я вышел во двор.

– Ты в следующий раз визжи как поросёнок. Чтобы наверняка моих родителей разбудить.

– А я виноват, что ты дрыхнешь как сурок? – обиделся Генка и посветил фонариком мне в лицо.

Идти с фонариком было хорошо, дорогу видно. Но, когда мы подошли к калитке Бабзoi, он вдруг погас.

– Ты зачем фонарик выключил? – зашептал я.

– Батарейки сели, – ответил Генка.

– А как мы в темноте вёдра найдём?

– На ощупь.

Генка открыл калитку и направился к сараю. Отыскав задвижку, он отодвинул её и распахнул дверь.

– Ой-ё, – раздался приглушённый стон.

В темноте Генка наступил на грабли, и деревянная рукоятка со всего маху щёлкнула его по лбу.

– Это у Бабзoi грабельная сигнализация такая, – я чуть не лопнул от смеха. – Залезет к ней вор вёдра украсть, а грабли – бах – и полная потеря сознания.

– Раз такой умный, сам за вёдрами иди, – запыхтел от обиды Генка.

В темноте трудно искать вёдра. Особенно когда ты не знаешь, где они стоят. Я осторожно прошёл вперёд, и тут, совсем рядом со мной, кто-то сказал: «Му». Совсем забыл, что у Бабзoi корова есть. И где же ей ещё быть, как не в сарае! Не в спальне же она у Бабзoi живёт?

Мне, можно сказать, повезло: я очень быстро нашёл, что искал. Потому что от неожиданности попятился и задел ногой железное ведро. Пока его поднимал, задел ещё одно.

– Ты чего там гремишь? – зашептал из-за двери Генка.

– Тут корова.

– Так не собака же, не кусается.

– Зато бодается!

– А ты её не буди, она и не будет бодаться. Вёдра нашёл?

– Нашёл.

– Ну, теперь за водой!

Всю ночь мы бегали к колодцу и обратно. Под конец нам показалось, что он находится не на другом конце деревни, а на другой планете. Всё же пузатую бочку Бабзoi мы заполнили водой до краёв.

– Я с ног валюсь, – признался Генка.

– А я их вообще не чувствую... И рук тоже.

Как можно тише я вошёл в сарай, чтоб поставить вёдра на место. Но в темноте поскользнулся на коровьей лепёшке. Рядом замычала корова и начала подниматься, цокнув копытами по неструганым доскам пола.

Я тут же выскочил из сарая и помчался в сторону дома.

– Ты чего сиганул? – еле догнал меня Генка.

– Там ко-корова проснулась.

– И что?

– А вдруг бы она на меня набросилась?

– Это ж не медведь, чтоб на людей бросаться, – хмыкнул Генка. – Главное, в этот раз всё у нас получилось!

– Вот Бабзоя завтра обрадуется! Воду таскать не надо, сиди себе на крыльце, пей молоко и наслаждайся жизнью!

Утром я услышал, как папа сказал:

– Я с ним серьёзно поговорю.

Но мама его остановила:

– Мы в город опаздываем. Вернёмся, тогда и проведёшь с Теодором свою беседу.

А потом я услышал, как прибежавший Генка столкнулся в дверях с моим папой.

– Здравсьте, дядь Вова.

– Здра-авствуй, здра-авствуй, – ответил папа, необычно растягивая слова.

Тут мама заглянула ко мне в комнату и сказала:

– Теодор, в холодильнике суп и сосиски. Вы с Генкой у дома поиграйте, а вечером мы приедем. Звони, если что.

– Ага... – Я повернулся и, взяв с подоконника телефон, проверил зарядку.

Мама только из комнаты вышла, как сразу Генка вбежал.

– Чего у тебя папа такой странный сегодня? – спросил он, усаживаясь ко мне на кровать.

Я тогда совсем не придавал этому значения и просто пожал плечами.

– Бороду сбрил. Мама говорит, он так моложе выглядит.

– Да, твоя мама знает в этом толк. Она у тебя красивая и всегда нарядная ходит. – Генка отчего-то поперхнулся, а потом вдруг спросил: – А может, твой папа всё знает?

– Что знает?

– Все уже знают, один ты не знаешь!

– Да что ты заладил, знаешь – не знаешь! Я, между прочим, всю ночь не спал.

– Я, что ли, спал? – вскипел Генка. – Там у Бабзои такое во дворе творится!

Он вдруг перестал сердиться и потянул с меня одеяло. Генка, когда хочет что-то интересное рассказать, обо всех обидах забывает.

– Вставай, говорю, скорее!

– Дай хотя бы бутерброд сделаю. Я голодный.

– Мы с тобой такую кашу заварили, за неделю не съешь. Побежали!

Правда, я успел Кокоше, моей хомячихе, корма насыпать в клетку. Папа говорит, что сначала нужно животных накормить, а потом уж о своём желудке беспокоиться.

Пока я, на ходу застёгивая рубашку, бежал за Генкой, во мне росла тревога. Она разрасталась огромным лопухом, как тот, что растёт за нашей старой баней. А тут ещё раздался свист. Да такой пронзительный, что у меня чуть барабанные перепонки не лопнули.

– Что это? – ошалело спросил я Генку.

– Ай, – отмахнулся он. – Это тётъ Нина гусей своих на речку созывает. Давай скорее, главное – успеть проскочить вперёд них.

И мы побежали ещё быстрее.

Бабзоя стояла посреди двора и раскачивалась из стороны в сторону. Сегодня её длинные седые волосы были наспех затянуты резинкой в расчёпанный пучок. Рядом с бочкой крутился деда Егор. Он совал в воду палец, затем клал его на язык и причмокивал. За бочкой на грядках картофеля лежала корова и стонала. Жалобно так: «Му-у-у, му-му-у-у». Несколько соседней переговаривались в стороне. Здесь же была и Таисия Семёновна, Генкина бабушка. Из-под её короткого зелёного платья торчали чёрные спортивки с белыми полосками по бокам. А резиновые сапоги она, наверно, снимала, только когда спать ложилась.

– Корова гороха с бобами объелась, – сказала Таисия Семёновна. – Отлежится сегодня, и всё пройдёт.

– А в бочку-то воды кто натаскал? – всё так же раскачивалась Бабзоя. – Она ж пустая стояла.

У Таисии Семёновны живот затрясся от подступающего хохота:

– Ты ж сама и натаскала. И дверь в сарай не закрыла, вот корова и вышла. Это у тебя амнезия называется, частичная потеря памяти.

– У меня потеря урожая. Весь горох Бурёнка-то потоптала.

– Всего-то две грядки, – не сдавалась Генкина бабушка.

– Я знаю, кто это сделал! – вскричал вдруг деда Егор.

Мы с Генкой так и подпрыгнули.

– Кто? – в один голос спросили все взрослые.

– Инопланетяне! По вкусу вода в бочке отличается от нашей, земной. Она с примесью неизвестных взеземных элементов. А корову они хотели с собой взять для опытов. Только она к ним в летающую тарелку не влезла. А может, бодалась сильно, вот и не далась в руки. Или что там у них вместо рук?

– Инопланетянам-то зачем моя корова? – испугалась Бабзоя и с нежностью посмотрела на Бурёнку.

– А зачем им мои дрова? – твёрдо стоял на своём деда Егор. – Нет, без телевидения не обойтись, – сказал он грустно: видимо, ему не очень-то хотелось делить инопланетную славу с Бабзоей.

Мы с Генкой выскользнули за калитку и побрели к дому.

– Тедди, ты что – задвижку на сарае не закрыл?

– Ну не закрыл, и что? Когда корова замычала, я вообще обо всём забыл.

– Никогда ты до конца ничего не доводишь. Даже ремонт на кухне бросил.

Я чуть не задохнулся от такой несправедливости:

– Так ты сам сказал, что другим помогать важнее.

– Сам, – согласился Генка. – Давай лучше ещё кому-нибудь поможем.

Мы начали думать. И тут Генка как треснет меня по плечу:

– Вспомни! Бабушка говорила, что наша продавщица тётя Лена варенье хотела из смородины варить. Только в этом году ягода долго не красится.

– Ты её красить, что ли, собрался? – я потёр плечо.

– Сразу видно, что ты городской, – насупилась Генка. – Сегодня солнце вон как шпарит, значит, смородина к вечеру созреет. Вот мы и насобираем её тётя Лене на варенье.

На этот раз я не стал дожидаться, когда Генка гусём или бараном закричит у меня под окном. Ровно в двенадцать ночи выскользнул из спальни и на цыпочках прошёл в прихожую. В тишине казалось, что тиканье часов эхом отскакивало от стен. Я осторожно снял с вешалки ветровку, и вдруг...

– Стоять! – за моей спиной прогремел папин голос.

А я не то что остановился – у меня ноги к полу приросли. Папа крепко взял меня за локоть и вывел на крыльцо. Когда Генка нас увидел, у него чуть глаза на лоб не полезли.

– Будем проводить следственные мероприятия, – сказал папа.

Мы с Генкой притихли и постарались сделать вид, что у нас совершенно чистая совесть.

– И куда это вы собрались?

– Так мы это, на звёзды посмотреть, – нашёлся Генка.

– А вчера вы Бабзоину корову с Большой Медведицей знакомили?

– Откуда ты знаешь? – выпалил я.

– Двери в дом по ночам закрывать надо и коровьи лепёшки с обуви стряхивать.

– Балбес! – не выдержал Генка и отвернулся от меня.

Пришлось рассказать и про волонтеров, и про нанозавров.

Папа долго и виртуозно нас отчитывал, чтобы мы осознали всё, что натворили. Я вместе с Генкой сидел на крыльце и безропотно «осознавал».

Но уже чувствовал, что папа не сердится. Мы ведь и вправду помочь хотели. Только вот про фотографии совсем забыли и ничего в интернет не выложили.

Ещё посидели в тишине и посмотрели на звёзды.

– Всё-таки добрые поступки нужно с умом делать, – сказал Генка.

– И не лезть, когда тебя не просят, – я хотел зевнуть, но сдержался.

– А по ночам спать надо! – добавил папа.

Утром Генка снова пришёл ко мне. Пока мы с ним делали добрые дела, родители ремонт в кухне закончили. И мне теперь было стыдно, что я им так и не помог.

А тут как раз папа в спальню заглянул:

– Ну что, нанозавры, поможете?

– Поможем! – Мы отчаянно закивали головами.

– Надо с чердака комод спустить. Дубовый. Настоящий раритет!

Мы с Генкой мигом рванули на чердак.

– Я возьму комод с одного бока, а вы – с другого. – Папа наклонился и приподнял две ножки от пола. – Ух, тяжеленный!

Мы с Генкой за две другие ножки схватились. Спуская комод с лестницы, представляли, что это огромный корабль. Он накренился то влево, то вправо.

– Кораблекрушение! – заорал Генка. – Спустить шлюпки на воду!

Неожиданно из комода вывалился ящик и с грохотом поскакал вниз по ступеням.

– Ничего, – натужно проговорил папа. – Ещё немного осталось.

Когда мы наконец спустили комод, папе позвонили, и он вышел на улицу поговорить. А Генка приблизился к шлюпке, точнее, к выпавшему ящику. Ко дну прилипла старая чёрно-белая фотография.

– Тедди! – закричал Генка. – Знаешь что? Да мы теперь с тобой о-го-го!

Тревога в моей груди снова начала разрастаться огромным лопухом. От Генки можно чего угодно ожидать. Я подошёл поближе. На фотографии были речка и двое мальчишек в трусах. Они стояли на каком-то хлипком плоту и улыбались.

– В кругосветку пойдём! – решительно сказал Генка.

И я уже знал, что это всего лишь дело времени и Генкиного воображения.

КРУГОСВЕТКА

– Будем корабль строить! – Генка с планшетом сидел у меня на крыльце и перескакивал с одного сайта по судостроению на другой.

После той старой чёрно-белой фотографии с двумя мальчишками на плоту Генка теперь ни о чём думать не мог, он просто бредил кораблями.

А мне стало интересно, будет меня укачивать или нет? Я ведь раньше не то что на кораблях не плавал, даже на обычной лодке не катался.

– А вдруг у меня морская болезнь начнётся?

– Не начнётся, – заверил Генка. – Мы же не по морю поплывём, а по реке.

Но я всё равно сомневался:

– Не сможем мы корабль построить: знаний не хватит.

– Да в интернете любая инструкция есть, как и что делать, – не сдавался Генка. – Любой сможет, главное – материал подходящий найти.

Тогда я представил, как стою на капитанском мостике в белоснежной форме и фуражке. Мне в лицо дует ветер, летят брызги, а вокруг – только ярко-синее море... Но капитаном, наверное, будет Генка. Зато я могу быть штурманом. У меня и бинокль есть.

– Вот ведь засада, – Генка ткнул пальцем в планшет, – здесь пишут, сначала нужно чертёж сделать.

– И что? – не сразу сообразил я.

– Черчение-то у нас в седьмом классе начнётся. А я только в шестой перешёл.

– Да и стройка, наверно, года два займёт, не меньше.

– А то и три... – расстроился было Генка, но сразу повеселел: – А зачем нам целый корабль? Он же в нашу речку не влезет!

И правда, речка в деревне метра три в ширину. Ну, может, четыре.

– Плот! Надо строить плот! – объявил Генка и снова нырнул в планшет. – Так, нам понадобятся два бревна, много досок и верёвка.

Я заглянул через его плечо на экран и увидел там плот. Почти такой же, как на старой фотографии.

– Знаешь, что ему не хватает? – загадочно спросил Генка.

– Якоря?

– Сам ты якорь! Мы же плыть собираемся, а не стоять.

– Откуда я знаю, чего не хватает плоту, если мы его даже строить не начали.

Генка закатил глаза и мечтательно сказал:

– У нас будет мачта... С парусами... Побежали ко мне за топором!

Я окончательно понял, что он настроен серьёзно. Только вот мне казалось, что сначала нужно построить плот, а потом уже приделывать мачту.

Мы захватили топор и спустились к речке. Генка долго выбирал ивовый ствол, проверял на прочность. Наконец нашёл нужный и одним точным ударом срубил. А я решил с него кору снять.

– Аккуратно, пальцы не обдери. Видишь, снизу кора отслоилась. Осторожно цепляй её и тяни к верхушке.

Генка показал, как это делается.

Я дёрнул, и кора легко заскользила. Голый ствол становился гладким и немного склизким.

Когда мы снова вернулись во двор к Генке, он отыскал в сарае рейку и прибил её к нашей палке. Получилось что-то вроде креста.

– Теперь нужно парус найти, – Генка доверил мне сторожить мачту, а сам убежал в дом.

Вернулся он загадочный, что-то пряча под мятой футболкой, и протянул мне белый свёрток.

– Вот. Простыня.

– Ты что, её без спроса взял? – рассердился я.

– Чего сразу без спроса? – пробурчал Генка и выдернул из моих рук палку. – Одолжил у бабушки. На время.

Металлической проволокой я помог ему привязать простыню на перекладину мачты. Генка бегал по двору и, поймав парусом ветер, вопил:

– Право руля!.. Лево руля!.. Отдать швартовь!

– Может, плот уже строить начнём?

Я сидел на траве и ждал, когда он наиграется с мачтой. Генка так резко остановился, что парус накрыл его с головой. Высунув голову из-под белой простыни, он спросил:

– У тебя доски ненужные есть?

– Нет, у нас только дрова.

– Ладно, сейчас что-нибудь придумаем.

Спрятав мачту в сарай, он повёл меня в дальний конец огорода.

Генкин дом стоит последним в деревне, у самого леса. А между лесом и огородом – старый забор из шершавых досок.

– Вот зачем нам эта рухлядь, если здесь забор из деревьев стоит?

Генка подёргал доску, и она легко оторвалась.

– А твоя бабушка не заругается?

– Да она нам ещё спасибо скажет. У неё теперь будет дом с видом на лес.

– Нехорошо как-то получается...

– Отрывай, не бойся!

– Ну, если так...

Я с треском оторвал одну доску. Она разломилась надвое.

– Хлипкие они какие-то, – Генка дёрнул другую доску, и она тоже треснула. – Потонем...

– Может, во что-то другое поиграем?

– Поиграем? – вскипел Генка. – По-твоему плот строить и сплаваться по реке – это игрушки?

– А чего ты сразу кричишь?

– Да я не то что кричать... – Генка едва сдерживал злость. – Я вообще с тобой говорить не хочу!

Он пнул ногой доску и ушёл. Даже не оглянулся ни разу. Я попробовал прицепить её обратно к забору, но у меня, конечно же, ничего не вышло.

Весь вечер я просидел дома. Поиграл с Кокошей и даже почистил её клетку. Заняться было нечем. Мама после моих ночных походов и истории с нанозаврами отобрала у меня планшет. Правда, папа мне шепнул, что это временно, но от этого было не легче. А с Генкой я решил больше не разговаривать. Друг называется! Снова стало скучно.

Утром мама отправила меня в магазин. Я проходил мимо дома дяди Коли. Он настоящий рыбак, можно сказать, профессионал. Да и щедрый к тому же – всех в деревне рыбой угощает. Дядя Коля увидел меня и позвал:

– Эй, Тедди, иди помоги-ка мне.

Оказалось, мыши его лодку прогрызли. Вот он её заклеил и надул. А одному поднимать неудобно, очень она большая – человек десять точно влезут. Мы занесли её в сарай. Вот там-то я и увидел спасательные жилеты.

– Дядя Коля, вы что, плавать не умеете?
– Хех, глупый, – сказал дядя Коля. – Если выходишь на воду, спасательный жилет всегда надевать нужно, мало ли что. Вода – она такая, капризная. Не успел я выйти из-за дядь Колиной калитки, как меня окликнул Генка:

- А ты чего не дома?
- Тебя мне, что ли, дожидаться? – я все ещё обижался на него.
- Конечно! Я тебе такое расскажу!
- Ты же со мной разговаривать не хотел?

Но он пропустил мои слова мимо ушей и сунул мне под нос планшет. На экране было синее море, а на волнах что-то большое и оранжевое.

– Это что, подводная лодка?
– Круче! Это капсула. А если по-простому, огромная бочка.
– Ничего не понимаю!.. – Я взгляделся в экран.
– Сейчас объясню. – Генка увеличил фотографию. – Вчера всё думал, как нам в кругосветку пойти. Весь Интернет перевернул и нашёл суперинтересную статью. Француз Жан-Жак Савен переплыл в этой бочке Атлантический океан! Представляешь?

– Ну, так у него же мотор наверняка был?
– Какой мотор? Это неуправляемая капсула! Он полагался на волю морского течения. А бочка такая крепкая, что любая касатка об неё все зубы пообломает.

– Где же мы такую бочку найдём?
– Уже всё продумано. Только для этого нам сначала огурцы полить нужно.

Я решил, что Генка совсем свихнулся.

- А при чём здесь огурцы?
- Пойдём, сейчас узнаешь.
- Мне в магазин надо...
- Да потом сходишь.

И мы полили огурцы у Генки в теплице. Когда в бочке почти не осталось воды, Генка сказал:

– Готово. Вот и наш корабль!

Я огляделся по сторонам, но ничего не увидел.

– Ты чего, совсем перетрудился?
– Ничего я не перетрудился! – Генка наклонил синюю пластиковую бочку и вылил из неё остатки воды. – Мы с тобой повторим подвиг того француза! Я уставился на бочку, а потом внимательно посмотрел на Генку.

- Нет, ты точно ненормальный!.. Просто помешался на своих кораблях.
- Да ну тебя, один поплыву!

И он потащил бочку с огорода. А разве можно друга бросить?

– Давай помогу, – сказал я и приподнял дно бочки. Она, хотя и большой была, зато лёгкой оказалась. – Только как же мы в ней поплывём? У неё даже крышки нет.

- Стоя!
- Так она ж перевернётся.
- Что бы ты без меня делал?! – снисходительно сказал Генка.

Он пошёл в сарай и выволок оттуда огромный толстый лист пенопласта.

– Запомни, Тедди, никогда ничего не выкидывай. В хозяйстве всё пригодится.

Генка замерил дно бочки и принялся вырезать такой же круг ровно посередине листа. Пенопласт противно скрипел, будто ногтем по стеклу царапа-

ли. Когда всё было готово, Генка приподнял бочку и вставил в круг. Получился бочкоплот.

– Вот, крепко держится! Теперь ничего у нас не перевернётся, и поплывём мы с тобой в дальние страны, – говорил Генка, деловито обходя вокруг нашего корабля, то есть бочкоплота.

– Нам бы ещё капитана Флинта... – размечтался я.

– Какого капитана? – насторожился Генка. – Кому ты ещё про кругосветку рассказал?

– Да никому я не говорил! Так попугая звали из «Острова сокровищ». Ты что, не читал?

– Не читал, – насупился Генка. – Ты лучше домой сбегай, нужно в дорогу собраться.

– А когда отплываем?

– Через полчаса.

Дома я насыпал в коробок соль, взял четыре огурца, батон и печенье. Захватил с собой тёплый свитер на случай холодного ветра и бинокль. Я уже выходил из дома, когда меня окликнула мама:

– Теодор, ты в магазин сходил?

– Ой, забыл. Я попозже, ладно? Мне очень к Генке нужно.

– Сначала сходи в магазин!

– Да ладно тебе, – сказал папа. (Он печатал на ноутбуке очередную статью.) – Пусть ребёнок погуляет.

Я воспользовался моментом и убежал.

Узнать Генку было трудно. На крыльце рядом с походным рюкзаком сидел здоровенный прорезиненный плащ зелёного цвета, из которого выглядывала Генкина физиономия. Физиономия улыбнулась и сказала:

– Я мачту понесу, а ты бочку тащи.

На боку бочки белыми корявыми буквами была надпись: «Кайвакса».

– В честь нашей деревни назвал! – гордо добавил Генка. – С трудом у бабушки краску выпросил.

Настоящими морскими волками мы двинулись к речке. Впереди, то и дело подпрыгивая и поправляя рюкзачище, шёл Генка. Путаясь в длинном плаще, он на вытянутых руках нёс мачту с парусом. Я, обнимаясь с бочкой, высоко поднимал ноги, чтобы не биться ими о лист пенопласта.

Пока я бегал домой за огурцами и батоном, Генка придумал песню моряков. И теперь мы во всё горло её распевали:

В банке ки-ильки, в бочке шпроты,

Мы поймаем ка-ша-ло-та!

В банке щу-ука, в бочке сом,

В кругосветку поп-лы-вём!

Вот так весело мы добрались до моста, перекинутого через речку, и я поставил на него бочку. Генка снял рюкзак и принялся возиться с мачтой.

– Да как же её закрепить? – пыхтел он, а потом неожиданно спросил: – Ты плавать умеешь?

Плавать я как раз-таки не умел. Но не признаваться же перед самым путешествием!

– Чего там уметь? Греби себе руками и смотри, чтобы вода в нос не попадала. А ты зачем интересуешься?

– На случай кораблекрушения, – серьёзно сказал Генка.

Он запутался в простыне и старался её расправить.

Я сглотнул. Никакого кораблекрушения, а тем более бочкокрушения совсем не хотелось. Тогда мне пришла идея.

– А давай у дяди Коли спасательные жилеты попросим? Я видел, у него есть.

Генка взглянул на меня как на комара. А он комаров терпеть не может. Говорит, они его драгоценную кровь без спроса крадут.

– Ты когда-нибудь видел капитана или штурмана или какого-нибудь захудалого матроса в спасательном жилете? Да нас все местные караси засмеют!

Я представил себе эту картину и хихикнул.

– Лучше подумай, – всё ещё бушевал Генка, – как нам рюкзак в эту бочку засунуть, чтобы и мы вместе с ним поместились?

Я посмотрел на бочку так, словно мы с ней впервые встретились. Огромный рюкзак в неё не поместится. Места здесь – не разбежишься.

– А кто тебя просил поддома в него запихивать? Не удивлюсь, если ты туда корову Бабзой засунул.

Генка засопел и раскрыл рюкзак. Я чуть в обморок не упал, когда увидел, что он с собой набрал. Я различил: отвёртку, молоток, нитки, котелок, тетрадь в клетку, циркуль, бинт, зелёнку, шнурки, фотографию родителей в деревянной рамке, пол-литровую банку клубничного варенья, хлеб, сухарики, луковицу (чтобы не заболеть цингой, как пояснил Генка) и ещё много всякой всячины.

Вдруг из рюкзака выскочила мышь. От неожиданности я даже отскочил за бочку. А мышь пробежала по мостику и юркнула в траву.

– Крысы на корабле – обычное явление, – спокойно сказал Генка.

– А тебя не настораживает, что эта крыса, как ты её называешь, с корабля бежит? – засомневался я.

– Не каркай!

Из всех вещей Генка оставил только две пачки сухариков и разложил их по карманам своего здоровенного плаща. Остальное сложил обратно в рюкзак и спрятал его в ивовых кустах.

Затем он с важным видом взошёл на мостик и громко произнёс:

– Отдать швартовы!

Я как мог торжественно опустил бочку на воду, стараясь держать мачту ровно. Но она никак не желала стоять в бочке, кренилась и наконец всё-таки плюхнулась набок.

Мы попадали на мост, стараясь схватить мачту. Но она так и норовила от нас ускользнуть. В это время бочка отчалила.

– Лови её! – завопил Генка, колотя ладонями по воде.

Наконец мне удалось схватить мачту и, держась за неё, подтянуть бочку.

– Ну вот, парус намок, – расстроился Генка. – Помоги...

Мы выжали простыню. Потом я взялся за бочку с одной стороны, а Генка – с другой. Осторожно спустили её на воду и убрали руки. Бочка постояла секунду в нерешительности и снова стала уплывать.

– Да как же в неё забраться? – Генка почесал затылок.

Мы раз десять подступались к ней, но залезть никак не могли.

– Не получится, – отчаялся я. – Не влезем мы вдвоём в бочку. Вон она у тебя какая узкая!

– Ты лучше спасибо скажи, что хоть такая есть! Если бы не я, мы бы вообще никуда не поплыли.

– А мы разве поплыли?

– Взял бы и сам что-нибудь придумал. А то всё я, да я...

– А кто тебе огурцы поливать помогал? Гуси?

– При чём здесь гуси? – уставился на меня Генка.

Но отвечать мне уже ничего не пришлось. Под горку к мосту с диким гоготанием неслась даже не стая, а целое стадо гусей. Эти гуси – самые дикие звери в нашей деревне. Слушаются они только свою хозяйку тётю Нину. И то, когда она им длинным ивовым прутом грозит. Со всеми остальными гуси ведут себя злобно. А щиплются они очень даже больно. Генка на себе проверял.

До сих пор не могу понять, как это получилось. Всё произошло за считанные секунды! Гуси неслись прямо на нас нескончаемым белоснежным войском. Они раздвигали могучие крылья, выгибали шеи и громко шипели.

От ужаса предстоящей расправы мы с Генкой, не сговариваясь, запрыгнули в бочку. Она тут же ушла в воду на две трети и стала раскачиваться, словно неваляшка, в разные стороны. Генка схватил с мостика мачту и зароботал ею как шестом.

Бочка то и дело зачерпывала воду, будто хотела напиться. А я размахивал руками, пытаюсь удержать равновесие.

– Да не вертись ты, – Генка ткнул меня локтем в бок. – Сейчас перевернёмся.

– Здесь дно какое-то неровное, – оправдывался я.

– Это ты на моей ноге стоишь. Все пальцы отдавай.

А гуси уже попрыгали с мостика в речку и устремились за нами. Они едва касались лапами воды и всё так же грозно шипели. Шум крыльев оглушал. Казалось, за нами летят десятки самолётов-истребителей.

Речка уходила влево, и нашу бочку занесло на повороте. Уцепившись за ветку ивы, склонившуюся к воде, я выправил направление. Генка изо всех сил оттолкнулся мачтой от противоположного берега, и мы вошли в поворот. Но это нас не спасло.

Гуси устремились за нами и атаковали бочку разом со всех сторон. Они клевали её твердыми жёлтыми клювами, оставляя вмятины. Куски пенопласта со скрипом отрывались и разлетались в стороны.

– Сейчас я вам покажу, воробьи несчастные! – кричал Генка, отбиваясь мачтой, и хлестал гусей мокрой простыней.

Бочка страшно раскачивалась и в любой момент могла перевернуться.

– Пошли отсюда! Брысь! Тедди, помогай мне. Я один с ними не справлюсь.

А я спрятался в бочке и безропотно ждал своей участи. Почему-то вспомнил, как сказал маме, что её котлеты невкусные, и отказался есть. Я видел, она огорчилась. И здесь, в бочке, мне отчаянно захотелось ей сказать, что у неё самые лучшие котлеты в мире.

Генка из последних сил сражался с гусями, видимо, решившими нас утопить. И тут я вспомнил про сухарики. Обшарил его плащ и вытащил из кармана хрустящий пакет. Разорвав его, я высунулся из бочки и бросил сухарики в воду. В тот же миг гуси, как ополоумевшие, набросились на еду.

– У, зверюги, настоящие хищники! – закричал Генка и снова зароботал мачтой как шестом. – Молодец Тедди, здорово придумал!

– Если они так сухари лопают, то что же они с нами сделают? – Я оглянулся назад.

– В кармане ещё пачка есть.

– А дальше что? У нас не завод по изготовлению сухарей. Рано или поздно догонят...

Гуси быстро расправились с добычей и снова грозно уставились на нас, вытянув шеи. Генка сжал мачту побелевшими пальцами. Я прикрыл глаза.

И вдруг раздался пронзительный свист. Так умеет свистеть только тётя Нина. Значит, она пришла к мостику, а гусей-то и нет. Огромные белые птицы расправили крылья и поплыли к мостику.

Мы поверить не могли своему счастью. Генка так обрадовался, что бросился меня обнимать, отпустив мачту. И чего он обниматься полез, когда мы и так стояли, плотно прижатые друг к другу?

Тут бочка стала крениться сильнее и с громким всплеском завалилась набок. И мы, конечно, пошли ко дну.

Генка первым вылез из бочки, выпутался из плаща и поплыл к берегу. А я никуда не поплыл, потому что не умел. Только беспомощно бил руками по воде, пускал пузыри и погружался всё ниже. Глаза ужасно болели. Перед мной поднимался речной песок и кружились водоросли. Воздуха не хватало. Стало жутко. Хотелось открыть рот и глотнуть воздуха.

Я почувствовал, как кто-то крепко схватил меня за шиворот и потянул вверх. Я запаниковал и ляглся от страха. А вдруг это огромная хищная рыба? Глаза резало от поднявшегося ила, но я смог разглядеть чьи-то ноги. Когда наконец вынырнул на поверхность, увидел Генку. Это был мой лучший друг Генка! Он подтащил меня поближе к берегу и подтолкнул, чтобы я смог выбраться, уцепившись за острую осоку.

Обессиленные и мокрые насквозь мы лежали в густой колючей траве, тяжело дыша.

– Ты меня спас. – Эта мысль меня поразила. Сердце забилось быстро и радостно. – Только что.

Генка долго-долго молчал, а потом сказал:

– Спорим, Жан-Жаку Савену с его капсулой такие приключения и не снились?

– Подумаешь, касатки! – поддакнул я. – Попробовал бы он от гусей отбиться!

Мы засмеялись и никак не могли остановиться. Наш пластмассовый, побитый гусями «корабль» уплывал всё дальше, унося мечты о кругосветном путешествии. Солнце клонилось к закату, и пора было возвращаться. Мы вытащили из ивовых кустов тяжеленный рюкзак и, шатаясь от усталости, поволокли его домой.

Добравшись до Генкиной калитки, увидели его бабушку. Таисия Семёновна сидела на крыльце и задумчиво смотрела вдаль. Заметив нас, она воскликнула:

– Гена! У нас ведь бочку украли!

– Как украли? – в один голос удивились мы.

– Пошла я в теплицу, а бочки-то и нет. И вот что странно: вор сперва все огурцы полил. А потом я дыру в заборе обнаружила.

– Так это ж не вор... – начал я объяснять.

Генка пнул меня по ноге и закончил:

– Это настоящий грабитель!

– А вы чего сырые такие? – удивилась Таисия Семёновна.

– Да так, купались, – ответил Генка.

Расстроенная пропажей бочки, Таисия Семёновна махнула рукой и ушла в дом.

– Ты зачем соврал? – набросился я на Генку.

– Не знаю, – он пожал плечами. – Чтобы бабушку не огорчать.

– А так она ещё больше расстроилась. Пойдём и всё расскажем.

Пока мы во всём сознавались, Таисия Семёновна только охала и качала головой.

– Бабушка, как же мы теперь без бочки? Я ведь не думал, что она без нас уплывёт.

– Вы лучше скажите, что теперь с дырой в заборе делать?

– Бабуль, ты не переживай, мы её обязательно заделаем. Правда, Тедди?

- Ага, – кивнул я.
- Мы вышли во двор.
- Вот было бы здорово вора поймать! Может, мы за это ещё и медаль бы получили, – размечтался Генка.
- И кого ты собрался ловить? Никто же ничего не украл.
- Это дело времени, – уверенно сказал он.

В ПОИСКАХ КЛАДА

– Генка, да подожди ты!

Но он даже не обернулся. Зажал в руке лопату и стал спускаться к старой бане. На её двери висит огромный ржавый замок. Эта баня нам тоже в наследство досталась. Правда, папа так и не нашёл времени, чтобы её в порядок привести. Не заходили туда, наверное, лет сто. Генка говорит, по ночам в ней черти в карты играют. Сразу за баней – болото. Здесь когда-то торф добывали и специально вырыли квадратные карьеры. А теперь они заросли тростником и камышами. Я стараюсь сюда не ходить.

- Ну куда ты?
- Клад искать, – нехотя бросил Генка.

В любой другой день он бы сам мне про клад рассказал. Но сегодня Генка страшно злился, что я еду с родителями в Питер. На день рождения к маминой подруге с ночёвкой. Вот он и дулся, что я его одного оставляю.

Генка изо всех сил принялся работать лопатой. Трава и комья земли разлетались в стороны. А я отчаянно соображал, что бы такое придумать? Ссориться с Генкой мне совсем не хотелось.

– Давай я у родителей отпрошусь к тебе ночевать. Может, ещё раз... – начал я, но договорить не успел.

Раздался скрежет, Генкина лопата упёрлась во что-то твёрдое.

– Нашё-о-о-л! – закричал он и стал копать ещё усерднее.

– Гена, а ну вылезай оттуда! – на пригорке стояла Таисия Семёновна. После нашего ночного дозора она следила за ним с удвоенным вниманием. – Вылезай, говорю, не хватало ещё в болоте утопнуть!

– Тьфу ты! – Генка сокрушённо посмотрел на лопату и послушно поплёлся к бабушке.

Пока мы поднимались, он шепнул мне:

– Надо с твоими родителями переговорить.

– Чтобы я у тебя ночевать остался?

– Да нет же, это я к тебе пойду.

– Мы что – одни в доме будем? – Я остановился, глядя на Генку.

– А ты чего, испугался?

– Я тебе там пошепчусь! – Таисия Семёновна погрозила Генке пальцем. – Иди поросёнку крапивы нарви.

– Жди, скоро приду, – друг кивнул мне и побежал домой.

Так я понял, что Генка снова что-то затеял. Не тот он человек, чтобы на полпути останавливаться. Наверняка придумает, как свой клад откопать.

Я уселся на траву около калитки, размышляя, как бы уговорить родителей, чтобы они меня в деревне оставили. Но думалось мне недолго, потому что Генка скоро вернулся. В руках у него была какая-то странная штукавина в виде изогнутой пластиковой трубы.

Теперь-то я знаю, что в хозяйстве всё может пригодиться, но на всякий случай уточнил:

– Зачем это тебе?

Генка повертел трубу в руках:

– Не мне, а твоей Кокоше. Вот скажи мне, у неё в клетке есть колесо?

– Ну есть.

– Зато тоннеля нет. А что за жизнь у хомяка без тоннеля? – он помахал в воздухе трубой.

Генка, конечно, добрый, но почему он раньше о Кокоше не подумал? Словно прочитав мои мысли, он добавил:

– Чтобы уговорить твоих родителей, нужно что-то полезное сделать. Задобрить их.

У меня в груди сразу ёкнуло. Вспомнилось, как Генка клялся бабушке больше ничего не выдумывать.

– Да нормально всё будет. Твоя Кокоша нам ещё спасибо скажет.

Мы принесли клетку с хомяком к сараю, где у Генки хранились разные инструменты. Я снова восхищался его смекалкой. И как это он всё умеет?

От усердия Генка выпятил губы и стал похож на утку. Вымерил отверстие, обрезал кусачками прутья клетки и укрепил трубу железными пластинами.

Минут через сорок всё было готово. Теперь через клетку, совсем как настоящий тоннель, проходила изогнутая труба. Кокоша сразу в эту трубу забралась и даже пробежала по ней пару раз туда-обратно.

Мама с папой, увидев обновлённую клетку, нас похвалили. Хотя меня, конечно, хвалить было не за что – я же только смотрел.

У Генки на лице брови задёргались вверх-вниз. Он стал показывать мне глазами в сторону родителей. Я понял, что сейчас самое время, и спросил у них про ночёвку.

– Даже не знаю, – мама укладывала в багажник машины дорожную сумку. – Не страшно вам будет одним оставаться?

– Они уже не маленькие. Что с ними случится? – папа подливал в мотор машинное масло. – Кажется, привидений у нас в доме не водится, да и другой нечисти тоже. Ну, я, по крайней мере, никого пока не встречал.

– Очень смешно! – мама приподняла одну бровь и с укором посмотрела на папу. – Теодор, в холодильнике гречневая каша с рыбными котлетами. Только газ не включайте, ужин разогрейте в микроволновке.

А Таисия Семёновна погрозила Генке пальцем:

– Смотри, если что учудишь..

– Не учую! – заверил он и схватил зубную щётку. – У тебя зубная паста найдётся?

– Найдётся, – кивнул я и пошёл вперёд. Я себя тогда таким взрослым почувствовал!

Войдя в дом, Генка сразу отправился в кухню. Открыл холодильник и, уныло взглянув на контейнер с гречневой кашей и рыбными котлетами, с силой захлопнул дверцу. Сверху аж микроволновка дзинькнула.

– Тедди, давай сухарики сделаем, – предложил он.

А у меня в груди ёкнуло, мама же просила газ не зажигать.

– Да не бойся ты, мы аккуратно! – Генка заметил мою настороженность. – Я газ с пяти лет сам включаю.

Вздохнув, я вытащил из пакета батон. Мы нарезали его на квадратики. Выложили их горкой на противень и зажгли в духовке газ.

– Как думаешь, масло и соль сразу или потом? – спросил я.

– Давай сразу, а то ещё подгорит.

И Генка щедро полил наши будущие сухари подсолнечным маслом. А сверху соли насыпал.

Пока сухари готовились, мы решили сыграть в шашки и уселись в комнате на полу. Генка почти сразу всего за несколько ходов вывел свою шашку в дамки и испортил мне всю игру. А я носился от него по полю как угорелый. Когда он подстерегал меня, то зловеще кричал: «Ага-а-а, попался!» – и съедал очередную шашку.

Я захотел отыграться. Но Генка снова нечестно выбился в дамки. Это потому, что он белыми играл. Мы поменялись, и белыми теперь ходил я. Но и здесь Генка смухлевал. Перевернул свою шашку и сделался дамкой. Мне стало страшно обидно! Я сглотнул комок в горле, чтобы не заплакать. А Генка, хохоча, продолжал рубить мои шашки. Тут мне захотелось треснуть его доской, до того я рассердился. И вдруг Генка как закричит:

– Гори-и-и-и-м!

Я вскочил и бросился в кухню. Генка за мной. Из духовки валил дым. Я выключил духовку, а Генка подбежал к окну и резко распахнул его. Кокоша в клетке возле печки всё время чихала.

– Из-за тебя мы чуть дом не спалили! Пекарь несчастный! – набросился я на него.

– А чего ты за своими сухарями не следил?

– Я от твоих дамочек отбивался. Ты играл нечестно!

– Нечестно? – вскипел Генка. – Вот и играй тогда один.

Он пошёл в прихожую и снял с крючка свою толстовку. А я, как представил, что останусь один в старом доме, так сразу не по себе стало. Но не извиняться же мне перед Генкой? Тем более он и правда играл нечестно.

– Ладно, – примирительно сказал я, – оба виноваты.

Я открыл духовку, а сам незаметно покосился на Генку. Уйдёт или нет?

Он постоял ещё немного, а потом повесил толстовку обратно на крючок и подошёл к плите. На противне лежала чёрная ершистая гора. Она дымилась, напоминая действующий вулкан. Деревянной лопаткой я снял его вершушку и заглянул внутрь.

– Ого, – удивился Генка, – да это же сухарики под шубой!

Под обугленной «шубой» лежали очень даже съедобные сухарики. Вот только на кухне из-за дыма и запаха гари невозможно было находиться. Мы насыпали сухариков в тарелку и пошли в спальню.

– Давай Кокошу с собой возьмём, – предложил Генка, – она ж тут задохнётся.

Я приподнял клетку и понёс её в комнату.

– Осторожно, трубу не задень. – Генка поставил тарелку с сухариками на подоконник в спальне. – Может соскочить.

– Да я аккуратно.

Как гостеприимный хозяин, я уступил Генке свою кровать. А для себя притащил из кладовки раскладушку. Застилая постель, я заметил, что Генка в нетерпении расхаживает по комнате и косится на окно.

– Ты чего там высматриваешь? – Я собрался снять джинсы.

– Погоди, не раздевайся, – коротко ответил Генка. – Дело есть.

– Никаких дел на сегодня! – решительно заявил я. – Опять в какую-нибудь историю влипнем.

– Не влипнем, а войдём в историю, когда клад откопаем.

– Ты серьёзно? Ну уж нет, я к старой бане не пойду.

– Боишься?! – ухмыльнулся Генка.

Он выставил руки вперёд и начал на меня наступать.

– В чёрной-чёрной комнате на чёрной-чёрной кровати сидел чёрный-чёрный...

– Отстань, – я швырнул в него подушкой.
– Собирайся, иначе один в доме останешься. – Генка поймал подушку на лету и пошёл за своей толстовкой.

Я за ним:

– Стой, ты куда собрался?

Генка открыл дверь и вышел на крыльцо.

– У меня уже всё продумано.

Пока мы с ним спорили, успело стемнеть. Луна едва освещала макушки деревьев.

Генка вытащил из клумбы спрятанную там лопату и направился к старой бане.

– Ты же говорил, что там эти.. – у меня сбилось дыхание.

– Черти, что ли? Ну и что, сидят себе в карты играют. Ты их не трогай, и они тебя не тронут.

Генка спускался по пригорку и что-то показывал мне. Ноги у меня сделались ватными, по телу побежали ледяные мурашки, а в горле стало жарко. Сердце колотилось как ненормальное. Вот-вот выпрыгнет из груди.

До бани оставалось всего несколько шагов. В тишине под ногами шуршала трава и хрустели мелкие камни. Генка приблизился к тому месту, где утром нашёл клад, и начал копать. Лопата то и дело тихонько дзынькала. Я стоял рядом и косился на баню, готовый в любой момент убежать.

– Жалко, фонарика нет, – сокрушался Генка. – Но с ним опасно, могут засечь.

Наконец в яме тускло блеснуло что-то металлическое. Генка копнул ещё раз и протянул руку к своей находке. В этот момент луна скрылась за тучей, и стало совсем темно и тихо.

Вдруг из бани донёсся кашель, а сразу за ним звон упавшего железного ведра.

– Че-е-р-ти-и-и! – заорал я и со страху бросился в сторону болота.

Генка за мной. Мы неслись, не разбирая дороги. Опомнились, только когда поняли, что разгребая руками болотные камыши.

– Ты зачем сюда побежал? – зашептал Генка.

– Не знаю, а ты зачем?

– А я за тобой. Надо выбирать.

– Я лучше с пиявками и лягушками останусь, чем через старую баню пойду.

– А на болоте кикимору не боишься? Вылезай давай!

Генка развернулся и пошёл в обратную сторону.

– Подожди! – я бросился его догонять.

В кроссовках хлюпало, а промокшие штаны липли к ногам.

Вдруг Генка так резко остановился, что я врезался ему в спину.

– Смотри, – он указал на окно бани.

Внутри на подоконнике горела свеча.

– Интере-э-сно, – сказал Генка.

– Стой, стой, не ходи туда! – зашептал я.

Генка прижался к двери. Она неожиданно подалась, и он чуть не повалился в предбанник, но вовремя отскочил. Значит, замок кто-то снял.

Сердце вновь бешено заколотилось. Даже в ушах его стук отдавался. Генка прошмыгнул к окну и заглянул внутрь. От неожиданности он присел на корточки. Затем снова выпрямился и замахал рукой, подзывая меня к себе. В ответ я замотал головой.

– Давай, давай. Вот это чёрт, лохматый какой! – шептал Генка.

На негнущихся ногах я подошёл ближе. Думал, сейчас увижу чёрта с копытами и рогами – и тут же умру от страха. Но всё-таки собрался с духом и осторожно заглянул в окно. Там на скамье, уютно свернувшись, спал Серёга-пастух. Я присел на корточки и стал беззвучно смеяться. Со мной так бывает, когда я перенервничаю.

Генка встряхнул меня за плечо.

– Ты чего, совсем, что ли? Пойдём, а то разбудишь.

Он вернулся к раскопкам. Подцепил лопатой какую-то штуковину, и в свете выглянувшей из-за тучи луны мы увидели старый противогаз.

– Да это круче, чем золото! – сказал Генка и прижал находку к груди.

У меня не осталось сил с ним спорить. На крыльце мы сняли мокрую одежду и повесили её на верёвку сушиться. Мои руки всё ещё тряслись.

– Вот и хорошо, – Генка укладывался спать, кутаясь в одеяло. – Серёга-пастух дом себе нашёл. Пусть в бане поживёт, она всё равно никому не нужна. Тебе ведь не жалко, Тедди?

– Не жалко.

– Только ты никому не рассказывай, а то ещё выгонят его.

– Ты чего, конечно, не расскажу!

Я лежал в темноте и прислушивался к старому дому. Казалось, в другой комнате кто-то ходит. На кухне раздался щелчок, а на чердаке что-то упало. Я поёжился, накрылся одеялом с головой и сам не заметил, как уснул.

Вдруг меня разбудил Генка. Он шептал:

– Тедди! Слышишь, мыши скребутся?

– Нет у нас мышей, – сквозь сон ответил я и перевернулся на другой бок.

Но разве можно после такого спокойно спать? Я снова стал прислушиваться. И тут кто-то оглушительно захрустел. Так мне тогда показалось.

– Генка! – позвал я. – Кажется, и вправду мыши.

– Ты куда сухарики положил? – спросил он.

– Ты же сам их на подоконник убрал.

Было слышно, как Генка сглотнул. Я вскочил и резко включил свет. Лампочка вспыхнула и перегорела.

Но за эту секунду мы успели разглядеть, как на спинке кровати, прямо над Генкой, сидела серая крыса с сахарём в зубах.

– А-а-а-а! – Мы с Генкой так заорали, что у меня даже в горле запершило.

От этого крика крыса, наверно, испугалась и свалилась вниз за кровать. Был слышен глухой удар. А мы кинулись в другую комнату и разом запрыгнули на диван.

– Тедди, у тебя там крыса! – Генка смотрел на меня выпученными глазами.

– Видел. Как мы теперь спать будем? От укуса крысы может эта самая... сенная лихорадка начаться.

– И что ты предлагаешь?

– Давай за твоим котом сбегаем!

– Не выйдет... Он первым из спальни драпанёт. Мой кот вообще никаких грызунов не признаёт, только лягушек с болота таскает. У тебя кочерга есть?

– Есть, – опешил я, – тебе зачем?

– Кто-то должен это сделать.

– Что сделать?

– Избавиться от неё! – Генка решительно направился в кухню и вернулся уже с кочергой и моим телефоном, который я оставил на обеденном столе.

– Ты серьёзно?.. – у меня даже дыхание перехватило.

– Я не собираюсь спать в одном доме с крысой. А если она снова ко мне на кровать залезет?

Генка направился в спальню, включив фонарик на телефоне.

Я слез с дивана и осторожно пошёл за ним. Генка приблизился к кровати, занёс кочергу и вдруг спросил:

- Тедди, а где Кокоша?
- В клетке, где же ей быть?
- Ты уверен?

Я вернулся в комнату и увидел, что клетка пуста. А труба так сильно сдвинута в сторону, что не только хомяк, а целый кролик пролезет.

- Генка-а-а! – закричал я. – Стой! Это не крыса! Это Кокоша.

А Генка уже и сам догадался. Он пытался вытащить её, но она не давалась и кусала его за пальцы. Тогда я достал из комода махровое полотенце, свернул его два раза и обхватил Кокошу. Бережно посадил её в клетку и плотно задвинул трубу.

– Маленькая моя, бедненькая, – приговаривал я и косился на Генку. – Он ведь тебя чуть не угробил.

- Откуда ж я знал, – сказал Генка с виноватым видом.

Мы погасили свет и легли спать.

- Генка, – позвал я в темноте.
- Чего?

- А ты правда мог бы... Ну вот так запросто... – Я замолчал.

Генка тоже помолчал, а потом сказал:

– Нет, наверно. Я сам её боялся... Просто не хотел, чтоб ты подумал, будто я трус.

– Я никогда так про тебя не подумаю. Ты мой самый лучший друг. И, чтобы быть смелым, крыс убивать не обязательно.

– Хорошо, – прошептал Генка, а потом добавил: – Ты тоже мой лучший друг.

Я лежал и думал, что в начале лета ни за что не хотел ехать в деревню, а теперь очень не хочу уезжать. А ещё, что сегодня мы с Генкой сказали друг другу важные слова. Их почему-то легче говорить вот так – в темноте.

Утром мы выбросили сухари, а Кокоша снова переехала в кухню.

Вскоре позвонил папа:

- Теодор, – сказал он по телефону, – ну что, дом цел?

– Привет, пап! Всё отлично. И в деревне всё спокойно. Ни наводнений, ни пожаров.

– Ты бы так лучше не шутил, – серьёзно посмотрел на меня Генка, когда я положил трубку.

- Как – так?

- Ну, про пожары. А то мало ли что.

ДЕНЬ ВАРЕНЬЯ

– Ничего ты не понимаешь, Тедди, – Генка сидел на старом табурете в своём сарае и разбирал противогаз, – это ж самый настоящий трофей! Он наварняка остался от нашего солдата со времён войны.

До конца летних каникул оставалась всего неделя. Крохотная такая неделька свежего воздуха, а потом – прощай, свобода, и привет, уроки. А тут Генка откопал за старой баней вместо клада противогаз и совсем с ним рехнулся.

– Вообще-то трофей – это когда захватывают оружие, или знамя, или ещё что-то, победив неприятеля, – поправил я его. – Ну, или в спорте Кубок за первое место получают.

– Неважно, это ж память о войне. Спорим, ты даже не догадываешься, что здесь наши фашистов остановили и дальше не пустили?

Я пожал плечами.

– А знаешь, когда это произошло? – не отставал Генка.

– Ну, не знаю, и что с того?

– А произошло это тринадцатого ноября сорок первого года.

– Правда? У меня тринадцатого ноября день рождения!

– Вот, значит, ты родился в знаменательную дату!

Раньше я не задумывался о том, где у нас дом находится. А теперь мне очень захотелось почитать историю про нашу деревню Кайваксу.

– Здесь мой прадед воевал, а прабабушка вообще геройский поступок совершила, – продолжил Генка. – Когда сюда немцы пришли, все жители деревни в лес убежали, в землянки. А тут осталась одна старушка, она лежащая была. В смысле, ходить не могла. И тогда моя прабабушка села верхом на коня, запряжённого в телегу, и помчалась по полю, где бои шли. Над её головой летали снаряды, всё взрывалось, а она только коня стегала и гнала его в деревню. На руках перенесла из дома эту старушку, та совсем сухая от голода была, положила в телегу и – обратно в лес, к землянкам. Когда снаряды взрывались, она только крепче к лошади прижималась. Страшно всё-таки. А волосы у неё такие длинные были, до пят. Они на скаку расплелись и с лошадиной гривой перепутались так, что не расцепить их было. Потом уж наши мужики ей эти волосы топором обрубили.

У меня по коже мурашки забегали и в горле запершило. Вот в кого Генка пошёл, такой же бесстрашный!

– Я решил противозащитный этот починить. Вдруг пригодится? Может, мы с тобой тоже когда-нибудь геройский поступок совершим!

– Это вряд ли, сейчас войны нет.

Я задрал голову вверх и посмотрел на ясное голубое небо. Там высоко летали ласточки, значит, дождя не будет. Это меня Генка научил, примета такая.

– Смотри, вот эта резиновая штука, которая на голову надевается, называется шлем-маска с очками. А это, – Генка постучал по металлической круглой штуковине, прицепленной к противогазу, – фильтрующе-поглощающая коробка. Её нужно от земли почистить. И будет как новенький! А там и случай подвернётся...

Генка долго возился с противогазом и всё-таки починил его. Вообще в эти последние дни он отчаянно соображал, что бы такое незабываемое напоследок придумать. Правда, Генка слегка опасался бабушку. Она постоянно за ним следила.

– Завтра мать с отцом вернутся. – Таисия Семёновна чесала бока поросёнка Борьки, подбрасывала ему яблоки и давала наставления Генке. – Я должна передать им тебя в целостности и сохранности. И желательно не с переломанными руками и ногами.

Борька повизгивал от удовольствия и хрумкал на весь двор.

– Идите, что ли, яблок соберите, вон сколько нападало.

– Вот бы фейерверк запустить, – прошептал Генка, – в честь уходящего лета. Представляешь: бум-бах-тарарах, бдыщ-бдыщ-плюуум!

– Ты чего там разбабахался? – подслушала его мечты бабушка.

– Ничего, – буркнул Генка и отвернулся.

– Может, концерт устроим? – предложил я. – Соберём всю деревню в нашем клубе. Песни споём, у тебя они хорошо придумываются.

– Концерт, конечно, можно. Только вот придут на него три человека: моя бабушка да твои мама с папой. Нет, нужно что-то такое, выходящее за пределы разумного.

– Ну, с этим у тебя проблем никогда не было, – пошутил я.

– Ты это на что намекаешь? – Генка сразу вспыхнул и запульнул в меня полусгнившим яблоком.

– На то, что ты бидон и от тебя одни беды! – Я ответил залпом из двух яблок, попав ему в плечо и в живот.

Генка набросился на меня, и мы принялись мутузить друг друга и кататься по траве. А потом разлеглись прямо на земле и уставились в небо. Солнце жарило нас, как картошку на сковороде. Ветра не было, а сверху часто падали яблоки, будто кто-то раскачивал деревья.

– Это яблочный ветер, – сказал Генка, подставил руку и на лету поймал яблоко.

Про такой ветер я никогда не слышал, но почему-то мне захотелось поверить в него.

– Гена-а, – позвала Таисия Семёновна.

Она велела отнести моей маме три корзины яблок. Ух, и тяжёлые! Одну я нёс в левой руке, другую Генка – в правой, а третью мы таскали вместе.

– Вот это урожай! – увидев нас, мама сама раскраснелась, как Генкины яблоки и тут же выдала нам ножи и два больших таза.

Этот день мы назвали настоящим Днём Варенья.

По деревне разлился яблочный дух. Дома стали похожи на паровозы, из труб которых валил белыми облаками дым. Это растапливались печи. Все готовили варенье.

Генка мне немного помог, а потом убежал домой. Сказал, что нужно к приезду родителей подготовиться.

– Так они же только завтра приедут? – удивился я.

– А может, мне в комнате прибраться надо? Ну и вообще – настроиться. Три месяца с ними не виделся.

Я остался один и со злости рубил ножом яблоки на большие куски. А потом весь вечер помогал маме раскладывать варенье по банкам. Кажется, я на него целый год даже посмотреть не смогу, так попробовался.

Мама попросила отнести Таисии Семёновне четыре литровые банки ещё тёплого варенья. А они тяжёлые, чего я должен один таскать? Тем более Генка мне почти не помогал. Тогда я пошёл к нему, прихватив с собой яблоко.

– Генка, помоги варенье твоей бабушке донести.

– Не могу, Тедди. Я же говорю: к приезду родителей готовлюсь. – Он старательно прятал что-то за спиной.

– Тебе что, трудно, что ли?

– Говорю же: занят.

Из-за Генкиной спины показалась какая-то дощечка.

– Ну и всё тогда, – разозлился я, – значит, ты мне больше не друг!

– Вот так?! – Генка чуть не задохнулся. – Значит, ты мне – тоже!

И он захлопнул передо мной дверь. Мне так обидно стало. И от этого чувства в животе что-то бухало, поднималось и снова опускалось.

Я вернулся домой, взял все четыре банки и отнёс их на Генкино крыльцо. Даже заходить к нему не стал.

На улице смеркалось, но идти домой теперь не хотелось. Мама обязательно станет расспрашивать, что случилось. Она почему-то всегда чувствует, когда я расстроен.

Прошёлся до магазина. Скучно. От нечего делать вытащил из кармана яблоко и пульнул его в воздух. Вдруг раздался дребезжащий звук. Наверно, оно угодило в тарелку деда Егора. На всякий случай я убежал.

В эту ночь долго не мог уснуть. Сначала на улице что-то просвистело и бабахнуло, будто залп салюта. А потом я всё думал о Генке. Я ведь первым сказал, что он мне теперь не друг... А если он и вправду занят был? Не должен же он всё время со мной возиться. А тут ещё эти яблоки... Как только закрывал глаза, так и видел яблочные горы: они падали, кружились вокруг меня и скакали как мячики. Весь дом пропах сладким ароматом варенья. Я втягивал носом этот запах, и мне казалось, что лето никогда не закончится. И мы с Генкой обязательно помиримся.

Вдруг скачущие яблоки начали странно мерцать то оранжевым, то красным. Я раскрыл глаза и выглянул в окно. Это запомнится мне на всю жизнь. Внизу в старой бане у торфяных болот полыхал огонь. На секунду я оцепенел, а потом закричал во весь голос:

– Гори-им! Гори-и-им!

– Теодор! – мама вбежала ко мне в комнату. – Где? Где пожар?

Трясущимися руками я натягивал джинсы. Застёгивал рубашку и всё повторял:

– Там! Там! Там...

Донёлся голос папы:

– Старая баня горит. Сейчас пожарных вызову.

Я побежал в прихожую.

– Ты куда? – испугалась мама.

– К Генке, – бросил я на ходу, надевая кроссовки, и выскочил за дверь.

Слышал, как мама кричала мне вслед:

– Не вздумайте подходить к бане! Ты слышишь? Теодор!

Но я уже мчался к Генке и, подбежав к его дому, изо всех сил забарабанил в окно.

– Ты чего? – Генкина взъерошенная голова высунулась из окна и недовольно посмотрела на меня.

– Пожар! Горит! Баня! – я задыхался от волнения.

– Там же... – Генка не договорил.

На секунду он исчез. Затем вынырнул с одеялом и противогазом в руках. В трусах и майке спрыгнул из окна прямо на клумбу с флоксами.

Мы рванули к бане. Языки пламени выползали из-под её крыши, будто дразнились. Внутри всё хлопотало и трещало. Чёрный дым сливался с темнотой.

– Я пойду первым, – сказал Генка и бросил мне в руки противогаз. – Надевай!

– А ты как же?

– За меня не волнуйся. – Он накрылся одеялом и ногой распахнул дверь в баню. Навстречу повалил густой дым, но в противогазе я его совсем не чувствовал.

– Вперёд и сразу направо, – глухо скомандовал Генка из-под одеяла. – Он на скамье у окна.

И я заскочил в баню. Всё тело обдало жаром, а по мне колючие мурашки побежали, будто я в ледяную воду нырнул. В ушах отчего-то всё булькало. От ярко-оранжевого огня рябило в глазах. Я повернул направо. Наконец на скамейке в дыму разглядел человека. Он лежал с открытым ртом и не двигался.

– Хватай его! За ноги! – проорал Генка.

Он схватил Серёгу-пастуха за левую, а я за правую ногу. После трёх попыток мы стянули его со скамейки. И даже от удара об пол он не очнулся. Генка путался в одеяле, но не останавливался. А я всё боялся, что вот сейчас пламя перебросится на него, и двоих я уже точно не вытащу. Не знаю, откуда у нас тогда тогда взялись силы, но нам всё-таки удалось перетащить Серёгу-пастуха через высокий порог на улицу.

Глотнув воздуха, он закашлялся, открыл глаза и ошалело уставился на горящую баню. Не знаю, как он не умер от потрясения. Я бы на его месте точно умер.

В это время к бане бежали мои мама и папа и дядя Андрей. И совершенно непонятно откуда взявшиеся растрёпанная Бабзоя и деда Егор.

– Ракетница! – кричал он. – Моя ракетница!

– Так это из-за тебя баня-то загорелась? – погрозила ему кулаком Бабзоя. – У-у, злыдень!

– У меня сегодня на крыше антенны с тарелками так дребезжали! Подумал, ну, наконец-то! Контакт с инопланетянами случился. Хотел им ответный сигнал подать... – растерянно проговорил деда Егор.

– Разберёмся, – сказал дядя Андрей.

Вместе с моим папой они оттащили Серёгу-пастуха подальше от бани. Он начал приходить в себя и забормотал на французском:

– Бон пари жерар. Спасибо, Господи, муар.

Мы с Генкой, оба чёрные от копоти, сидели на крыльце. В глазах рябило от красно-синей мигалки пожарной машины. Пожарные ловко разматывали шланг. Мама обнимала меня и гладила по голове. Папа мерил шагами двор. А участковый что-то строго выговаривал деду Егору. Но мы ничего не слышали. Очень-очень сильно хотелось спать.

Папа взял меня на руки и отнёс в дом. А я прижался к нему крепко-крепко и заплакал, выронив противогаз.

На следующее утро Генка пришёл ко мне. Помятый и невыспавшийся. Ему влетело от бабушки. Мне от родителей тоже досталось.

– Теодор! Ты хотя бы понимаешь, ЧТО могло произойти? – мама вглядывалась в мои глаза. А я заметил, что на лбу у неё появились две глубокие морщинки.

– Надо было взрослым всё рассказать, – папа всё ещё сердился, – а не лезть самим в пекло...

– Понимаем, – мы с Генкой повинно кивали, уже чувствуя, что папа нами гордится.

После этого разговора Генка признался мне, что вчера выжигал для родителей открытку на доске.

– Так бы и сказал, а то всё занят и занят. Даже дружить со мной отказался, – надулся я.

– Ты первый отказался, – возразил Генка. – А ещё я подумал, что ты меня засмеёшь.

– Чего смеяться-то? Понятно же, хочешь родителям приятное сделать.

– Спасибо, – смущённо сказал он и легонько сжал моё плечо.

Так мы с Генкой помирились и решили больше никогда друг от друга ничего не скрывать.

А днём около моего дома остановилась серебристая машина и посигналила три раза подряд. В это время мы с Генкой ходили вокруг места, где была баня, и смотрели, как над обгоревшими сырыми брёвнами струится тонкий дымок.

Из машины вылез толстый мужчина в синем деловом костюме. За ним парень, длинный и худой, как лыжа, в потёртых джинсах и клетчатой рубашке навыпуск. Последней вышла худая женщина на высоких каблуках и в обтягивающем чёрном платье. В руках она держала красную папку. Все троём они вошли в мой дом.

– Это наш глава администрации, – Генка настороженно кивнул в сторону толстого мужчины, – Иннокентий Митрофанович. Наверно, штрафовать нас будет.

– Откуда ты знаешь? – испугался я.

– Чувствую, – серьёзно ответил Генка. – Он по пустякам никогда не приезжает.

Мы прокрались к машине и выглянули из-за капота.

– Вот вы где?! – огромный Иннокентий Митрофанович навис над нами.

Меня поразили его брови. Такие густые, будто сосновые ветки. Мне он показался очень хмурым и сердитым.

– Пойдёмте-ка, юные спасатели, побеседуем, – пробасил он, легко оторвал нас обоих от земли и поставил у калитки. – Вадим, вот отсюда ракурс лучше.

Иннокентий Митрофанович махнул рукой парню в клетчатой рубашке с большой камерой на плече. Нам с Генкой страшно было пошевелиться.

В деревне новости разлетаются, как стая воробьёв, мгновенно. Минуты не прошло, как у нашего дома полдеревни собралось. Здесь и Бабзоя стояла, опираясь на руку деда Егора. И участковый о чём-то тихо переговаривался с Иннокентием Митрофановичем. А Генкина бабушка зачем-то надела туфли вместо резиновых сапог. Поверх платья она набросила пиджак с переливающейся брошью.

– Подождите меня, подождите! – Из-за угла показалась наша продавщица тётя Лена. (Магазин пришлось на перерыв закрыть.) – Уф-ф, я ничего не пропустила?

– Ну всё, нам конец, – прошептал Генка. – Кажется, одним штрафом не отделаемся.

Лоб взмок, а к щекам будто два утюга раскалённых приложили. Я в отчаянии оглянулся на родителей. Но они тоже заметно волновались, это было видно. Мама теребила обручальное кольцо на пальце, а папа обнимал её и гладил по плечу.

Женщина из администрации, проваливаясь каблуками в землю, подошла к нам и строго сказала:

– Встаньте ровно и не вертитесь!

К моему горлу подступил смех. Я же говорил, такое бывает, когда перенервничаю. А Генка остервенело начал чесать за ухом. Лучше б нас сразу наказали – и дело с концом.

Вадим включил камеру и направил её на нас.

– Мальчики, сегодня ночью вы совершили героический поступок! – Женщина улыбнулась, и на её щеках появились две ямочки.

Мы с Генкой переглянулись, не веря своим ушам. Выходит, нас считают героями? Я невольно расправил плечи. Вот он, звёздный час, нас покажут по телевизору! Это ж меня одноклассники увидят. И все ребята во дворе. Но тут мне в голову зачем-то влетела ещё одна мысль: если бы я был в той бане, Генка бы меня тоже спас и не ради славы, а так, по-человечески. И я бы его тоже. Наверно.

– Расскажите, что вы чувствовали, когда спасали из огня человека.

Мы молчали. У меня, кажется, даже язык распух.

– Вам было страшно?

Я наступил Генке на ногу, чтобы он не молчал. А Генка подтолкнул в бок меня, чтобы я первый начал говорить.

– Скажи уже что-нибудь, – процедил я сквозь зубы.

Генка, не мигая, уставился в камеру, а потом виновато произнёс:

– Я это... одеяло спалил. Бабушка ругалась.

Таисия Семёновна нервно заулыбалась и затеребила брошку на пиджаке.

– Про одеяло – это ты хорошо придумал, – кивнула женщина. – А откуда ты узнал, что, входя в горящее помещение, нужно на себя набросить что-то плотное?

– Так в школе на ОБЖ проходили. Я этот урок никогда не прогуливаю. Это ж вам не русский с литературой.

Я подтолкнул Генку, чтобы он такую ерунду не говорил.

Женщина попыталась улыбнуться ещё шире. Затем громко кашлянула и обратилась уже ко мне:

– Теодор, тебе, наверно, тяжело было вытаскивать взрослого человека из горячей бани.

– Не знаю, – честно признался я. – Мы летом столько тяжелых вёдер с водой натаскали...

Теперь Генка пнул меня. Я откашлялся и продолжил:

– Если б не противогаз, в горящую баню точно бы не полез. Это Генка его откопал и починил. Он с самой войны в болоте пролежал.

– Ну вы даёте! – не выдержал дядя Андрей. – Противогаз бы за это время давно развалился. Здесь военные учения лет пятнадцать назад были. Видимо, кто-то его потерял.

– Пра-а-авда? – расстроено протянул Генка.

Тут женщина с высокой причёской раскрыла папку и вытащила из неё две грамоты. На них были написаны наши с Генкой имена.

Вот этого я точно не ожидал и даже растерялся немного.

Вдруг Генка повернул голову влево и весь выпрямился как струна. Я тоже посмотрел в ту сторону и увидел румяную женщину с короткой стрижкой и высокого мужчину с рыжей бородой. Опершись на свои огромные походные рюкзаки, они смотрели на нас.

– Ма-ма! Па-па! – Генка со всех ног бросился к ним.

Пришлось обе грамоты получать мне. Затем Иннокентий Митрофанович вытащил из багажника машины два больших мешка яблок и сказал, что это всё – нам.

– Витамины для растущего организма, – ухмыльнулся он, и его густые брови-ветки раздвинулись.

При виде яблок меня замутило, после вчерашнего Дня варенья я на них уже смотреть не мог.

А деда Егор успел подбежать к Вадиму и затараторил в камеру:

– Я всегда говорил, что они хорошие ребята. И вообще Кайвакса – это особенная деревня. Вот в начале лета ко мне инопланетяне прилетали...

– Опять ты со своими инопланетянами, – махнула рукой продавщица.

– Не слушайте вы его, он на своих эхолотах помешался! – добавил дядя Коля.

– И ракетницы у него забери-ко, – сказала Бабзоя дяде Андрею, – а-то ведь всю деревню спалит.

Соседи стали расходиться по домам.

Мы с Генкой совсем не чувствовали себя героями. Генке было не до этого. Он был счастлив, что наконец вернулись его родители, и весь день не отхо-

дил от них. А я готовился к отъезду. Собирал вещи, помогал папе заколачивать окна. Дом будет спать до следующего нашего летнего приезда.

Это ж сколько ещё ждать? Вечность!

А в сентябре я получил от Генки электронное письмо!

«Привет, Тедди! У меня хорошие новости. Не зря мы спасали Серёгу-пастуха, всё-таки не совсем он пропащий человек. Шучу! Иннокентий Митрофанович выделил ему квартиру, а наш участковый устроил его на пилораму. Серёга-пастух теперь ходит важный и говорит, что он, как Феникс, начинает новую жизнь. Феникс – это птица такая. Она сама себя сжигает, а потом снова возрождается из пепла. Знаешь, откуда я это узнал? А вот и не из интернета. Я в библиотеку ходил, школьную. А у Бабзиной коровы телёнок родился. Деда Егор утверждает, что он не похож на обычного телёнка. Слишком уж у того уши большие, и здесь наверняка не обошлось без инопланетян. В общем, у нас, как всегда, весело. Ой, я же тебе про самое главное не сказал! Вчера хотел половить налима. А чтобы не встречаться с гусями, пошёл вниз по речке, подальше от этих зверюг. И знаешь, что я нашёл? Тедди! Я нашёл наш корабль. То есть нашу бочку. Как её увидел, так у меня всё наше лето перед глазами промелькнуло. Я её удочкой подцепил и вытащил на берег. Как дурак, минут пять с ней обнимался. Она, конечно, уже никуда не годится, но я решил из неё памятник нашей кругосветке сделать. Укрепил её между ветками ивы и пучок осоки сорвал – это вместо цветов. Тедди, приезжай к нам на новогодние каникулы! Мы с тобой ого-го, наверняка что-нибудь интересное придумаем!

Твой друг Генка».

Улыбаясь, я стал писать ответ:

«Привет, Генка! Очень рад твоему письму! Давай начнём с разработки плана, как уговорить моих родителей встречать Новый год на даче. Ну, а название операции ты уж сам придумай, у тебя это очень хорошо получается...»

**Вера
ШАЛАЕВСКАЯ**

УДИВИТЕЛЬНЫЙ КРОКОДИЛ

КОЩЕЙ

Устал злодеем быть Кощей.
Купил на рынке овощей:
Он в книге кулинарной
Нашёл рецепт шикарный.
Доев хрустящий огурец,
Зарыл за домом кладенец,
Убрал в кладовку латы,
Раздал бездомным злато.
И чтоб забыть тревоги,
Стал брать уроки йоги,
Завёл себе собаку,
Читает Пастернака
И, греясь в солнечных лучах,
Жалеет, что так долго чах.

ПРОПАЖА

Утром в королевском замке
Раздаётся крик служанки:
– Помогите! Караул!
Кто-то в замок проскользнул!
Всем искать пропажу!
Позовите стражу!
– Что такое? Что случилось?
Почему ты всполошилась?
– Некогда болтать, Жорес.
У принцессы зуб исчез.

-
- Вера Витальевна Шалаевская родилась в 1984 году. Окончила Санкт-Петербургский горный институт им. Плеханова («Автоматизация металлургических процессов и производств», 2007 г.), Санкт-Петербургский институт культуры и искусств («Искусствоведение», курсы профессиональной переподготовки, 2017–2018 гг.), Санкт-Петербургский университет повышения квалификации и профессиональной переподготовки (специальность «Педагогика дополнительного образования»). Участница XV семинара молодых писателей, пишущих для детей, организованного Фондом СИЭП (2019 г.), а также фестиваля им. Михаила Анищенко в Самаре (2019 г.). Участница Школы писательского мастерства СЗФО в Вологде (сентябрь 2020 г.) Работает учителем начальных классов. Живёт в Санкт-Петербурге.

ВОРОНИЙ ЯЗЫК

Учил барон
Язык ворон:
– КАРтина!
КАРандаш!
КАРТон!

– Почётче КАРРРкайте, барррон!
Вы рррассмешили всех ворррон, –
Твердила мудрая ворона
Разинувшему рот барону.

– КАРРета,
КАРРта,
КАРРакум.

– КАРРРтавите!
Включайте ум!

– КАРРРман.
КАРРРакули.
КАРРРъера!

– Сегодня всё.
Должна быть меррра.

– А будет слово
«КАРРРаул»?
...Ну вот,
Опять её спугнул.
Эй, кот,
Пока мы здесь, на даче,
Давай с тобой
Учить кошачий!

ДОЖДЬ

– Бум! Бам! Тара-рам!
В крышу дождь стучится к нам.
В крышу дождь стучится к нам:
– Что сидите по домам?
Я иду четвёртый час,
Я уже заждался вас!
Вымыл улицы, дворы,
Луж налил для детворы.
Выходите же скорей!
Жду вас прямо у дверей.

Я у мамы отпросился.
Я с друзьями созвонился.
Выбегаю:
– Дождь, привет!
А дождя...
Простыл и след.

БЕЗДОМНЫЙ

Пёс бездомный с грустными глазами
На меня смотрел издалека.
Я шепнула тихо маме:
– Может быть, возьмём к себе щенка?
Мама рассердилась, встала в позу,
Потянула к дому за рукав,
Повторяя всю дорогу, будто лозунг:
– Лучше купим завтра хомяка.
Я дежурю у окошка непрерывно:
Слышен с улицы печальный вой.
– Потерпи, я скоро взрослой стану
И возьму тебя к себе домой.

ПАПА, КУПИ МНЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОНИ!

– Папа, купи мне, пожалуйста, пони!
Я буду о нём заботиться. Честно.
Он будет жить у нас на балконе.
Ему там не будет тесно.
Но папа сказал в ответ:
– Ка-те-го-ри-че-ски нет!
Не резиновый балкон.
Там верблюд, жираф и слон,
Антилопа, медоед.
Всё! Для пони места нет.

ПОИГРАЙ!

У меня семья большая: папа, мама, я и брат.
Только я один играю, будто в чём-то виноват.

Я маму прошу: «Поиграй! Поиграй!»
А мама в ответ: «Подожди, не мешай!
Сынок, я сейчас поиграть не могу.
Ты видишь, уже подгорает рагу».

Я папу прошу: «Поиграй! Поиграй!»
А папа в ответ: «Подожди, не мешай!
С тобой поиграть я бы очень был рад,
Но мне нужно срочно доделать доклад!»

Я брата прошу: «Поиграй! Поиграй!»
А брат мне в ответ: «Подожди, не мешай!
Машинка, конечно, прикольная,
Но в пятницу в школе контрольная!»

«Доклады, контрольная, ужин –
А я хоть кому-нибудь нужен?»

ГОРА

Та-ра-ра, та-ра-ра!
Во дворе стоит гора.
Снежная горища –
Вот это красотища!
Возле той горы, горы
Очень много детворы.
Санки я схватил под мышку
И несусь к горе вприпрыжку.
Лихо на гору взобрался
И поехать собирался.
Посмотрел вдруг вниз...
Ого-го, сюрприз!
Ноги сразу задрожали,
И мурашки побежали,
А в глазах-то, а в глазах
Гадкий старикашка Страх.
– Посмотри, гора какая! – говорит.
– Упадёшь и разобьёшься вмиг!
Не успеешь ты доехать до конца,
Упадёшь и разобьёшься! Ну-ца-ца!
Я зажмурился что было сил.
– Брысь отсюда! – я заголосил.
В санки сел, лечуууу!
Чуууууууууууу!
Открываю правый глаз и хохочу.
– Съехал! Съехал! Я герой!
Справился с крутой горой.
Испугался лишь чуток.
Съеду-ка ещё разок!

ГЕРОЙ

Я пришёл сегодня в лес –
До чего ж красиво!
Вдруг комар ко мне полез
И запел плаксиво:
– Дай отведать мне твоей
Молодецкой крови!
Дай, пожалуйста, скорей!
Я нахмурил брови.
Героически рукав
Закатал по локоть:
– Вот тебе моя рука.
Можешь смело лопать.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ КРОКОДИЛ

В глубокой
Реке Ориноко
Живёт Крокодил одиноко.
Живёт Крокодил необычный:
Добрый и романтичный.
Он пишет стихи и романы,
Питается кашею манной
И, как настоящий поэт,
Встречает закат и рассвет.

Дед-крокодил кричит:
– Размазня!
Не нужна нам такая родня!
Братья гогочут:
– Милашка!
Питается манной кашкой!

И тогда наш Крокодил
загрустил.
И тогда он объявление
разместил:
«Готов подружиться
С жирафом и птицей,
С рыбой, с мартышкой,
С девчонкой, с мальчишкой.
Если вы живёте рядом,
Приходите, буду рад вам.
Если вам идти неблизко,
Предлагаю переписку».

И теперь спешат к Ориноко
Все те, кому одиноко.
Осенью, летом, зимою
Нет от гостей отбою.
Палатки, костры,
Вечер авторской песни,
Игра в бадминтон,
Что быть может чудесней?

Вздыхает родня крокодила
– Поэт!
– Бедолага!
– Чудило!
Стихи он свои читает!
А сколько еды пропадает!

У АДМИРАЛТЕЙСТВА

Гуляло у Адмиралтейства
Пернатое семейство.
Утка шла впереди,
Утята неслись позади.
Мама крякнула строго:
– Внимание! Рядом дорога!
Теперь посмотрим на шпиль.
Чудесно! Сегодня штиль.
Итак, пернатая банда,
Идёт подготовка к параду
В честь Военно-Морского Флота.
Даём мастер-класс пилотам.
Всем приготовить крылья!
Летим до самого шпиля,
За мной повторяем вираж.
На старт! Внимание! Марш!

Светлана
ГОЛУБЕВА

ПАДИШАХ И МУДРЕЦЫ

БЕРЁЗОВАЯ ЧУРОЧКА

Весной в парке проводили обрезку деревьев. Большие ветки распилили, поменьше – порубили, поломали, на трактор сложили и увезли за город. Осталась на прежнем месте одна берёзовая чурочка. Долго лежала, и надоело ей бока наминать. Стала всем под ноги попадаться, чтобы заметили, к делу прибрали. Шли ребята из школы. Увидели её, попинали, бросили. Прилетела ворона веток на гнездо присмотреть. Вокруг чурочки обошла, а не взяла.

– Почему меня не берёшь?

– На что? – отвечает ворона. – Нужны тонкие, гибкие, а ты – толстая, тяжёлая.

Ворона улетела. Пришёл ёж.

– Забери к себе, – просит чурбашка.

– Я спал всю зиму, только проснулся, – отвечает зверёк. – Ищу чего-нибудь пожевать. Тебя не съешь.

– Тогда подкати меня к пню.

Ёж подкатил.

– Пень, миленький, возьми к себе: прирасту, деревом с тобой будем.

– Тому не стать. Возле меня уж детки поднялись, вот-вот листочками покроются. Чего ещё желать?

Так деревяшка никому не пригодилась. Обозлилась, решила мешать каждому, кто вблизи окажется.

Пришла в парк девочка со скакалкой. Прыгала, прыгала, на чурочку наступила.

– Ой! – вскрикнула малышка. – Ногу подвернула! Полено проклятое!

-
- Светлана Сергеевна Голубева родилась в семье работников геологоразведочной партии в пригороде Пскова. Окончила географический факультет Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова. С 2006 года живёт в Орле. Автор пяти книг: «Капельки», «Вера», «Ветра и птицы», «Такая жизнь...», «Приключения Ромашки, или Тайна деревянной лошадки» – последняя в соавторстве с Е. Машуковой. Светлана Голубева – один из трёх авторов книги для детей «Весёлые превращения». Произведения публиковались в журналах «Уроки литературы», «Роман-журнал XXI век», «Народное творчество», «Огни Кузбасса», «Аргамак», «Новый Енисейский литератор», «Толока», «Славянин» и др. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» (2014), Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А.Н. Толстого (2012), Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. И.Н. Григорьева (2016) и др.

Прохожий парнишка хромоножку домой повёл, а обидчица радуется: заметили её!

Другой раз она велосипедистам под колёса бросилась. Спортсмены попадали, руки-ноги чуть не переломали. А один хулиган её поднял, в птиц запустил.

Стали птицы, белки с ежами сторониться деревяшки. Пытались совестить. А ей того и надо: какая разница, что говорят, главное – внимание обращают!

Однажды брёл меж деревьями задумчивый школьник. Прошлогодние листья ворошил, гнёзда рассматривал, за белками наблюдал. Увидел берёзовый обрубок, взял в руки. Глядит, соображает. Долго так размышлял, потом унёс с собой. Животные стали гадать, куда это он пошёл. Вороны голубям говорят:

– Слетайте за ним, посмотрите. Нам потом расскажете.

Те полетели. Видят, заходит мальчик в большое здание. Другие тоже сюда идут. Не с пустыми руками. Кто свёртки какие-то несёт, кто фанеру или увесистую сумку. Голуби, какие тут под крышей жили, парковым рассказали, что это Дом детского творчества.

– А куда ж дети с деревяшками заходят? – спрашивают пришлые птицы местных. – Где их окна?

Чердачные, творческие, показали. Самим тоже интересно, зачем им окна модельного кружка понадобились. Расселись на подоконниках, смотрят. Вот знакомый парнишка положил чурочку на стол, склонился, думает.

– Так он дотемна думать станет, а нам домой надо, – заволновались птицы-гости.

– Ничего, летите себе, а мы поглядим, – успокоили их здешние. – Завтра всё вам расскажем.

Но ни завтра, ни через неделю не рассказали, потому что не понимали, зачем юный умелец сушил свою находку, распиливал, строгал. Но однажды творческие голуби в парк явились.

– Скорее, скорее летите с нами!

Все, кто мог, поторопились присоединиться. Даже осторожные вороны с галками, синицы, бакланы с речки. Разместились, смотрят. Пришёл школьник, достал из стола вовсе не поленьшко, а то, что из него получилось: чудесный парусник! Настоящий, только маленький (это бакланы объяснили). Наставник поднял модельку, чтоб дети видели, похлопал мечтательного ученика по плечу. Никто не разглядел, как гордилась берёзовая чурочка, правда, на прежнюю себя уже не похожая. Парковые птицы полетели обратно, чтобы поведать белкам и ежам о её чудесном превращении.

Скоро в зале первого этажа Дома творчества открылась выставка работ юных мастеров. На почётном месте красовался изящный кораблик.

Ранним утром, когда город только собирался проснуться и зал был закрыт, на подоконниках тесно сидели птицы, белки, мыши – словом, все, кому забраться сюда оказалось под силу. Животные разглядывали поделки, угадывая в них кусочки дерева, сухие травы, листья, камни. Но главное, ради чего они пришли, был парусник из берёзовой чурочки, не нужной прежде ни одной живой душе.

ВЕРБЛЮД И ЗМЕЯ

Пустыня.

Скупостью окрестностей она схожа с морем, но за внешним однообразием скрываются такие тайны, что, коснувшись их, нельзя остаться прежним.

Сень вихрастых дубрав, пляски взволнованных ветрами злаков излечат мятежную душу, а барханы – нет; ими можно только заболеть. Заболеть навеки.

Песчаные серповидные холмы с остро заточенными гребнями курятся тонкими струями пыли, а по склонам их змеятся бороздки от эоловых грабель. Не верь видимому покою. Замри и узришь, как барханы ползут вдоль ветров, волоча за собой дуговидные хвосты.

Пустыня мертва – это тоже обман. В ней – жизнь, играющая в прятки со смертью.

Из всех, кому знойные широты – родина, лишь верблюду хватает сил терпеть её убийственные чары. Оттого несёт он маленькую голову высоко на гордой шее, полуприкрыв глаза. Презирая спящих под копытами барханных насельников, он смотрит вверх, считает себя господином округи, нет-нет да и приговаривает какого-нибудь мелкого пустынного к небытию.

Верблюд наступил на змею.

Она подняла полные боли глаза и спросила:

– Зачем давишь меня?

– По праву превосходства. Но так и быть, отпущу, если ты опровергнешь мои слова.

Змея тяжело шевельнула свободными членами и согласилась. Какой у неё выбор?

– У меня мощные ноги. Я силён и раздавлю в одночасье десятков змей. А ты – слаба и презренна, – сказал верблюд, величаво воздев голову на изогнутой шее.

– Это так, – застонала змея.

– Я несу тонны поклажи. Любой из моих бурдюков и свитков расплющит тебя в мгновение. Ты же не поднимешь и тысячной доли их веса.

– Правда, – отвечала страдалца.

Верблюд продолжал:

– Тебя люди гонят отовсюду, даже из твоего дома, а я им – первый друг и помощник. За это берегут они меня пуще собственной жизни.

– И это верно.

– Потому долг мой век! – победно закончил верблюд.

Змея напряглась, вывернулась из-под мосластой ноги, прошептала:

– Нет, господин, твой век короток.

Она кратко поцеловала его повыше мозоли.

Верблюд упал на колени, освободив пленницу, и умер.

Та, изящно подталкивая фонтанчики песка себе на спину, зарылась поглубже, чтобы в покое прогреть увечное тело.

Сдувая с гребня бархана крупитчатый кварц, ветер тоненько затянул погребальную песню. Эта мелодия о том, как мало в здешних широтах значат представленья о себе и как много требует жизнь, готовая в любую минуту покинуть тебя.

В НАШЕМ ГОРОДЕ

Едва утро мягким солнечным светом, птичьей разноголосицей и несносными трамвайными звонками заявило о своих правах, как на одной из центральных городских улиц раздались крики:

– Вы подумайте, этот чудака опять забыл волшебную палочку! – проникновенно вопит на всю улицу хозяин кафе, будто бы возмущаясь, а на самом деле гордясь приятным случаем.

– Да разве он оставляет её только здесь? – тоже радостно сочувствует ему посетитель за столиком на веранде.

– Дети, отнесите, пожалуйста, это господину Волшебнику. Его видели на соседней улице, – хозяин обращается к собравшейся возле кафе детворе, держа двумя пальцами перед собой хорошо отшлифованную, по виду самую обыкновенную палочку.

Едва он умолкает, становятся слышны обрывки беседы завсегдаев:

– Нет, конечно, он никогда не ходит один. С ним собаки.

– Что вы, сударь, сегодня коты!

Такие перепалки у нас часты. Не только утром и не всегда в кафе. Пойдёмте, уважаемые, вы ведь слышали: на соседней улице. Сейчас вам всё станет понятно.

В нашем городе живёт Добрый Волшебник.

Он очень рассеян и забывает свою чудесную палочку где попало: в кафе, магазине, на набережной, в автобусе. Горожане просят девочек и мальчишек передать её владельцу. Дети ведь всегда знают, где искать чудесников и магов.

Каждое утро Волшебник гуляет в окружении зевак. В понедельник возле него собирается разноцветная и разноголосая толпа уличных сорванцов. Во вторник за ним теснятся и галдят торговки с домохозяйками, в среду – туристы и бездельники, потом так: птицы, собаки, коты, крысы с мышами.

Сегодня коты – значит, наступила суббота.

О чём они беседуют?

Советуются. Любой человек львиную долю чудес может совершить сам, для этого ему нужен всего лишь мудрый совет. А к кому лучше всего пойти за советом? Совершенно верно: к Доброму Волшебнику.

«Разве животным нужны советы?» – спросите вы. Ещё как! Это людям кажется, что у них полно проблем с собаками, кошками, птицами и грызунами. На самом деле всё гораздо сложнее.

Я встречала крысу, у которой было полно хлопот с хозяйкой. Зверьку очень хотелось попасть в кладовую, но дама пускалась на всевозможные уловки, чтобы этому помешать. Крысе приходилось разгадывать хитроумные замыслы, дабы не попасться в ловушку. Представляете, каково им было друг с другом? Да разве только это?

Морозы для птиц, намордники и ошейники для собак – серьёзные несчастья. Поверьте, в моих словах нет ни капли иронии. Просто мы редко смотрим на вещи глазами других. Но если бы мы это делали, у нас своих проблем стало бы меньше. Согласны?

Я так и думала, что мнения разделятся.

Чувствую, вам хочется узнать: неужели ни у кого не появлялось желания присвоить себе волшебную палочку?

Появлялось и появляется с завидным постоянством, но из этого ничего, кроме жуткой путаницы, не выходит. Осчастливить одного себя, без близких, невозможно ни с чьей помощью. Исполнять заветное желание бессмысленно, потому что на смену одному приходят другие, третьи... Пока тянется эта вереница, счастье почему-то не наступает.

А попробуйте палочкой для добрых чудес сделать пакость соседу!

В десятом квартале, рассказывают, пивовар подшутил над сыроваром. В результате получился сыр с запахом ячменя. В прошлом году этот сорт

пришёлся по вкусу горожанам так, что к магазинам, куда поступал в продажу необычный сыр, выстраивались очереди за два часа до рассвета! К слову сказать, спрос на пиво упал...

В общем, даже держа в руках заветную палочку, со временем начинаешь понимать, что счастье кроется не в исполнении желаний и что даже в таком простом деле, как колдовство, требуется изрядная сноровка.

Теперь вы многое знаете, и мне осталось предупредить вас вот о чём.

В нашем городе живёт Злой Волшебник! Его не так просто увидеть на улицах, как Доброго. Изредка по вечерам его встречают на площади, а вон та дама однажды ехала с ним в трамвае.

Чёрный маг всегда гуляет один и, будьте уверены, нигде не оставляет своей волшебной палочки. Но если бы он её где-нибудь забыл, то немногие вернули бы её хозяйину. Закопали бы где-нибудь или выбросили бы в реку. И что, спросите вы, прощай, зло? Хорошо бы, да вот беда: оно всегда возвращается обратно. Подозреваю, сколько разных «почему» зароилось в ваших головах!

Почему колдуна не арестуют и не запретят кудесничать?

Видите ли, зло часто рядится в одежды добра. Выясняется это обычно тогда, когда арестовывать кого-то уже поздно.

Случается, что от зла не хотят отказываться. Моя знакомая молочница из соседнего подъезда, распутав хитрые козни одного недоброжелателя, не захотела расставаться с раскрытым злом и всем говорила: «Оно послужило мне уроком, а от хороших уроков я не откажусь ни за что на свете!»

И знаете, что самое любопытное?

Зло бывает необходимо! Как для чего? Чтобы хорошенько ощущать вкус добра.

Однажды Злой Волшебник уехал отдыхать. Добро тут же стало пресным и обесцветилось. Прохожие удивлённо спрашивали друг друга: добро ли это? Пришлось отзывать чародея из отпуска.

С того времени поговаривают, будто Злой и Добрый Волшебники – друзья. Лично я в это не верю. Впрочем, если у вас есть время, побродите по нашим улицам, посидите на набережной или в кафе, понаблюдайте за жителями. Вы сами многое увидите, узнаете и поймёте.

Добро пожаловать!

ПАДИШАХ И МУДРЕЦЫ

1

Молодой падишах одного невеликого пустынного княжества пребывал в послеобеденных раздумьях. Не знал, что пожелать. Счастье, конечно, когда мечтать не о чем, но повелитель почему-то вовсе не чувствовал душевной гармонии.

Во дворцовых оранжереях благоухали невиданные растения; в вольерах внутреннего двора дремали, перемогая зной, редкие животные. Залы, галереи убраны тончайшими тканями, искристыми мехами, инкрустированным оружием. У фонтанов лучшие музыканты наигрывали чарующие мелодии.

Прогуливаясь меж диковин, венценосец не испытал обычной радости, ибо всё, чем он окружил и усладил себя, было иноземным.

«Палаты ломятся от редкостей, моя голова – от знаний и впечатлений, а своего государства я не знаю. Чем богата и славна моя держава?» – подумал его величество и трижды хлопнул в ладоши.

Пред ним появился, бесшумно разложился, как складная линейка, сухопарый визирь и застыл в полупоклоне. Падишах рассказал ему о своих раздумьях.

– Нет ничего проще, о, повелитель, – спокойно произнёс умный визирь. – Вы, вероятно, хотели созвать на состязание в уме и находчивости всех сколь ни сыщется учёных мужей нашего государства, с тем, чтобы лучших из них снарядить в экспедицию на поиски отеческих богатств? Будет исполнено.

В который раз поразившись сообразительности и предприимчивости своего главного слуги, падишах наклонил голову в знак согласия и повеления. Визирь удалился так же сказочно быстро и без единого звука, как и появился.

Наутро придворные глашатаи на легконогих скакунах разлетелись, точно клочья минувшей ночи, по оазисам королевства скликать мудрецов.

2

В назначенный день на дворцовой площади под царским балконом встретились (подумать только!) три мудреца.

Один, жидкобородый старец в шитом золотом парчовом плаще, сидел на коне спиной вперёд. Второй, румяный улыбочивый толстяк, сжимая на груди рваное рубище, держался в седле как положено. Верхом прибыл и третий, в домашних одеждах, с тёмной повязкой на глазах.

После должных приветствий падишах спросил гостей, что подвигло их явиться столь необычно.

– Лучшее платье – знак почтения к высшему и превосходства над низким, – произнёс старший мудрец с длинной тонюсенькой бородой и при этом бросил надменный взгляд в сторону своих попутчиков. – Я ехал лицом назад, не опасаясь грядущего, без грусти провожая прошлое, и с радостным сердцем наблюдал, как шаг за шагом в знойном мареве исчезали все мои дорожные неприятности: растворился приют, где мне не нашлось места, рассмеявшийся вслед сорванец, жадный чайханщик, обобравший меня за обедом.

Следом отвечал толстяк в лохмотьях:

– Беды уходят, даже если не прощаться с ними. Я мчался, зорко глядя вперёд, дабы не просмотреть удачу или опасность. Если везенью быть, ему безразлична моя потрёпанная одежда, зато она не привлечёт корыстного злосчастья.

– Прошлое не покинет, пока помнишь, – изрёк третий гость в домашнем халате. – Будущее не пройдёт мимо, куда ни поспеешь. Не питаю пустых сожалений и надежд. Простой наряд и завязанные глаза означают: не тщусь изменить судьбу, стремлюсь оставаться собой в рубище и золоте, в хижине и дворце.

Ответы каждый по-своему заинтересовали падишаха, он велел визирю звать мудрецов на пир, чтобы проверить их сообразительность, наблюдательность, образованность – всё то, что может пригодиться в научной экспедиции.

3

В обеденном зале гостей и хозяев ожидали нежнейшие кушанья, напитки и продолжение разговора. Позволив утолить голод, падишах обратился к гостям:

– Что человеку дороже жизни?

Сизобородый в богатом халате, встретивший и проводивший на земле не одну тысячу зорь, не помедлил с ответом:

- Благоденствие родины.
- Благополучие государя, – прогудел толстяк в худом балахоне.
- Жизнь своих детей, – подал голос третий, в домашних шлёпанцах.
- Мой приятель, князь соседней долины, жалуется на неудачи, – продолжал падишах. – Чем нужно обладать господину, чтоб преуспеть?
- Знанием, – пророкотал бородач в золотканом облачении.
- Умениями, – откликнулся в тон ему полноватый товарищ.
- Не узнаешь, не сумеешь, не преуспеешь без стремленья к тому, – молвил последний.

Венценосец увлёкся разговором и забавно смахивал на любопытного отрока.

- С чем человеку труднее всего расстаться?

Сотрапезники отвечали в почтительном порядке:

- С необходимым.
- С любимым.
- С привычным.

Воистину мудр многознающий. Неглуп и тот, кто не бежит от доброй беседы за щедрым столом. О многом ещё поговорили мудрецы и власти. Предметами их суждений становились природа и человек, способности и возможности, свобода и принуждение. Не забыли поделиться знаниями о родной стране. Тут и выяснилось, что любимое государство давно ждёт приложенья доброго ума и заботливых рук ко всем своим нуждам и тайнам.

Но вот господин подал знак к окончанию трапезы. Гости удалились, оставив господина и министра советоваться. Падишаху нравился третий гость; ответы двоих старших не казались искренними. Визирь свои пристрастия утаил, лишь молвил:

- Не следует выбирать на пороге неизвестности. Там, где пара глаз зорка, три – зорче. То, что запечатлит в памяти один, не сравнится с тем, что увидят и запомнят трое. Всё равно ведь больше никто не приехал.

Князь согласился, и участь мудрецов решилась. Им дали коней, провизии и питья, одежды, походные шатры и отправили изучать просторы государства.

4

Минул год с того дня, как мудрецы отправились в путешествие. Первое время визирь приходил к самодержцу с вестями о них. Но уже пару месяцев об экспедиции не было известий, а падишах ничего не предпринимал, чтоб разыскать путешественников. В свои ленивые размышления он не пускал тревожные мысли, но те против монаршей воли вторгались в память, портили настроение и сон. Жители столицы давно лишились счастья зреть своего господина на балконе в дни больших государственных торжеств, визитов сановников дружественных стран. Падишах не выходил к подданным, боясь, как бы кто-нибудь не помянул странников, мрачный слонялся меж клумб, фонтанов и вольтеров.

Напрасно визирь, единственный из высокопоставленных слуг, кому разрешалось посещать государя в любое время дня, напоминал о мудрецах. Юный царь хмурил брови и тотчас отсылал прочь надоевшего царедворца.

Угрюмую высочайшую лень однажды нарушила новость: путешественники вернулись и готовы предстать пред государем. Тот решил встретиться с мудрецами не вдруг. Но визирь мягко настоял на том, чтобы странникам были оказаны почести. Сановники рассчитывали увидеть измученных, сломленных невзгодами несчастливцев, но им открылось иное.

За год странствий мудрецы исхудали, лица их потемнели, кожа огрубела, но в движениях сквозила спокойная вольность. Куда исчезла сдержанная церемонность странников, подобострастие старшего мудреца, с которыми он обращался к падишаху в первую их встречу? Властитель почувствовал перемену, но не подал виду, пригласил гостей возлечь на подушках в прохладной зале для летних приёмов.

После приветственных речей и вопросов о здоровье падишах произнёс:

– Ну, а теперь к главному. Покажите мне богатства моей земли.

Он сделал знак слуге, который подошёл к мудрецам с чеканным блюдом для отысканных за год богатств.

Первый мудрец бросил на блюдо несколько фиников, второй положил флягу с водой, третий высыпал горсть песка.

Юный властитель удивлённо вскинул брови.

– Государь, в твоих владеньях жизнь сосредоточилась под сенью финиковых пальм, – заговорил седобородый, отвечая на немой вопрос властелина. – Их плоды – пища людям, корм скоту. Финиками отдают долги, пополняют приданое дочерей. «О, мой финик!» – восклицает юноша, признаваясь девушке в любви. Поистине нет ничего ценнее!

– Вода в нашей стране так же редка, как алмаз или сапфир, – продолжил средний странник, который уже не был толстяком, как в начале путешествия. – За пригоршню влаги, как за горсть бриллиантов, можно купить стадо овец, чистопородного скакуна, посватать княжну. Кто владеет водой – владеет всем.

Третий странник завершил:

– В твоих сундуках золота столько, сколь песка в округе. Ветры гонят его день за днём из края в край. Зори румянят склоны зыбких песчаных холмов. Куда ни ступит нога, куда ни устремится взор – всюду одно песчаное золото.

Не должно бы государю выдавать чувства, но юность не владеет этим искусством. Падишах разочарованно созерцал дары, силясь понять, не кроется ли здесь насмешка.

5

Кое-как властитель вернул себе привычное высокомерие и взглянул на странников попристальнее. Прежде робко почтительные, ныне они не опускали взоров. Глаза мудрецов будто помолодели, засветились неведомым знанием, и в этом мнилось дерзкое превосходство.

– Чем заняты мои подданные? Благодарят ли Бога, прославляют ли меня? – заносчиво спросил господин и услышал ответ двоих старших путешественников:

– О, да. Крестьяне благодарят небо и правителя за то, что те не сделали их жизнь горше.

– Они обращают взоры к падишахскому дворцу и славят забывчивость государя, иначе казённые поборы обратились бы в непосильное бремя для тружеников.

Третий же странник произнёс:

– О, государь, мои друзья не вполне справедливы в суждениях. Ваши подданные не видят неба и не знают наверняка, в какой стороне падишахский дворец.

– Почему же? – удивился венценосный юноша.

– Потому что глядят под ноги – трудятся, не разгибая спин, поливая скупые поля потом – единственной влагой, какая у них в изобилии.

Падишах наливался краской негодования. Визирь, одолев напряжённое смятение, спросил, что прикажет повелитель.

– В темницу их на вечные времена, – просипел тот.

Мудрецы с достоинством благодарили.

– После жарких объятий родины прохлада каземата мне не помешает, – изрёк седобородый.

– Лишенья в пути приучили меня насыщаться случайными крохами, – молвил бывший толстяк. – Мне теперь не придётся думать о куске, ведь тюремная пища выдаётся каждый день, хотя бы я просидел в каземате сто лет.

– Провожая дни без сожаленья, я встречал их без страха. Я не скопил благ, и мне нечего терять. Но у меня есть роскошь, которую не может присвоить никто, а хотят иметь все: спокойная совесть. С ней я везде как дома, – отвечал третий.

Господин слушал осуждённых, борясь с собой. В покои тем временем стальной змеёй втёк отряд стражников, который, разделившись надвое, стал по обеим сторонам от мудрецов. Наступила отчаянная минута.

Визирь, молча наблюдавший за арестом, вдруг быстро зашептал господину:

– О, великий падишах, в твоей стране мало природных богатств, ещё меньше умных, справедливых людей, и все они перед вами. Разбрасываться таким добром – непозволительная роскошь.

Стражи уже скрутили руки мудрецам, но смущённый и обескураженный юноша-монарх, послушавшись своего министра, велел отпустить их. А, вправду сказать, разве было хоть раз, чтобы умница визирь дал молодому властелину плохой совет?

Не в правилах монархов извиняться перед подданными, но наградить их за верную службу без ущерба для своего величия может каждый господин. Падишах велел отсыпать мудрецам золота и немало удивился, когда те не взяли. И тут, как всегда, ему на помощь пришёл верный и пронцательный визирь.

– Похоже, вам придётся ещё многому научиться, – вполголоса обратился сановник к падишаху. – Не обижайте их золотом, ваше величество, а лучше попросите-ка совета.

Государь просил мудрецов навещать его и не отказывать в умном совете. Услышав это, странники просветлели лицами и обещали помогать правителю, чем смогут, при условии, что тот будет внимать правде со спокойствием и рассудительностью.

С того дня полуденные часы падишаха больше не таили тоски пресыщения, ибо он теперь больше размышлял о подданных, о благоустройстве страны. И преуспел, ведь для этого у него было всё, что нужно: стремление, добрые наставники и сила молодости.

Михаил
МУЛЛИН

ПОЧЕМУ НОСРОГ НЕ ЖИВЁТ В ХВАЛЫНСКЕ

ВОРОБЕЙ-МОРЖ

Лишь уменьшилась в городе стужа,
Чуть асфальт обнажился – и что ж?
Воробьишка купается в луже,
Как великий спортсмен или морж!
Чтоб здоровым стать зимней порою,
Ледяная водица нужна.
Ну и как же такому герою
Не насыпать в кормушку пшена?

КУКЛА ДУНЯ

Имя дал мне очень умный
И хороший человек:
Та, кого назвали Дуней,
Станет счастлива навек.

Пусть секрет мой все узнают –
Я про то хочу сказать,
Что я – Кукла Заводная
И умею танцевать!

И хоть, вроде бы, простая,
Но имейте-ка в виду:
Я такая заводная,
Что и вас всех заведу.

-
- Михаил Семёнович Муллин (1946–2020) родился в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт. Публиковался в журналах «Наш современник», «Литературная учёба», «Волга», «Волга–XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша», «Великоросс» и др. Автор книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами», «Необыкновенные приключения капитана Бывалова и юнги Шмидта». Член Союза журналистов России и Союза писателей России.

ЗАЯЦ

Мамы, папы, дяди, тёти,
Поскорей узнайте-ка:
Никогда вы не найдёте
Зверя лучше Зайчика!

Чем хорош в природе Заяц?
Чем он славен на весь лес?
Никого он не кусает,
Никаких зверей не ест!

Ну, возьмёт морковку с грядок –
Не велик, пожалуй, грех.
Но зато приносит радость
Детям он быстрее всех.

Если ж Заяц ваш – игрушка,
Он не хуже, потому что,
Пусть он сшит и собран,
Но... такой же добрый!

Даже если он порвётся,
Он хорошим остаётся.

Взяв иглу, напёрсток, нить,
За минуту или пять
Ты можешь Зайца починить –
И всю жизнь играть опять!

НОСОРОГ ИЗ ХВАЛЫНСКА

Жил в Хвалынске Носорог.
Он очень не любил сорок.
Отчего, никто не знает,
Но терпеть он их не мог.
– Глянь, – кричал, – трещат опять!
Не дают весь день поспать!
Надо мне летать учиться,
Чтоб за хвост их оттрепать!
Но прошёл немалый срок,
Наказать сорок не смог,
Ведь летать не научился
Толстокожий Носорог.
– Да они же пять минут
Отдохнуть мне не дают!
Взял – и в Африку уехал,
Где сороки не живут.

ЛАКИ

Лучше клички для собаки
 Не найти, чем кличка «Лаки».
 Да к тому же нет собаки
 В целом мире лучше Лаки.
 Честно сообщила это
 Мне хозяйка Лаки – Света.

Это, думаю, не враки –
 С ней согласны я и Лаки.

ВЫДРЁНОК КАК-ТО ВЛЕЗ В ВЕДРО...

Выдрёнок как-то влез в ведро.
 И это было не мудро.
 И даже мама Выдра
 Его хотела выдрать.
 Бобр возразил категорично:
 – Но это непедagogично!
 А Выдра быть должна мудра –
 И указать причину,
 Понятную для сына...
 Чтоб... выбрался он из ведра!
 И должен я ещё сказать:
 Выдрёнка можно наказать.
 Но наказать положено...
 Дать рыбку и мороженого!

КТО СТРАШНЕЕ ВСЕХ

Кто страшнее всех в саванне,
 Это ясно и без слов –
 Поглядите, впрочем, сами:
 КОМАРЫ кусают ЛЬВОВ!
 Львы комаров при этом не кусают
 И, хвост поджав, от комаров сбегают.

КАК УСТРОЕН СВЕТЛЯЧОК

Внутри у Светлячка – химический завод –
 Реакцией наружу свет даёт.
 По мнению всяких знающих наук,
 Сам Светлячок – и лампочка, и жук.

СКОРПИОН

Назван правильно, бесспорно,
 Был когда-то Скропион:
 Скор... должно быть, очень скорый,
 Ну и в чём-то чемпион.
 В чём, я вам хочу сказать:

ЛИСТЬЯ ДЕРЕВЬЕВ

Майские листья на веточках – чудо:
С радости добрыми делались люди.
Осенью листья как будто горели,
Люди смотрели на них и добрели!
– Что ж вы на землю летите, листочки?
– Людей удобряли, удобрим и почву!

ТРИ ИСТОРИИ ПРО КОТА

БИЗЕС-ПРОЕКТ

Я котёнка себе покупал –
И удачно вложил капитал.
Я пятьсот рублей отдал, а он
Принёс радости на миллион!

И мне он, думаю я, рад –
Кот Поль с фамилией Пират.
Знаю я, знают папа и мама:
Из пиратов он ласковый самый!

КОТ ПОЛЬ ПИРАТ

Даже и бывая в школе,
Я довольно часто рад
Вспоминать котёнка Поля
По фамилии Пират.
Красотой он не обижен
И характером не чёрств.
Он каштановый и рыжий,
Персиковый, хоть не перс!
Поль Пират мне очень нужен.
И понятно сразу всем:
Мастью – как огонь снаружи,
А внутри – огонь совсем.
Он играть и прыгать хочет,
Лишь позвать его изволь.
Хоть Пират, но добрый очень
Замечательный мой Поль.
Поль Пират со мной играет,
Всё на свете понимает.
Знает точно он без слов,
Что я Миша Журавлёв.

Я ПОЗДОРОВАЛСЯ С КОТОМ

Я поздоровался с Котом.
А Кот сказал: «Придёшь потом!
Пока сосиску доедаю,
Я никого не принимаю».

Михаил
МУЛЛИН

РЕБЯТА-СНЕГИРЯТА

РАССКАЗЫ С ЭПИЛОГАМИ

В одной замечательной семье детей было четверо. Младшие – Даша и Макар (или, может быть, Макар и Даша?) – были двойняшками, и было им немногим больше трёх лет. Разумеется, каждому.

Были они белокурыми, с большими синими глазами, а щёки у детей во время игр или прогулок на лёгком морозе становились розовыми, как яблочки. Между собою Даша и Макар были очень дружны, как и полагается двойняшкам. Поведением отличались хорошим. И по причине всех этих качеств взрослые люди просто любовались ими при первой встрече и говорили их родителям:

– Ну, у вас просто не дети, а ангелята!

А ещё Макар и Даша были на редкость активными, и с ними постоянно происходили очень интересные и даже необыкновенные истории. А фамилия у всех детей этой семьи, как и у их родителей, была «птичья» – Снегиревские. Поэтому двойняшек (и только их из всех детей семьи) заочно называли общим именем – Ребята-Снегирята или просто Снегирята. Впрочем, они ведь и внешне походили на замечательных и красивых птичек снегирей – тоже белые с розовым.

Некоторые из историй, приключившихся, или, точнее, устроенных самими Снегирятами, я и хочу сейчас рассказать.

Только вот с тех пор, когда всё это случилось, прошло некоторое время – и в жизни моих героев произошли поучительные перемены. И чтобы сообщить о них, мне к каждому из рассказов пришлось добавить... ЭПИЛОГ.

ЧАШЕЧКА

Однажды Снегирят навестила их мудрая бабушка. Она обняла двойняшек и сказала:

– Здравствуйте, мои ангелята!

Она так называла внучат всякий раз, когда с ними здоровалась или расставалась.

А когда стол накрыли для чаепития, очень умная бабушка заметила, что чашки у всех совершенно одинаковые.

– Из таких «взрослых» чашек детям чай пить неудобно, – сказала она.

– Так ведь они же из цельного сервиза! – возразила мама двойняшек-Снегирият. – Надо же у детей с младенчества вкус развивать!

– Вкус у них пусть формируется из созерцания чайника, тарелочек и **ваших** чашек. А для маленьких Макара и Даши (или, может быть, Даши и Макара!) эти чашки тяжеловаты. С такими и чай легко пролить можно, и обжечься – потому что чай в них долго не остывает. Я вам, – обратилась бабушка к младшим внукам, – может быть, прямо завтра другие принесу – персональные!

Слово «персональные» звучало завораживающе, и дети-двойняшки целый день и ещё вторые полдня с нетерпением ждали, когда придёт бабушка.

И она пришла, потому что никогда никого не обманывала. И тогда Даша и Макар увидели, что такое «персональные». Оказалось, что это чашечки немного меньше, чем у всех остальных, и редкой красоты: сразу синие, красные, чёрные и золотые! Причём синими на персональных чашечках были цветы.

– Это барвинок, – пояснила бабушка.

Красными с чёрным были (прямо как живые!) бабочки, а золотыми – пчёлы, несущие в ведёрках мёд. Всем ясно, что с ними чай будет куда слаще! А ещё персональные чашечки были кое-где белыми. А ручки у них были завитыми, фиолетовыми и большими – удобно не двумя пальчиками брать, а всеми сразу!

И стало сразу же понятно, что чай в этих чашечках будет не только слаще, но и ароматнее!

Но до чаепития персональные чашечки поставили на низенький – для детских игр предназначенный – столик.

Ребята-Снегирията замороженно смотрели на подаренные чашечки, даже не смея пока брать их в руки. Чашки были совершенно одинаковыми – ну ничем не отличались друг от друга.

– Это чтобы никто из вас не мог позавидовать другому, – объяснила бабушка, – и чтобы вы видели, что я вас совершенно одинаково люблю.

– Вы пока чашечки не троньте, – посоветовала мама. – Их же, перед тем как чай налить, под краном промыть требуется и кипятком обдать!

И совершенно одинаковые персональные чашечки стояли на краешке столика. И красивы они были настолько, что Даше и Макару захотелось попрыгать от радости. Они одновременно (на то и двойняшки!) и начали прыгать. А столик вдруг тоже почему-то (наверное, также от радости) начал прыгать и качаться – и одна из прекрасных чашечек соскользнула со столика, упала на пол – и разлетелась на кусочки.

– Макар! – обеспокоенно вскрикнула Даша. – А **твоя** чашечка разбилась!

– На много кусков! – расстроился Макар. – Теперь её не склеить... Прямо вдребезги...

А бабушка с любопытством посмотрела на внучку Дашу, как будто увидела её первый раз.

ЭПИЛОГ

На этом рассказ, конечно, можно бы и закончить. Ведь главное событие здесь уже произошло. Можно бы закончить, если бы не умная бабушка. А она вдруг возразила Макару.

– Ну, не на много кусков, – сказала бабушка, любившая во всём точность, – не вдребезги, а ровно на четыре осколка, не считая маленького, пятого.

И бабушка ещё раз с любопытством посмотрела на внучку Дашу, как будто увидела её первый раз.

А потом взглянула на опечаленного внука и повторила:

– Я принесла две абсолютно одинаковые чашечки, чтобы никому из вас не могло показаться, что другому чашечка досталась лучше... Но, на самом деле, я ведь сначала купила **две разные** чашки. Но потом догадалась спросить у продавца: а нет ли ещё одной, чтобы была неотличима от одной из купленных. И мне нашли **третью** – такую, как я хотела. Вот вам скомплектовала – и принесла одинаковые, а одну, отличающуюся, я дома поставила в сервант. Она, пожалуй, гораздо красивее этих двух. Потому что на ней, кроме цветочка, пчёлки и бабочки, есть ещё **КОЕ-ЧТО** – внутри чашечки изображена Золотая Рыбка! Очень жаль, что такой в магазине больше не нашлось! И вот, раз уж Макару сегодня так не повезло, придётся **эту** чашечку подарить именно ему.

– И она тоже будет персональной? – заволновался Макар.

– На этот раз уж точно персональной! – заверила бабушка.

А прощаясь перед уходом, бабушка сказала:

– До свидания, мои дорогие... – Тут бабушка на секунду засомневалась, каким словом назвать любимых внуков, и всё-таки произнесла: – Мои любимые... ангелята!

КАК ВЫБИРАЮТ ПРОФЕССИЮ, ИЛИ «НАМ НЕУДАЧНО ПОВЕЗЛО»

Как-то дня на три двойняшки Ребята-Снегирята были разлучены: в гостях у бабушки Даша начала кашлять, и её не рискнули домой по морозу везти. Так она и осталась в гостях, хотя кашель у неё оказался непродолжительным. А Макара, чтобы он инфекцию от сестры не получил, домой отвезли.

Макару дома без сестры и единомышленницы стало грустно. А на другой день стало и ещё скучнее – впервые в детский сад повезли одного, а сами подумайте, можно ли ему в детском садике без выдумщицы Даши быть?

Однако когда доставили мальчика к двери детсада, вышла навстречу воспитательница и сказала:

– Извините, не смогли вас предупредить, но детсад на три дня закрывается по техническим причинам – отопление забарахлило. Очень всё сложилось неудачно.

И папа взял Макара с собой на работу – в редакцию газеты.

– Ничего не поделаешь, придётся тебе, Макар, – сказал он сыну, – сегодня часа три журналистом поработать. А в обеденный перерыв я тебя домой отвезу – к тому времени мама лекции студентам читать закончит. Стало быть, тобой сможет заняться.

В кабинете на девятом этаже обрадованный большим доверием Макар сказал:

– Я, конечно, готов до обеда поработать журналистом. И даже с превеликим удовольствием, но что надо делать-то?

– Работа журналиста сложная, трудная и требует большой выдержки, – ответил папа. – Вот, например, я тебе сейчас книжку с картинками дам – ты внимательно изучишь её, а потом выразишь своё мнение о ней. А если тебе картинки не понравятся, ты их можешь отредактировать – перекрасить в другой, правильный цвет или что-нибудь сам пририсовать к ним. Или вот

ещё... Журналист должен жизнь изучать. Так вот, подойди к окну и внимательно смотри на улицу, как будто там кино. Наблюдай, а потом расскажешь обо всём увиденном... маме и Даше. А главное – настоящий журналист не должен никому мешать, то есть не задавать мне вопросов. А если кто-то войдёт и тебя о чём-нибудь спросит, то отвечай – у журналистов это называется «давать интервью». А потом сам их можешь о чём-то спросить – это называется «брать интервью».

И ответственный Макар прекрасно справился с заданием: он просмотрел выданную ему книжку, перекрасил на свой вкус картинки в ней, долго и внимательно изучал жизнь, глядя на неё через окно. А после блестяще дал несколько интервью и сам у многих взял.

Знаю это точно, потому что в этот день я сам заглянул в кабинет папы Макара – и тоже взял у мальчика интервью.

– Макар, – обрадованно спросил я, – ты сегодня работаешь журналистом?

– Приходится, – ответил он, – мне нравится эта работа – не то что одному без Даши в садике скучать.

– А кстати, – спросил я, – почему ты сейчас не в садике? Прогуливаешь? Впрочем, это ничего – признаюсь тебе: я ведь и сам детский садик заочно окончил...

– И ничего я не прогуливаю! – пояснил Макар. – Мы с папой честно пришли в садик, но он закрыт... по техническим причинам. Так что нам просто очень неудачно повезло!

ЭПИЛОГ

К этому стоит добавить, что потом и Макар неплохо взял у меня интервью. А главное – работа журналиста ему так понравилась, что, когда вырос, он не только выучился на журналиста, но и сам стал преподавать и учить студентов на журналистов.

«ДОЦЕНТ» ДАША

Однажды к Снегиревским зашла соседка – выдающийся врач. Прямо с порога она сказала Дашиной и Макаровой маме:

– Я пришла к тебе не как к соседке, а как к доценту. Сынок меня озадачил вопросом, а я и не знаю, что ему сказать. Раз ты – учёный, то растолкуй-ка мне, как правильно сказать и написать по-русски: «много носков» или «много носок»? И «много чулок» или «много чулков»? Я что-то с этим совсем запуталась!

– Я вообще-то доцент и учёный по французской литературе. Но русский язык тоже знаю.

И мама легко всё объяснила соседке-врачу, и та, очень довольная, ушла домой, в соседнюю квартиру.

Даша после этого, конечно, очень загордилась маминими познаниями. Но больше всего её поразило новое для неё, загадочное и очень-очень красивое слово «доцент».

Восхищённая словом и мамой, Даша вошла в комнату к папе и с некоторым сомнением и опасением спросила:

– Папа, а наша мама – доцент?

– Доцент, – подтвердил папа.

Тогда ещё более зауважавшая маму Даша убеждённо сказала:
– Я – тоже доцент! – И, заложив руки за спину, крутанулась на одной ножке, как циркуль.

ЭПИЛОГ

Даша, конечно, немного поторопилась присвоить себе это красивое звание, но... по знаниям языков маму она со временем превзошла. И теперь даже работает «на иностранном языке». И точно знает, что по-русски писать культурному человеку следует: «много носков», но «много чулок».

ЧТО В ГОЛОВЕ У МАКАРА

Снегирятам очень повезло со старшими. Слушая разговоры бабушки-профессора, учёной мамы, папы-журналиста, они к трём годам накопили очень большой запас слов, в том числе и таких умных, которые не каждый и к пятому классу гимназии узнает. Даша и Макар пользовались умными словами очень охотно и удивительно к месту. По крайней мере, им так казалось.

Старшие брат Максим и сестра Тата, по справедливости, тоже были для Снегирят большими авторитетами. Особенно Максим, который знал и умел, наверное, всё на свете. Но особым уважением он пользовался у Макара и Даши потому, что у него был магнитофон и свои (то есть больше ничьи) кассеты с записанной музыкой. Умение старшего брата вставлять кассеты в магнитофон и включать замечательные песни Дашу и Макара восхищало, пожалуй, больше, чем все его остальные достоинства, тем более что самим Ребятам-Снегирятам брать кассеты в руки категорически запрещалось.

И вот однажды Максим включил магнитофон, а папа взялся кормить Дашу и Макара обедом. Им предстояло посетить музей – поэтому с обедом папа детей торопил.

Даша в этот день была на редкость организованной, аккуратной и ответственной, поэтому она пообедала быстро. А вот Макар, очарованный прекрасной музыкой, доносившейся из комнаты Максима, то мечтательно смотрел в потолок, то крутил головой – и еда у него шла медленно. Это возмущало сознательную Дашу и папу. Чтобы «ускорить процесс приёма пищи», папа взял рассеянного Макара на колени и начал уговаривать сына есть быстрее. Он даже и аргумент для убеждения нашёл:

– Ешь скорее, Макар, тогда скорее и большим станешь!

Тут Даше стало ещё досаднее на брата смотреть, потому что не её, а именно Макара папа посадил на колени. Она задумалась, как бы «уесть» братца. И придумала. Папино «большим станешь» показалось ей удачной подсказкой – и она, зная, что бывает у больших, сказала:

– Да, он станет большим – и у него будут дети!

В ответ на это утверждение-предсказание Макар, взглянув с папиных колен на сестру как на полного несмышлёныша, ничего не понимающего в жизни, с чувством превосходства произнёс:

– Подумаешь, дети! У меня кассеты будут, как у Максима!

Однако Даша допустить очевидной победы брата в дискуссии, конечно, не могла и потому, вспомнив, какими именно словами бабушка недавно отчитала Максима, убеждённо сказала и о Макаре:

– Кассеты, кассеты... В голове одни глупости и претензии!

ЭПИЛОГ

Даша как в воду глядела. Когда Макар Снегиревский стал большим, у него действительно появилась дочка, которую назвали сказочным именем – Алиса. Но вот в голове у него оказалось много ума – и он даже стал учёным. Только вот кассеты у него не появились – к этому времени вместо них стали использовать ауди- и видеодиски.

ЧЕГО СТОИТ ВОСПИТАННОСТЬ

У Макаровой и Дашиной бабушки случился такой особый день рождения, который называется «юбилей». Тут стоит признать, что, при всей их развитости и знании множества необыкновенно умных слов, трёхлетние Снегирята понять, что такое юбилей, всё-таки не могли. Потому что ведь до сих пор у всех случались только дни рождения, но ни у них, ни у Таты и Максима, ни у мамы с папой юбилеев ни разу не было. И вот тебе, пожалуйста, – у бабушки юбилей!

А тут ещё выяснилось, что юбилей её придётся праздновать не дома, а в каком-то университете, на кафедре. И выяснилось, что на эту кафедру совершенно необходимо прийти и им – внукам, точнее, внуку и внучке.

Одели Ребят-Снегирят ну очень-очень нарядно, как никогда, и папа, взяв их за ручки, повёл в университет, на кафедру.

И надо сказать, что вся кафедра потом с восхищением говорила папе (в присутствии Даши и Макара):

– У вас же удивительно воспитанные дети!

– Такие маленькие, а так правильно себя ведут! Будто дипломатический вуз окончили. И манеры у этих крох-ангелыт тонкие.

– Даже вот и далеко не все студенты наши умеют так держаться в обществе!

На что папа, тяжело вздохнув, будто тяжёлый воз в гору сам без коня втащил, сказал:

– Если бы *они* знали, чего мне это стоило!

Это «они» (работники кафедры) объяснялось тем, что папа Ребят-Снегирят говорил это не бабушкиным коллегам, а... мне, описывающему события.

– Ну, а чего это тебе стоило? – поинтересовался я, воспользовавшись тем, что ни Макара, ни Даши рядом уже не было.

– Я взял их за руки, – продолжил папа, – и всю дорогу наставлял, как они должны себя вести. Во-первых, строго-престрого предупредил: когда придём на кафедру, к бабушке ни в коем случае не бежать, на шею к ней не бросаться и с ней не обниматься! Подходить медленно и с достоинством. Во-вторых, поздороваться надо словами сразу со всеми. Никому рук своих первыми не тянуть, а только тогда, когда кто-то вам руку протянет! Поняли?

– Поняли, – тяжело и одновременно вздохнули двойняшки.

– В-третьих, любые угощения с общих тарелок руками не хватать, а ждать, когда вам кто-то что-нибудь предложит.

После такого требования Макар и Даша очень сильно напряглись.

– И вообще, – продолжил папа, – предупреждаю: конфет и пирожных есть надо мало...

И тут Даша остановилась и заявила:

– Тогда я туда вообще не пойду!

ЭПИЛОГ

Папе, конечно, удалось уговорить Дашу и Макара, уже готового подержать намерение сестры, продолжить путь. Но для этого ему пришлось сказать детям, что прийти их очень просила лично сама бабушка, потому что без них какой же может быть юбилей? Это же получится не юбилей, а какое-то недоразумение! И для ещё большей убедительности добавил:

– А вот представьте, что когда-нибудь у вас случится юбилей, а кто-нибудь на него не придёт... Это же очень обидно!

И, как мы уже знаем, Ребята-Снегирята своей воспитанностью, поведением и манерами восхитили всех бабушкиных коллег.

Думаю, что, когда у них наступит юбилей, к ним обязательно придёт много-много гостей.

КОНФЕТА

Напомню, что у маленьких двойняшек были ещё старшая сестра Тата и ещё более старший брат Максим. И вот у старшей (а точнее, средней) сестры Снегирят приближался день рождения, ей исполнялось пять лет – очень много, по мнению Макара и Даши, уважавших умную и образованную Тату.

А тётя Ира по секрету от Таты сообщила её родителям, что намерена подарить имениннице необыкновенно красивую («настоящую»!) немецкую фарфоровую куклу, изготовленную мастерами девятнадцатого века, с голубыми глазами, пышными, волнистыми, бело-золотыми волосами, в замечательных туфельках, в роскошном праздничном платье с большим красным бантом. Что это не какая-то пластмасса, а произведение искусства позапрошлого века! И что красавицу куклу она принесёт завтра – прямо на день рождения.

А сегодня тётя Ира уже принесла для Таты необыкновенную же... конфету – таких конфетич Снегирята вообще никогда не видели. Эта конфета, во-первых, немислимого вкуса, а во-вторых, необыкновенно длинная – вот если бы её, как палочку, поставить рядом с Дашиной ножкой, то она бы была высотой почти до Дашиного колена!

Однако конфету, конечно и к сожалению, никто рядом с Дашей или Макаром ставить не собирался, но длина её поражала воображение Снегирята.

И вот эту чудо-конфету тётя Ира принесла накануне Татиного дня рождения и на глазах восхищённых двойняшек положила в гостиную на шкаф. Не в шкаф, а именно на шкаф – так, чтобы Тата случайно её не увидела «раньше времени»!

– Вот завтра я её неожиданно, как фокусник, достану и вручу Таточке! – заговорщицки пообещала тётя Ира. И, обратившись к двойняшкам, попросила: – Только, чур, вы Тате об этом ни слова! Пусть для неё сюрприз будет! – И тут тётя Ира лукаво им подмигнула: – Обещаете хранить тайну?

– Клянёмся! – синхронно, то есть одновременно (на то и близняшки!) пообещали Макар и Даша.

Однако прекрасный разговор тётя Иры удался не совсем. Потому что в замечательной семье Снегиревских неожиданно возник и другой разговор...

Через час все «взрослые», включая и будущую именинницу, не подозревавшую, какое счастье её ждёт завтра, отправились за покупками для предстоящего праздничного стола. А Снегирят уложили спать, «потому что маленьким детям днём обязательно полагается поспать, чтобы вырасти боль-

шими». Но, сами подумайте, дорогие читатели, разве можно заснуть, узнав о столь необыкновенных вещах, а одно чудо даже увидев собственными глазами?!

Лёжа в своей кроватке, Макар громко прошептал:

– Представляешь, Даша, какая красивая кукла завтра появится у Таты?

– Представляю! – вздохнула в своей кроватке заранее восхищённая сестра. – Вот мне бы такую!

– Когда тебе исполнится пять лет, – успокоил сестру Макар, – тебе такую же подарят.

– Пять лет! – возмутилась Даша. – Это же ещё дожить надо! Но, может быть, Тата и позволит мне эту куклу в руках подержать...

– Не позволит, – возразил Макар.

– Думаю, позволит, – мечтательно произнесла Даша. – Тата добрая.

– Нет, – ответил Макар, – хоть и добрая, не разрешит. Потому что ты ещё маленькая и можешь нечаянно уронить фарфоровую куклу и разбить, как ты недавно разбила мою фарфоровую чашку...

– Не я! – возмутилась Даша. – **Твоя** чашечка **сама** разбилась! Упала со стола и разлетелась на четыре осколка, не считая маленького, пятого.

– Но ты же видела это и могла бы её поймать!

– Не могла – чашечка слишком быстро падала.

Немного помолчали, а потом Даша подумала вслух:

– А сладкая, должно быть, конфета, которую тётя Ира Тате принесла...

– Лучше мёда! – тоном знатока, много раз пробовавшего такие, подтвердил Макар.

– И о-о-очень большая! – продолжила рассуждать Даша. – Длинная-преддлинная...

– Ага. И нам её даже попробовать не удастся. Потому что не у нас день рождения, а у Таты... Она счастливая...

– Я таких конфет никогда не видела и не пробовала... – пожалела Даша.

– Вот когда нам с тобой будет пять лет, – ответил Макар, – когда нам наступит пять лет каждому, то нам, может быть, тоже подарят такую. А может быть, каждому по такой конфете!

– Она такая длинная, что Тата за один раз её даже и не сможет съесть!

– Она такая длинная, что если от неё, например, немножечко отрезать, то никто даже и не заметит.

– А ведь много отрезать и нельзя – это же не нам подарок!

– Много можно и не отрезать. А только чуть-чуть, чтобы только попробовать. А то до пяти лет мы так и не узнаем её вкуса! А то... до пяти лет, знаешь, как долго ещё ждать?!

– До пяти лет ещё и дожить надо!

– А, наверное, нам с тобой до неё сейчас даже и не дотянуться – конфета-то на самом шкафу лежит, чтобы Тата её раньше времени не обнаружила.

– Нам до неё ни за что не дотянуться! Разве только если к шкафу табуретку пододвинуть...

– Интересно даже узнать: достанем ли мы эту необыкновенную конфету, если ты, Макар, на табуретку вскарабкаешься...

– А почему именно я?

– Потому что ты выше ростом.

Снегирията выбрались из-под своих одеялец, прямо в пижамах вошли в обезлюдившую гостиную и вдвоём подтащили к шкафу табуретку. Потом

Макар взобрался на неё и, подняв обе руки, убедился, что до конфеты он немножко не дотягивается.

– Я тебе сейчас швабру подам, – заботливо предложила Даша, – может, шваброй её можно зацепить...

Макар принял из рук сестры швабру – и оказалось, что с её помощью конфету удалось подкатить к краешку шкафа. А уж дальше она и вообще **сама** упала на пол! Прямо как когда-то Макарова чашечка со столика! Только конфета не разбилась.

Макар с Дашей (или Даша с Макаром?) положили её на стол и долго смотрели на конфетищу как зачарованные. Ведь и обёртка конфеты уже много стоила – была сразу и золотой, и серебряной. И ещё в каких-то голубых и аленьких цветочках, и в клеточку. И была конфета длинной-предлинной, такой, что если от неё совсем чуть-чуть отрезать, то корочка она даже и не станет, и никто-никто ни за что на свете даже не заметит, что от неё что-то отрезали!

– Я начну разворачивать, **чтобы только посмотреть** на саму конфету, – предложила Даша, – а ты, Макар, на всякий случай принеси с кухни нож, которым хлеб режут – вдруг он пригодится...

Золотая и серебряная фольга разворачивалась легко. Конфета в ней лежала длинная-предлинная и толстая, почти как сарделька.

– Как резать будем? – посоветовался Макар.

– С одного конца, – решила Даша.

– Я думаю, – поделился соображениями Макар, – раз уж конфета такая большая, надо мысленно разделить её на три равные части и только одну третью часть отрезать нам – одну на двоих, а целых две неотрезанных оставить одной Тате, ведь она же всё-таки именинница!

Но когда это было сделано, сразу стало видно, что концы конфеты отличаются! Тут уж всякий дурак догадается, что от конфетины отрезали небольшой кусочек! А Тата ведь к тому же умная!

– Чтобы незаметно было, – сообразил Макар, – нужно теперь и с другого конца кусочек отрезать.

– Какой длины?

– Ну... ровно такой же, как и в первый раз, чтобы совсем уж незаметно было. А то с одного конца конфета будет короче! И чтобы нам с тобой ровно поровну было!

– Как хорошо ты додумался, Макар, отрезать с двух концов – так и нам кое-что достанется, и Тате останется немало!

Макар хотел было немедленно угоститься необыкновенным лакомством, но Даша его остановила:

– Сперва нужно конфету назад, на шкаф положить, а то вдруг сейчас **все** домой вернутся, а она не на месте!

– Ну да! – согласился с доводами Макар. – Давай завернём её аккуратно.

Тщательно обёрнутую конфету Макар с табуретки сначала попытался положить на шкаф, но для этого его роста не хватало. Тогда мальчик исхитрился – и забросил подарок для Таты на шкаф – ловко получилось!

А потом Ребята-Снегирята, каждый в своей кровати (а вдруг взрослые вернутся!) под одеялками ели необычайную конфету и обменивались восторгами от её вкуса.

– А вот когда нам будет по пять лет каждому, – сказал Макар, – и нам подарят по такой же конфете, я тогда обязательно угощу Тату.

– И я тоже с нею поделюсь! – щедро согласилась Даша.

И тут они уснули, счастливые и благородные.

И если вы, дорогие читатели, думаете, что потом их разоблачили, увидев вымазанные конфетой щёки и губы, то вы очень сильно ошибаетесь и даже глубоко заблуждаетесь: Ребята-Снегирията очень аккуратные дети и давно научились не пачкаться во время еды, даже и в трудных условиях при отсутствии обеденного стола!

Зато на другой день, в день рождения Таты, перед самым праздничным угощением, с загадочной красивой коробкой, перевязанной алой лентой с большим бантом, пришла тётя Ира. Когда коробку раскрыли, взорам всех предстала настоящая кукла: фарфоровая, с золотыми (а не просто белыми!) волнистыми волосами, в бархатном платье и золотых туфельках. Глаза у куклы были большими и синими. К тому же они закрывались, если куклу укладывали спать. А ещё она говорила: «мама»! Причём по-русски.

Тата не догадалась, а знала, что подарок предназначался ей, и от восхищения одновременно начала аплодировать и прыгать – так ей кукла понравилась!

– Ты эту куклу береги, – предупредила Тату мама. – Это же настоящая кукла, привезена почти из-за трёх морей. Коллекционная она, если поставить в шкаф за стекло – любую комнату украсит! Эту антикварную драгоценность по наследству можно передавать.

Тата обеими руками прижала подарок к груди и начала ходить с ним по гостиной. Потом она увидела восхищённые и обрадованные глаза Даши и сказала:

– Ну, ладно! На – и ты немного поддержи её на руках, только осторожно!

Благодарная и почти счастливая Даша немного погодя вернула куклу Тате и искренне поблагодарила старшую сестру.

– Однако от меня тебе, Тата, – сообщила тётя Ира, – есть ещё один сюрприз. Небольшой, точнее, как раз... большой и сладкий. Ты таких конфет, думаю, никогда не видела и не едала.

Тётя Ира хотела достать со шкафа необыкновенную конфету, но не обнаружила её там.

– Похоже, она дальше от края закатилась.

Тётя Ира встала на табуретку – и тогда достала подарок легко. Ей даже показалось, что **подозрительно легко**.

По достоинству оценив длину сласти, Тата опять обрадовалась так, что захлопала в ладошки.

Конфета торжественно была уложена на стол – перед именинницей, которой и было предложено самостоятельно развернуть красивую фольгу.

Она и развернула...

И тогда все увидели, что длинной была только трубочка обёртки, а в ней находилась конфета... в три раза меньше, чем должна бы быть. Кроме того, обнаружилось, что сохранилась только средняя часть, а с обоих концов конфета была довольно неровно отрезана.

– Да, я действительно никогда не едала **такой** конфеты... – возмущённо и грустно признала Тата.

А тётя Ира глазами пронизательного следователя полиции строго взглянула на двойняшек и голосом, не обещавшим ничего хорошего, спросила:

– Кто это сделал?!

Снегирията, которые в это время стояли возле стола, одновременно (вот что значит – двойняшки!), как два циркуля, на одной ноге повернулись лицом друг к другу и указали друг на друга пальцами.

Тогда к «следователю» тётё Ире присоединился «прокурор-обвинитель» папа.

– Я за вас от стыда готов провалиться сквозь землю, точнее, через все четыре этажа под нашей квартирой и потом сквозь землю! Вы же, получаете, **вступили в преступный сговор** и провернули эту разбойничью операцию! Вы обманули всех, прикинувшись спящими! Мало того, теперь вы, стараясь оправдаться, малодушно валите вину друг на друга! Закладываете, то есть пали до... доносительства. И это мои дети! Я просто даже не знаю, что с вами делать!

ЭПИЛОГ

На этом рассказ про конфету я вполне мог бы закончить, если бы не предусмотрительная тётя Ира. Услышав слова папы Ребят-Снегирят: «Я просто даже не знаю, что с вами делать!» – тётя Ира подхватила:

– Я знаю, что! У меня в сумочке есть ещё одна, запасная, точно такая же конфета – я собиралась сегодня поделить её между Макаром и Дашей. Тогда им бы досталось по половинке. Однако за их позорное и обидное для всей нашей родни поведение я этого не сделаю. Я **всю** конфету отдаю несправедливо обиженной имениннице – ей должен достаться **целый** подарок. И оставшийся отрезок тоже должен принадлежать ей же.

И тут зааплодировали папа с мамой.

– Слава тётё Ире, и да здравствует самый справедливый суд в нашей семье и в мире! – одобрила мама.

Однако в семье Снегиревских победила не Справедливость, а Дружба и Любовь. Когда стали пить чай, совершенно счастливая Тата спросила:

– А могу я тоже кому-нибудь отрезать частичку от своей второй конфеты?

– Твоя конфета – и делай с нею, что хочешь, – разрешила тётя Ира.

Тогда именинница развернула вторую конфету, потом разрешила её на три равные части, среднюю взяла себе, а крайние отдала младшим, брату и сестре.

– Спасибо! – одновременно, дуэтом (вот что значит – двойняшки!) сказали они старшей сестре.

– А когда нам с Дашей исполнится по пять лет каждому, – добавил Макар, – и нам подарят по такой же конфете, я обязательно отрежу тебе, Тата, кусочек!

– И я тоже с тобой тогда поделюсь, – заверила Даша.

– Только вот до пяти лет ещё дожить надо! – произнёс Макар.

Потом именинница и Снегирята захотели поделиться выпавшим счастьем и со взрослыми, однако взрослые, все как один, поблагодарили, но есть длинную конфету почему-то отказались.

В общем, день рождения Таты в семье Снегиревских удался.

**Анастасия
СУКГОЕВА**

СТО КАМУШКОВ РАЗНОГО ЦВЕТА

СТИРКА

Футболка, шорты, майка,
Колготки и носки
Замачивались в бане,
Линяли от тоски.

Но мама постирала,
Развесила их в ряд:
Футболку, шорты, майку –
Как флаги на парад.

Щекочет ветер пятки
Колготкам и носкам.
Я в тазик барабаню.
Шагаю по мосткам.

ХИТРЫЕ РЫБЁШКИ

Река покрыта снегом, льдом.
Зимой в реке темно.
И свет попал рыбёшкам в дом –
Рыбак пробил окно.

Но к лунке не спешат судак,
Плотва и окунёк.
– Ты не обманешь нас, рыбак!
Мы видим твой крючок!

-
- Анастасия Михайловна Сукгоева родилась в 1982 году. Поэт и прозаик, пишет для детей на русском и коми языках. Лауреат VIII Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» в номинации «Литературное творчество для детей: стихи» (2018), литературной премии имени Александра Лужикова (2018). Автор книг стихотворений для детей «Цветущий ёжик» (издание Союза писателей Республики Коми), «Вильыш урпи» («Озорной бельчонок»). Публиковалась в журналах «АРТ», «Радуга», «Чердобряк», «Детское чтение для сердца и разума», «Юность», «Би кинь», «Войвыв кодзув», «Сибирячок» и др. Участница семинара молодых писателей, пишущих для детей, и Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (2019), Всероссийского совещания молодых переводчиков (Республика Коми, 2019). Живёт в г. Сыктывкар Республики Коми.

ЗАЧЕМ БОТИНКАМ ЯЗЫЧОК?

Зачем ботинкам язычок?
Бегут – молчок, стоят – молчок.
Понятно, нужен каблучок –
Я им стучу. А язычок?

Зачем? И всё же, может быть,
Ботинки могут говорить?
И по ночам, когда я сплю,
С носками шепчутся в углу.

ЗОЛОТАЯ БАБУШКА

Есть у бабушки моей
Золотые спицы.
Вяжет ими не носки
И не рукавицы.

Подойдёт она к окну
И раздвинет шторы:
Солнце катится клубком
По небесной горке.

Вместо нитки тянет луч
Бабушка руками –
Петли вяжет из него
Ровными рядами.

Спицы весело стучат,
Слушаясь хозяйку,
И выходят из-под них
Солнечные зайки.

ХОМЯЧЬЯ ЖИЗНЬ

Каждый правильный хомяк
Знает, нужно делать так:

Видишь зёрнышко, и – хватъ,
За щеку. И не жевать!
Да ещё набрать зерна –
Каждая щека полна.

А потом бегом-бегом
Всё нести в хомячий дом.

Главное для хомяка –
Безразмерная щека
И укромный уголок,
Где лежат запасы впрок.

ФОРЕЛЕВОЕ НЕБО

В небе облака летели.
В речке плавали форели.

Две из них, гляди-ка ты,
Выпрыгнули из воды.
Увидали рыбака
И нырнули в... облака.

В речке облака летели.
В небе плавали форели.

ЗИМА СПЕШИТ

Зима спешила, спотыкалась –
Она опаздывала малость.
Зима несла снега и стужу,
Но второпях упала в лужу.
И вместо холода, метели
Снег мокрый падает неделю.
Зима ворчит и шлёт угрозы:
«Вот обсушусь – пришлю морозы!»

ПО УЛИЦАМ ЕХАЛ БОЛЬШОЙ ЧЕМОДАН

Припрятав конфеты в передний карман,
По улицам ехал большой чемодан.
Колёса чуть слышно стучали «тук-тук».
На ручке сидел перламутровый жук.

Кого чемодан по дороге встречал –
Хватал и глотал, по карманам сажал.

И тётю с коляской, и кошку с котом,
И дядю с огромным таким животом,
И школьника с ранцем, и стареньких дам,
И деда с газетой, и дворника – АМ!

А люди кричали: «Пусти, хулиган!»
Царапалась кошка.
Молчал чемодан.
Колёса устало стучали «тук-тук...»
Он к морю спешил.
Он катился на юг.

МОРОЖЕНОЕ

Настроение моё замороженное.
И помочь может только мороженое.
Чтоб растаяло сердце опять,
Порций нужно как минимум пять!

СКОЛЬКО СНЕГА НУЖНО ДЛЯ СЧАСТЬЯ

Затянулись лужи
Ледяною коркой.
Тонким покрывалом
Лёг снежок на горку.
Санки и ледянки
Заскрипели дружно –
Вот как мало снега
Нам для счастья нужно!

ИНДИЙСКИЙ ЧАЙ

Сидим на кухне с бабушкой вдвоём
И с блинчиками чай горячий пьём.
Ворчит бабуля: «Разве это чай?
Да ты блины-то в мёд макай, макай...
Вот раньше собирались гости в дом
И чай индийский пили, «со слоном».

И я представил: гости в доме, смех,
А бабушка за стол сажает всех
И угощает чаем с пирогом.
Но вот огромный слон заходит в дом.
Усаживают гостя на диван:
«Вам чай в ведро налить или в стакан?»

Зима, и воеет ветер за окном,
А дома – тёплый вечер... со слоном.

ЗАГОТОВКИ НА ЗИМУ

Всё лето из зелени и овощей
Готовит бабуля соленья.
Сто банок томатов, огурчиков, щей.
А сверху – сто банок варенья.

Мы будем холодной и белой зимой
Есть ложками яркое лето.
А я привезла из поездки с собой
Сто камушков разного цвета.

Я их собрала на морском берегу,
С ракушками в банку сложила.
Ту баночку я до зимы сберегу,
Чтоб море со мной рядом жило,

И галькой шуршало, и грело волной
Зимою холодной и белой.
Чтоб Чёрное море шепталось со мной,
По-летнему радостно пело.

БОЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ

Моя фантазия больна.
А чем лечить её – не зна...

Писал доклад про кислород,
А получился анекдот.

Быть может, марсианский грипп
К моей фантазии прилип?

А вдруг фантазия заразна
И подходить ко мне опасно?

Сию с фантазией один –
Мы с ней ушли на карантин.

Она диктует мне стихи,
Но вместо рифм – одни «апчхи!»

Читатель этих странных строк,
На всякий случай, съешь чеснок.

МОЛОКО ОБИДЕЛОСЬ

Забытое всеми – ах, как нелегко –
Неделю на кухне стоит молоко.

– Ждать больше не вижу я смысла, –
Вздохнуло. Обиделось. Скисло.

Не выпил никто, не сварил даже кашу!
И вот превратилось оно в простоквашу.

ЛЯГУШКА-ХУДОЖНИЦА

С утра под звуки птичьей трели
Беру я аква-КВА-КВА-рели.
Палитру вычистив от тины,
Пишу преКВАсные КВАртины.

Шмели слетаются к этюдам:
– ПейзаЖЖи ваши – красота!
Пищат комарики: – О, чудо!
Они довольны.
Я сыта.

НЕЯСЫТЬ

Кто держит в страхе воробья,
Крота, и мышь, и муравья?
И от кого вблизи ручья
Лягушкам ночью нет житья?
А чья глазастая семья
Бои́тся выстрела ружья?
Кто в наши прилетел края?
Неясыть ухает:
– Не я!

ПЯТКА ЗАТЕРЯЛАСЬ

Крики, визги, слёзы.
Помогите Нине!
Пятка затерялась
в узенькой штанине.
Заблудилась пятка
в тёмном лабиринте.
Мама, папа, срочно
пяточку найдите!

КОРОВОД

Закружились, побежали –
Замелькали башмаки.
Дроби, дроби, дроби, дроби
Отбивают каблуки.
Руки – крылья. Полетели..
И в ладоши дружно – хлоп!
Всё быстрее и быстрее –
Хоровод-калейдоскоп.

**Александр
ЧЕРВЯКОВ**

КАК Я ГРАБИЛ СНЕГУРОЧКУ

Приключилась эта любопытная история давным-давно, когда мне было пять лет. Точнее, пять лет и одиннадцать месяцев, то есть «уже почти шесть», чем я ну просто ужасно гордился. Потому что почти шесть – это ещё совсем чуть-чуть, и уже будет семь, а в семь лет – это все знают – заканчивается детский сад и уже можно идти в школу, то есть «совсем-совсем большой».

Однажды мама принесла с работы большой хрустящий свёрток из тёмно-коричневой бумаги.

– Это тебе к Новому году! – сказала она.

Скоро Новый год – это мне, конечно же, было известно. Потому что мы в детском саду уже две недели готовились к праздничному утреннику. Стихи, танцы и песенки – само собой разумеется, а ещё на утреннике мы разыгрывали целую сказку, причём мне досталась роль Самого Главного Зайца – того самого Зайца, который торжественно объявляет номера, выполняет поручения Дедушки Мороза и, наконец, спасает Снегурочку из запертого волшебным ключом терема. Роль мы с мамой добросовестно учили каждый вечер, и уже целых два раза я (в тихий час, на зависть всей группе!) репетировал со Снегурочкой – её играла дочка воспитательницы, которая ходила во второй класс и была выше меня на полторы головы.

Что же такое мама могла купить мне для Нового года? Я положил ещё пахнущий морозом свёрток на диван, сел рядом и стал терпеливо ждать, когда она закончит снимать своё пальто и сапоги и пройдёт наконец в комнату. Взяв ножницы, мама аккуратно перерезала тонкий шпагат и развернула бумагу.

– На-ка, примерь! – протянула она мне что-то блестящее и ярко-оранжевое.

Когда я сообразил, что это, чуть не подпрыгнул до потолка от радости и издал боевой клич, который наверняка было слыш-

-
- Александр Станиславович Червяков родился в г. Саратове в 1976 году. Окончил Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Детский писатель, публицист, переводчик, музыкант, автор и исполнитель музыкальных композиций. Как музыкальный журналист публиковался в изданиях «Шоу-Мастер», «Инсталл-Про», DJ Mag, «Архитектурный Альманах», Music. Ведущий автор журнала «Лучик» (г. Москва) – семейного издания для детей и взрослых. Автор более 400 научно-популярных статей об астрономии, математике, музыке, физике, географии, лингвистике, истории, археологии, криптозоологии, книг «Метеорит на выходные», «А у нас на Венере».

но с первого этажа до девятого. Это был карнавальный костюм – настоящий комбинезон космонавта, с шлемом, который украшали огромные серебряные буквы «СССР» и всамделишная антенна с пластмассовым шариком на макушке!

– А как же я буду на Новый год Космонавтом, если я уже Заяц? – спросил я, напрыгавшись и внезапно сообразив, что пощеголять в костюме космонавта на утреннике не получится.

– В детском саду ты будешь Заяц, – ответила мама, – а Космонавтом будешь на другой ёлке, в Доме культуры, понятно? – И протянула мне огромный пригласительный билет. – Ну, что же ты копаешься? Снимай чешки и примеряй костюм!

Сбросив чешки, я начал немножко неуклюже влезать в комбинезон – он был цельный, с руками, ногами, варежками и пришитыми мягкими ботинками, на длинной белой «молнии», которую мама помогла мне застегнуть. Шлем я натянул самостоятельно и с восторгом потрогал антенну, торчащую на голове... Но мама смотрела на меня разочарованно и даже вздохнула:

– Ну вот... А я так надеялась, что будет как раз... Ну когда же ты начнёшь у меня расти, а?

В животе у меня зашевелилось что-то противное. Полный недобрых предчувствий, я подошёл к зеркалу. Увы, меня ждал жестокий удар: чудесный космический комбинезон висел на мне, сминаясь в огромные складки, как старый пиджак на огородном пугале. Костюм был мне велик!

Я даже немножко захныкал от огорчения.

– Мама, – наконец сказал я, – а давай ты мне на завтрак будешь давать две тарелки каши каждый день. Может, тогда я успею подрасти до Нового года?

Мама только развела руками:

– Каши мне совсем не жалко, но вот подрасти тебе придётся основательно. Думаю, на следующий Новый год этот комбинезон уже будет тебе как раз, а пока...

С надеждой я спросил:

– А у продавщицы в магазине нет такого же космического костюма, только поменьше?

Мама вздохнула:

– Боюсь, что нет. Я за этим-то простояла в очереди два часа, и то успела купить, потому что мне знакомая позвонила на работу, и я отпросилась пораньше... Но ты не расстраивайся: большой – не маленький, капельку подрастёшь – и будешь носить. А на ёлку пойдёшь в костюме Зайца, который я тебе к утреннику шью!

Расстроился я ну просто очень. Костюм Зайца в те годы был своего рода мальчишеской детсадовской «униформой» на новогодний праздник: к обычной парадной одежде шилась шапочка с длинными ушами, к шортам сзади пришивался или цеплялся булавкой маленький ватный хвост – и все дела, дешево и сердито. Так что часто вообще все мальчики в группе были наряжены «зайцами», а девочки тоже одинаково – «снежинками». Я и в младшей группе на Новый год был одет Зайцем, и в средней, теперь вот уже – в старшей... И снова Зайчик, ну сколько же можно! Мысль о том, что чудесный, крутой, потрясный оранжевый космический скафандр с шлемом останется на целый год лежать в шкафу, была невыносимой. Ещё хуже была другая мысль: а вдруг какая-нибудь мама тоже успела купить такой скафандр своему ребёнку, а он уже подрос? И на ёлке в Доме культуры я увижу другого мальчишку в этом самом костюме и умру от зависти? Но деваться было некуда.

Поскольку в детсадовской постановке я был не просто Заяц, а Самый Главный Заяц, то и костюм мама решила сделать не дежурный, а такой, чтобы наряднее ни у кого в группе не было. Совершенно новые белые сандалии, белые шорты, белая рубашка с широким, тоже белым да ещё и украшенным кружевами воротником, всенепременные детсадовские колготы на ногах были тоже белыми и новыми. Даже хвостик к шортам мама сшила специально, и не из ваты, а из самого настоящего меха, такой невозможно было нечаянно обронить или потерять. Завершала наряд неизменная шапочка с длинными ушками – короче говоря, Заяц был ну просто до неприличия парадный и праздничный.

Наступил день ёлки. Оранжевый скафандр остался лежать в шкафу, а в Дом культуры я отправился в белом заячьем костюме. Кстати говоря, утренник в детском саду прошёл на ура, все свои стихи в духе «ну-ка, зайки, попляшите, свои лапки покажите», «я бегу-бегу-бегу, Дед-Морозу помогу!» и «надо ключик мне найти да к замочку подойти» я выучил без запинки, сорвал заслуженную порцию аплодисментов от родителей-воспитателей и, конечно же, получил подарок – маленький пластмассовый зелёный танк и бумажный пакет, в котором лежали шоколадный батончик и два мандарина.

К слову о мандаринах. В свои без пяти минут шесть я ещё не очень хорошо разбирался в том, откуда берутся подарки, однако уже хорошо знал, что Дед Мороз бывает разный. Скажем, на новогоднем утреннике в детском садике дедушкиного волшебства хватало в лучшем случае на одну маленькую шоколадку или горсть конфет, а вот на «заводской» ёлке в Доме культуры подарки были намного, намного богаче! Приглашение на такую ёлку у нас, детей, ценилось очень даже высоко – потому что там и ёлка ну просто огромная, как дом, и сказка интересная, и всякие конкурсы с настоящими призами, и подарки – первый сорт. Счастливицам, которым родители могли «достать» пригласительный билет, завидовали, и весьма остро! Потому что непонятно, отчего «домкультурный» Дедушка Мороз был намного могущественнее детсадовского...

Заветным утром мама одела на меня праздничный «зайцевый» костюм, только шапочку с ушками и белые сандалии уложила в сумку отдельно. Тёплые вещи мне было велено надеть поверх, чтобы «не канителиться полчаса в раздевалке», и мы отправились в Дом культуры. Сперва долго шли на остановку троллейбуса, потом долго ехали в троллейбусе, наконец сошли на остановке, где через дорогу сиял обвешанный разноцветными гирляндами гигантский фасад с широченной лестницей. «С наступающим Новым, 1982 годом!» – громко прочитал я вслух надпись над крыльцом.

– Какой у вас мальчик умный! – сказала маме билетёрша. – Такой маленький, а уже читать умеет?

– Он у меня самый умный! Росточком вот только не вышел...

Вообще-то похвалили меня, но мама заулыбалась и обрадовалась так, будто похвалили её. Такое часто бывает с мамами.

Сперва мы отправились в подвальный этаж, где была огромная, увешанная со всех сторон зеркалами раздевалка. Детей и родителей была тьма-тьмуца, а сперва даже испугался, что вдруг потеряюсь и заблужусь. Костюмы были самые разные – от привычных «снежинок» и «зайчиков» до экзотических «принцесс», «бабочек», «пиратов» и «мушкетёров». К величайшему моему облегчению, оранжевого костюма Космонавта ни на ком из детей не было! Мне всё равно было немножко досадно: такой суперский костюм остался дома, и не похвастаешь ни перед кем! Но ничего, вот на следую-

щий Новый год я обязательно его надену, вот тогда все ахнут от восхищения и зависти. А пока... ну что ж, пока придётся побыть Зайцем.

Из раздевалки мы отправились на первый этаж, где посреди зала стоял изумительной красоты теремок изо льда и снега. У теремка змеёй вилась длинная очередь, а сидевшая за окошком Снегурочка (настоящая, а не какая-то там второклассница!) выдавала детям пакеты с подарками. Пакеты были ну просто огромными – ну, во всяком случае, как мне тогда казалось – и наверняка тяжёлыми. Я едва дотерпел, пока дошла наша с мамой очередь.

– С наступающим Новым годом! – сказала ласково красавица Снегурочка, протягивая мне из окошка подарок.

Я ухватил его двумя руками так крепко, что даже чуть не забыл сказать «большое спасибо». Но не забыл!

Теперь полагалось идти в зрительный зал и усаживаться на свои места. Пока сказка не началась, в зале стоял многозначительный хруст разрываемой бумаги и шелест фантиков – дети с нетерпением знакомились с содержимым своих подарков. К этой дружно шуршащей компании присоединился и я – пакет казался просто бездонным. Сверху были видны здоровая шоколадка, зелёное яблоко, мандарины, леденцы, засахаренные орехи – но это только сверху, а какие вкусности могут скрываться ещё ниже? Я вытаскивал большую конфету в блестящей обёртке и уже собирался её разворачивать, как меня остановила мама:

– Если хочешь, то сейчас съешь орех или яблоко, а конфеты и шоколад пока не трогай.

– Почему? – разочарованно потянул я.

– Потому что испачкаешь свой красивый костюм! – мама говорила тихо, но таким тоном, что было ясно: спорить бесполезно. – Никуда твои конфеты не убегут, вот вернёмся после ёлки домой, и тогда ешь сколько влезет.

Было немножко обидно, но что поделать? Костюм у меня был действительно снежно-белый, никуда не денешься, а какие чудовищные пятна на белой рубашке и шортах может оставить шоколадка, я знал очень даже хорошо. А в грязном костюме идти водить хоровод и играть с Дедушкой Морозом после сказки решительно никак нельзя! Я печально вздохнул, уложил подарок на колени и стал послушно грызть яблоко.

Началась сказка. Театр в Доме культуры был очень хороший – и костюмы, и актёры, и разные чудеса, которые всегда происходят на сцене, когда вдруг погаснет свет, и тут как зашипит, загрохочет – и из загадочных клубов дыма появляются злющая Баба Яга и её помощник – хитрый и жадный старьёвщик Угрюмус... С одной стороны, я был уже достаточно большим, чтобы понимать, что вся эта сказка – просто спектакль, и что я буквально на днях, на утреннике в детском саду, сам был таким же вот актёром и «спасал» бедную Снегурочку от злодеев. И что «исчезнувшая» Снегурочка только совсем недавно раздавала подарки в фойе. Но, с другой стороны, я ничего не мог с собой поделать – сказка захватывала меня всё сильнее и сильнее, я подскакивал в кресле, хлопал в ладоши, пугался и смеялся вместе с остальными...

Когда сказка наконец закончилась и зажгётся свет, все отправились на второй этаж, туда, где уже стояла огромной высоты ёлка и играла музыка. Всё было хорошо, только после часового спектакля мне ужасно хотелось «кое-куда». «Кое-куда» находилось в подвальном этаже, там же, где и раздевалка, я это хорошо помнил. Отдав маме пакет с подарком, я «на ушко» объяснил ей, куда иду, и побежал вниз по широкой лестнице.

Возвращаясь обратно, я снова проходил через просторный зал на первом этаже. Когда мы только-только пришли, в нём было огромное количе-

ство народу, а сейчас он был совершенно пустой! Ни единой живой души, и даже все праздничные огоньки были выключены, горели только «дежурные» лампы, потому внутри был таинственный, даже чуть жутковатый полумрак. Сверху доносились звуки музыки и галдёж детей – там уже начиналась ёлка; нужно было поторапливаться.

И тут я увидел теремок. Тот самый, из снега и льда, в котором жила Снегурочка! Он так и возвышался посредине гулкого пустого зала, обвешанный мишурой и блестящими снежинками – из-за слабого освещения ещё более таинственный и прекрасный... И тут в моей без пяти минут шестилетней стриженной голове родилась коварная, преступная, хитрая – но очень соблазнительная мысль. Вокруг никого, меня никто не видит – во всём зале только я и Снегурочкин домик. А что внутри домика? Да подарки же, подарки, и наверняка их там целая куча – ведь сколько на ёлку пришло детей, и у Снегурочки хватило на всех! Драгоценные «домкультуровские» подарки – да не один, как тот, который остался у мамы в руках, а много! Сколько я смогу унести? Наверное, целых три или даже четыре...

Я, конечно же, знал, что брать чужое без спросу – это очень плохо. За такое можно запросто загреметь в угол и остаться без мультиков на целый вечер. Но, во-первых, Снегурочка – она же добрая! И Дедушка Мороз тоже добрый. И, во-вторых, у них таких подарков в теремке наверняка полным-полно. Ведь не собираюсь же я утаскивать их все? Рук у меня всё равно только две, а подарки – они вон какие тяжёлые! И потом, я наверняка не съем все конфеты из подарков сам, а ещё и поделюсь со всеми ребятами в детском саду – а делиться это не плохо, а очень даже хорошо. И, может быть, меня даже похвалят! Наверху играла музыка, сияли ёлочные огни, Дедушка Мороз созывал детей вставать в круг и браться за руки, а этажом ниже в полутёмном зале пятилетний «грабитель» в костюме Зайца собирался совершить самое настоящее новогоднее преступление...

Итак, отринув все сомнения, я на цыпочках, так, чтобы никто меня не услышал, подошёл к сказочному теремку и стал искать дверь. Обойдя кругом, я убедился, что двери у него нет – но как же туда попадала Снегурочка? Наверное, по волшебству – последняя мысль окончательно убедила меня в том, что теремок на самом деле настоящий, магический, и подарки в пакетах только и ждут, чтобы их кто-нибудь забрал! Я вернулся к тому самому окошку, из которого Снегурочка раздавала пакеты со сладостями, ухватился руками за подоконник, подпрыгнул как можно выше и полез в соблазнительный сказочный домик. Уже лёжа животом поперёк окна и свесившись внутрь, я забеспокоился. Что-то было совсем не так!

Внутри теремок Снегурочки был тёмный и совершенно пустой. Ни стола, ни стула, ни кровати – ничегошеньки, только голые стены. И пахло в этом теремке совсем не жильём и уж тем более не конфетами – там пахло опилками, паутиной, ватой, картоном, столярным клеем, старой мешковиной. И не было видно никаких шкафчиков или полок, на которых могли бы стоять вожделенные подарки... Наступало горькое прозрение: домик был ненастоящий, почти такой же нарисованный, как у нас в детском садике на утреннике... Я уже хотел разочарованно прыгнуть вниз, но тут моя рубашка зацепилась за шляпку гвоздика, вбитого в сделанный из тонкой деревянной доски подоконник. Я резко и сильно дёрнулся, заболтал ногами – и вся конструкция (а теремок был, оказывается, разборный!) неожиданно зашаталась и с грохотом сложилась поверх меня, как книжка! Я упал вниз и оказался прижатым к полу – стенки были собраны из реек и обшиты тканью, так что придавило меня не сказать чтобы сильно, но выбраться самостоятельно-

но я, увы, не мог! Всё, что мне оставалось, – это громко зареветь, больше от страха, чем от ушиба...

На оглушительный грохот обрушившегося теремка и мой обиженный рёв сбежались все. И билетёрша, и гардеробщица из раздевалки, и Снегурочка, и Дед Мороз, и Баба Яга, и Леший, и коварный Угрюмус, и много-много родителей и детей со второго этажа... Одну за другой взрослые подняли придавившие меня к полу стены бутафорского домика, причём Снегурочка прошептала Лешему:

– Коль! Ну я же просила: сразу убери!

Леший чуть виновато ответил:

– Ну я-то откуда знал?

Дедушка Мороз (от которого вблизи почему-то пахло не морозом, а чем-то неприятным, как иногда пахнет от нашего соседа, когда он в подъезде ругается с женой) поднял меня с пола и поставил на ноги.

– Вроде жив, целёхонек! Товарищи родители, чей ребёнок?

Я продолжал безутешно реветь. Включили свет. Дети начали показывать на меня пальцами и смеяться. Мне было страшно, что сейчас меня начнут ругать, мне было невероятно неловко, на меня взгляли дети и взрослые, а ещё – о Боже, во что превратился мой белый праздничный костюм! После лежания на полу под грудой неструганных реек и пыльной крашеной мешковины цветом он больше всего напоминал грязную тряпку и пах ни капельки не лучше.

– Ну, прекращай уже плакать! – Снегурочка опустила на корточки и осторожно, чтобы не испачкаться, отвела от моих глаз мои же туго сжатые кулачки. – И не растирай грязь по лицу, это вредно! Ну скажи, зачем ты туда полез, а? Как тебя зовут? Где твоя мама?

Мама нашлась очень быстро.

– Ну почему, почему тебя нельзя даже на пять минут куда-то отпустить одного? – возмущённо выговаривала она мне в раздевалке.

Остальные дети и взрослые актёры снова вернулись к ёлке, звуки весёлого хоровода доносились даже до подвального этажа.

– Нет, вы только посмотрите! – мама повернула голову к стоящей рядом старенькой билетёрше, осуждающе покачивающей головой, – во что он превратил новогодний костюм? А воротничок? А сандалии? Ведь совсем новые! Это же сколько мне зашивать-отстирывать теперь! А я ещё хвалилась, что у меня сын самый умный, стыдобища-то какая! Зачем тебя туда понесло, поросёнок-неумывка? – Она снова строго посмотрела на меня и дёрнула за рукав.

А я продолжал тихо плакать и ничего не говорил в ответ. Изнутри меня так и жёг нестерпимый стыд, текли слёзы, горели пламенем уши – мне было жалко маму, которая расстроилась из-за костюма, мне было жалко добрую Снегурочку и Деда Мороза, которым я чуть не испортил праздник. А ещё я понимал, что во всём виноват сам, что я испортил праздник себе самому, что я заслужил самое суровое в мире стояние в углу и что всему причиной стали мои жадность и глупость. И обещал себе, что я никому на свете и никогда не выдам этой тайны, не расскажу о том, как крался на цыпочках по тёмному залу, как мечтал втихаря украсть подарки с конфетами из волшебного теремка и устроить ужасное новогоднее ограбление... Разве что через очень-очень много лет. Когда я вырасту большой. Когда вся эта история совсем забудется, и Снегурочка с Дедом Морозом – не выдуманные, а настоящие! – смогут наконец простить меня.

**Ксения
ЖУКОВА**

ВОТ ТЕБЕ И КЛЮКВА

ПРО ФРУКТА И ТЁМЫЧА

Давно ли Тёмыч познакомился с Фруктом? И вот он уже сидит с ним на лестнице своего дома и ведёт разговоры важные.

– Строгий у тебя папа, наверное, – заявляет Фрукт Тёмычу и вздыхает.

Тёмыч задумывается, строгий ли у него папа? Да вроде нет. Вот пользу ищет везде и во всём. А что касается строгости... Строгие люди любят наказывать. А папа Тёмыча не наказывает. Если Тёмыч провинился в чём-то, папа ведёт с ним долгие и нудные беседы о том, что так поступать нехорошо. Но за ними не следует наказание. Папа считает, что беседа – главный источник воздействия на провинившегося.

– Перевоспитывать таких отцов надо, – вмешивается в суждения Тёмыча Фрукт. – Знаю я таких отцов. Вот у моего кулак – во! – Фрукт суёт под нос Тёмычу замызганный кулачок. – Как врежет, потом сидеть не можешь две недели.

Тёмыч брезгливо отодвигается. Нет, у Тёмыча папа не такой. Фрукт опять своё долдонит:

– Все они не такие. До поры до времени. А пользу он у тебя в чём ищет? У моего как бизнес лопнул, так всё теперь. Мы на цыпочках ходим. Дома такое творится!..

Тёмычу становится неловко. Вот он сидит на грязной лестнице, но ведь в своём доме. И может в любой момент войти в свою квартиру. А Фрукт... Фрукт твёрдо решил уйти из дома. Он рассказал об этом Тёмычу после занятий и попросил разрешения переночевать у него в подъезде.

– У меня батя не всегда строгий был. У нас раньше весело было. Гости приходили. А потом у отца что-то с работой

-
- Ксения Владимировна Жукова – прозаик, драматург. Аспирант Московского городского педагогического института. Окончила Институт журналистики и литературного творчества и Литературный институт им. Горького. Работала журналистом, редактором, сценаристом. Печаталась в «Литературной газете», журналах «Юность», «Гвидеон», «Современная драматургия», «Новое время» и др. Лауреат независимой литературной премии «Дебют». Лауреат (вторая премия) конкурса драматургии «Евразия» (пьеса для детского театра), финалист научно-просветительской премии «Нонконформизм». Финалист «Корнейчуковской премии». Шортлистер многих конкурсов и фестивалей: «Волошинский», «Любимовка» и др. Участник семинаров в Липках, СПМ, семинаров в Химках. Автор книг для подростков «Не до того» (ЛитГост, 2018) и «Шарик» (Кетлеров, 2019). Член союза писателей Москвы.

не заладилось, вот он и стал руки распускать. – Фрукт хлюпнул носом. – И приводить домой никого не разрешает. Ни друзей, ни родственников. Недавно тётя Катя хотела прийти меня проведать, так он её с лестницы спустил и сумку её вслед выкинул. А сумка упала, всё, что внутри было, рассыпалось. И зеркальце ещё разбилось. Перламутровое. Любимое Тётькатино.

Тут уже не только Фрукт, тут уже и Тёмыч начинает хлюпать носом, представляя неведомую тётю Катю, её сумку и перламутровое зеркальце.

– Никого не разрешает приводить. Раньше боялся, что мои друзья сопрут что-то, ну когда у нас денег много было. И не зря боялся. Один одноклассник машину стащил коллекционную. А потом отец не хотел, чтобы кто-то догадался, что у нас в семье кризис и что денег никаких нет. – На этих словах Фрукт перестал хлюпать носом, а, наоборот, как-то подобрался, поднял голову.

Тёмычу было очень грустно, что ему нечем ответить новому другу. Непонятно, как утешить? Хотя...

– Ха, а у меня отец вообще детей ненавидит, – решил Тёмыч. – Я сразу не хотел тебе этого говорить, но мой отец мне прямо так и говорит: «Зачем ты, мальчик, у меня родился». Ещё говорит, что я его крест и что он этот крест нести будет, хотя и сбросить очень хочется. Но он типа благородный такой.

Тёмыч раздухарился, увидя, что Фрукт перестал хлюпать носом совсем и как зачарованный внимает Тёмычу.

– Он типа благородный такой. Забрал меня у матери, говорит, что ей в наказание. И всё такое...

Что «всё такое», Тёмыч ещё не придумал. Ему главное было Фрукта отвлечь, такого же, как и он, второклассника. И, кажется, получилось.

– Как хорошо, что мы с тобой оба новенькими в классе оказались! – радостно воскликнул Фрукт. – Вот ты раньше в каком районе жил? Я – в Северном.

Тёмыч задумался: сказать ли правду или продолжать сочинять дальше? Вот как ловко у него получается. Фрукт уже улыбается. Но тут двери лифта открылись на их этаже, и на лестницу вышел папа, у которого было множество пакетов с покупками. Нет, вот же человек! Другой бы из лифта сразу в квартиру пошёл, а папа почему-то на лестницу отправился. Да и сам Тёмыч явно сплеховал, надо было устраиваться на подоконнике, по крайней мере, этажом ниже или выше. Папа сделал невозмутимое лицо, как будто Тёмыч, его сын, каждый день проводит время на лестнице. А ведь Тёмыч так в первый раз. Потом папа кашлянул и сказал:

– Тёмыч, помоги-ка, поддержи пакеты. Там курица течёт, кажется. Давай зажарим на ужин курицу.

Потом обернулся к Фрукту и продолжил:

– Вы же, несомненно, присоединитесь к нам, молодой человек? Будем соревноваться в поглощении курицы.

«Молодой человек» покраснел, что-то буркнул и побежал вниз по лестнице.

– Ну и фрукт! – присвистнул ему вслед папа. – Тёмыч, это твой новый друг? Чего это он так быстро убежал?

Тёмыч в который раз удивился папиной прозорливости. Вот как он догадался, что Фрукта прозвали Фруктом? Делать было нечего, Фрукт позорно ретировался, а Тёмыч – вот он стоит, пакет в руках держит, чтобы занести его в квартиру, на кухню и положить в мойку для полной разморозки курицы. Вот если бы не этот пакет дурацкий, то Тёмыч непременно догнал бы

Фрукта! Хотя, может, ещё не всё потеряно? Тёмыч покосился на курицу, лежащую на дне мойки, потрогал её даже пальцем – сплошной кусок льда. Не скоро ещё разморозится. Может, он сможет отпроситься погулять?

– Пап, я пойду погуляю во двор, ладно? Тем более что и есть я совсем не хочу, ни капельки, – соврал голодный Тёмыч.

Еда едой, но судьба Фрукта его сейчас волновала сильнее.

– Куда ты? Подожди. Мы сейчас такую курочку сварганим. Под соусом. Чесночным. Я, конечно, не умею готовить, как мама, но... А впрочем, иди погуляй. С товарищами пообщайся. Я понимаю, новый район, новая школа. Всё новое. Новая жизнь. – Было видно, что папа огорчился. – Просто я думал, что мы сегодня вместе поужинаем. Раньше мы всегда ужинали вместе. Так нельзя...

«Ну вот, опять надо папе всё испортить. Это «раньше» уже не будет никогда. Пора уже ему понять. А всё новое – оно как ботинки: надо разносить и превратить в уже старое и привычное», – вот что думал Тёмыч. Но вслух сказал совсем другое:

– Нельзя? А как можно? Я, может, не был готов к переменам. Меня, может, всё устраивало. И всё, что происходило, – тоже. Вот взять Фрукта – у того отец вообще запойный. И что? Он им гордится. Понимаешь? Гордится своим отцом! А ведь тот – мне Фрукт сам рассказывал – в прошлое воскресенье гонялся за всеми домашними с топором в пьяной горячке. Зато у Фрукта по «физре» – пять. И у его сестры из пятого класса – тоже пять. Тем более все остальные дни его отец тихий и спокойный, только гостей не жалуется. Потому что у него бизнес лопнул.

– Тёмыч, – удивился папа, – неужели ты хочешь, чтобы и я за тобой по району с топором бегал? Может, давай лучше по стадиону с утра пораньше круги наматывать? Тогда и у тебя по физкультуре пятёрка выйдет. Я уже предлагал тебе не раз, а ты всё отказывался.

– Я и сейчас откажусь, – разгорячился Тёмыч, – у меня даже костюма нормального спортивного нет. И кроссовок.

– Как это нет? – папа распахнул шкаф. – Вот, всё стоит.

– Но в этом нельзя бегать – только позориться.

Папа сразу сник.

– Тёмыч, мы же с тобой по-мужски договаривались. Мне казалось, что ты меня понял. Что мы с тобой переживаем сейчас временные трудности – временные, понимаешь? Ипотека на нас давит. А зато потом...

– А что – потом?

– А потом мы заживём обязательно!

– Папа, но если хочется жить сейчас, а не потом?

Тёмыч опустился на табуретку. Во двор ему идти расхотелось. Он понял, что время упущено и что Фрукта он теперь не догонит. А если всё же поверить, что Фрукт сбежал из дома, то есть шанс не увидеть его никогда. Также, что ли, из дома сбежать? Тёмыч покосился на папу. Как тот без него, выдержит ли, не пропадёт? Вот чем занимаются нормальные отцы на кухне? Едят. В крайнем случае, готовят. А его папа?

– Пап, ты что сейчас делаешь?

– Я думал, ты не заметишь. Хлебного человечка. Ты, когда был маленький, ну в сад когда ходил, меня всегда просил на завтрак хлебных человечков делать.

– Ну сейчас-то я уже вырос и хожу в школу.

– Привычка, сын, просто привычка. Зато смотри, какой он симпатичный!

Папа протянул Тёмычу кусок хлеба в виде какой-то невнятной фигуры.

– А представь, Тёмыч, вот бы к нам прилетели хлебные люди. Из хлебной планеты.

В дверь позвонили как раз тогда, когда папа ударился в воспоминания. Когда Тёмычу четыре года было, то он этих хлебных человечков всегда супом кормил. Или располагал в тарелке между котлетой и картошкой. Тёмычу было неприятно всё это слушать. Кто в молодости не ошибался? Мало ли что мы можем в детском саду делать? Так что звонок, который прозвучал, можно сказать, был спасительным. А то, кто знает, куда бы завели воспоминания. Взрослые вообще сентиментальные. До чёртиков. Тёмыч с наслаждением открыл банку вишнёвого компота и двумя пальцами выудил оттуда набухшую вишню. Что-то папа долго там возится в прихожей. Тёмычу даже интересно стало, кто же это к ним пожаловал. А вдруг это был Фрукт, который передумал сбежать и решил сходить к Тёмычу в гости? Или инопланетяне папу похитили. Теперь выкуп потребуют. А у них и так ипотека. Тёмыч отодвинул банку, облизал пальцы и вышел в прихожую. Как раз в тот момент, когда какая-то незнакомая старушка говорила папе:

– Ну, значит, мы обо всём договорились. Приятно было познакомиться.

И скрылась за дверью. Вот так номер!

– Это Зинаида Фёдоровна, – ответил на незаданный вопрос папа Тёмычу.

– И что у вас за секреты? Что она продаёт? Картошку? Косметику? Вербует тебя в секту?

– Не слишком ли много вопросов, Тёмыч? – поморщился папа.

А в дверь опять позвонили. И Тёмыч подумал, что не вопросов много, а звонков в их дверь. В дверь их новой квартиры в новом доме, в котором Тёмыч с папой живут уже месяц. И где пока у Тёмыча только один друг – Фрукт из их класса. И вдруг это как раз Фрукт им сейчас звонит?

– Наверное, Зинаида Фёдоровна забыла свои перчатки, – зачем-то сказал Тёмыч, пока папа возился с замками.

Ему так хотелось, чтобы там была не какая-то Зинаида Фёдоровна, а Фрукт, Фрукт собственной персоной!

Но там оказался какой-то субъект в виде печального дяденьки папиного возраста. Субъект без спросу шагнул в прихожую и спросил папу:

– Это ваш сын? Похож на вас. Ну просто вылитый вы! Вылитый.

Тёмыч негодовал.

– Из чего вылитый? Из бронзы? И вы знаете, никакой я не сын. Я вообще этого человека, – Тёмыч показал на папу, – в первый раз вижу. Он меня тут в заложниках держит. Давайте меня отсюда вызволять!

Субъект оторопел и даже отступил на шаг.

А папа хмыкнул и погладил Тёмыча по голове. За девять лет совместного существования вполне можно привыкнуть к шуткам наследника.

– Э, какой странный мальчик, – неуверенно засмеялся Субъект, – он ведь у вас шутит, да?

– А это не мальчик, – серьёзно ответил папа. – Вы присмотритесь, как он светится зелёным светом. Разве мальчикам полагается так светиться? Видите? Нет, вы посмотрите внимательно. Тёмыч, крутанись!

Тёмыч послушно крутанулся. Он знал папину страсть к розыгрышам. Сейчас Субъект, который наверняка собирался продать им очередной товар, сбежит с лестницы. Но Субъект вдруг жалобно стал что-то лепетать, что ему нужен ответственный квартиросъёмщик квартиры номер 18, то есть той, в которой сейчас обитают папа с Тёмычем. Субъект вынул какую-то папку, из папки листок с текстом, достал ручку и стал тыкать папе под нос этой бумагой, что папе надо подписать этот листок.

– Пап, да не подписывай ты там ничего. Вот подпишешь, а потом ему наша ипотека перейдёт. И где мы с тобой жить будем? В Новой Зеландии?

Субъект оторопел: при чём тут Новая Зеландия. Так что папе в который раз пришлось объяснять всем любопытным, что там теперь живёт мама Тёмыча. Со своим новым мужем. Поэтому старую квартиру разделили пополам.

– Пилой, – зачем-то добавил Тёмыч.

И так папа с Тёмычем оказались здесь, в этом районе. Папа стал задумчиво читать бумагу, которую ему подсунул Субъект. Читал и хмурился. И подбородок ещё теребил. Субъект тоже молчал, стоял и ждал.

А Тёмычу надоела пауза:

– А может, вы к нам из органов опеки пришли? Посмотреть, как папа меня воспитывает? Ну так пройдёмте, я продемонстрирую наш холодильник на наличие борща, котлет. А на столе у нас ещё и банка с компотом стоит. Вишнёвым. Вам не предлагаю, а то мне самому мало.

– Тёмыч! – папа вышел из задумчивости. – Ну что ты такое говоришь?

– Нет, вы знаете, я пока не готов подписать эту бумагу, – папа вернул лист Субъекту, – это всё слишком неожиданно. Надо ещё всё взвесить.

– Тогда я приду сегодня вечером. Часов в семь. Когда у вас всё будет взвешено. – Категорично заявил Субъект и направился к лифту.

Тёмыч очень хотел узнать, зачем приходил на самом деле Субъект и что должен был подписать папа. Но листок Субъект забрал с собой. А папа стал говорить что-то невнятное, что дело касается утилизации, что решается вопрос. И что в этом доме проблема лишних вещей и предметов решается голосованием. И тогда вызывается машина, куда складывают предметы для утилизации.

Тёмыч закрыл глаза и представил, что уже вечер. К ним снова пришёл Субъект и говорит, что надо сообща утилизировать объекты из двадцать шестой квартиры. Папа просит ещё раз показать бумагу. Субъект показывает. И настаивает на папиной подписи. Папа подписывает и вздыхает. И потом они все втроём идут к двадцать шестой квартире. И по дороге Тёмыч спрашивает Субъекта, кем он работает, а тот отвечает, что в Службе Всемирной Утилизации. И что их задача – вовремя утилизировать людей, чьё земное время уже истекло. А всё, как известно, имеет свой срок. Тут Субъект начинает внимательно читать листок и говорит, что на самом деле произошла ошибка. Утилизации подлежат жильцы квартиры номер восемнадцать. Тёмыч начинает возражать. А Субъект настаивает и показывает папину подпись – вы же сами подписались в том, что вас надобно утилизировать. Тёмыч открывает глаза. И всё исчезает.

– Папа, а нас точно не утилизируют?

– Тёмыч, какая утилизация? Ты что? Это был наш старший по подъезду. Будем обсуждать всякие вопросы, которые касаются нашего дома.

Тёмычу сразу становится скучно. Папа выгоняет его во двор погулять. Но разве интересно гулять во дворе, где ты никого не знаешь? Хотя именно во дворе он два часа назад и встретил Фрукта. И Фрукт рассказал Тёмычу, что решил сбежать из дома. Кстати, а что Фрукт делал во дворе Тёмыча? Как он там оказался? Вдруг Фрукт живёт где-то рядом? Тёмыч сидел на лавочке и чертил на земле ботинком разные фигуры, ну а что ещё во дворе делать? Там, кроме лавочек, пока ничего нет.

И тут ему почудилось, как во дворе показались двое. Тёмыч даже глаза протёр от изумления – это были Фрукт и старушка Зинаида Фёдоровна. Всё теперь ясно. Фрукт живёт с ним в одном доме. Вот почему они часто пересе-

кались по дороге в новую школу. Их, как новеньких, Фрукта и Тёмыча, даже за одну парту вместе посадили. Только Тёмыч был так поглощён своими проблемами и свалившимся на них с папой переездом, что никак не мог запомнить имя Фрукта. Фрукт себе и Фрукт. В душу к нему Тёмыч лезть не собирается. И вообще, за два месяца учёбы Тёмыч ни с кем так и не стал общаться. Все ребята казались ему чужими и далёкими. Он скучал по своему старому классу. Но папа сказал, что старая школа так далеко, что он не в силах каждое утро тратить два с половиной часа на дорогу. Фрукт завернул за угол, а Зинаида Фёдоровна последовала к третьему подъезду. Так, значит, Фрукт и старушка – знакомы? А вдруг она бабушка Фрукта? Фрукт говорил, что сбежал из дома, так как у него отец потерял бизнес и стал бить его и маму. Так вполне может быть, что у него и бабушка есть. Интересно, её тоже бьют? Она же старенькая совсем. Тёмыч рванул к закрывающейся двери подъезда. Но не успел. Дверь уже закрылась. Зинаида Фёдоровна исчезла. И что теперь делать? Ждать, когда кто-то выйдет из подъезда? Но всё равно Тёмыч же не знает, куда, в какую квартиру пошла Зинаида Фёдоровна. А вот папа наверняка знает.

– Ты грустишь, Тёмыч? – папа встретил его на пороге. – Я знаю, что грустишь. Хочешь, мы завтра поедем в наш старый район? Посмотрим на наш дом?

– Угу... который уже не наш. Ну почему, почему нельзя было нам остаться в старом районе? – Тёмыч не смотрел на папу. – Из-за денег? Потому что мама просила половину?

– Ну, это справедливо. Надо было ей с чем-то ехать в Новую Зеландию. Она же тебя звала туда. И Томас, мамин новый муж, он же был не против.

– А ты, что ты стал бы делать без меня? Неужели ты этого хотел?

Папа грустно улыбнулся и сказал Тёмычу, что он бы стал ждать Тёмыча на каникулы. И делать хлебных человечков. И что профессор Томас – он очень даже неплохой дяденька. Просто так получилось, что мама его полюбила.

– Хороший выбор. В Новой Зеландии с обновлённой мамой и этим профессором, который всё сломал. Или с тобой и хлебными человечками в незнакомом районе.

– Ты, кажется, Тёмыч, хотел что-то другое узнать?

Ну вот, папа уходит от темы в самый важный момент. Впрочем, как и всегда. Но Тёмыч не против поиграть в эту игру. Он рассказывает папе про Фрукта. Как тот сам первый подошёл к нему на перемене и предложил играть вместе. И как их посадили за одну парту. И что другие не хотели с ними сначала общаться, потому что они – новенькие. И как после занятий Фрукт проводил его до подъезда, а потом признался, что сбежал из дома. И это случилось как раз сегодня. А где теперь Фрукт, Тёмыч не знает. Но ему показалось, что он видел его вместе с Зинаидой Фёдоровной.

Папа задумался и стал тереть подбородок. Он всегда так делает, когда думает.

– Вот что, Тёмыч, давай вместе сходим к Зинаиде Фёдоровне, вдруг там как раз и твой Фрукт обитает? Мне Зинаида Фёдоровна всё равно по делу нужна. И меня беспокоит то, что ты сказал, что его бьёт отец.

Тёмыч и папа подходят к третьему подъезду. Папа сверяется с бумажкой, на которой написан номер квартиры, и звонит в домофон. Через три минуты они уже оказываются на пороге уютной квартирки Зинаиды Фёдоровны. Тёмыч тут же без спроса начинает смотреть, видны ли где-нибудь следы обитания Фрукта? Никаких следов. Папа стал объяснять, что Тёмыч видел Зинаиду Фёдоровну недавно с мальчиком. И Тёмыч думает, что это его одноклассник Фрукт. И что очень нужно найти этого мальчика.

Зинаида Фёдоровна развела руками.

– У меня нет никаких мальчиков.

– Так, значит, Фрукт вам не внук? – встрял Тёмыч.

– Нет у меня внуков. У меня только сын. Но он учёный. Сейчас в экспедиции в Арктике.

Тёмыч был рад за неведомого сына Зинаиды Фёдоровны, но недоумевал, куда же делся Фрукт. Нахождение с ним Зинаида Фёдоровна начисто отрицала. Она стала вслух вспоминать, есть ли в этом подъезде мальчики возраста Тёмыча. Вспомнила девочку Аню десяти лет. Её Тёмыч отверг категорически. Вряд ли она сойдёт за Фрукта. Вспомнила Вадика, но ему только два года, до Фрукта не дорос.

– Поймите, – стал волноваться папа, – а вдруг мальчик от отца прячется в вашем доме? Он же сбежал от плохого обращения.

– Когда мой сын был маленьким, то он с ребятами обычно прятался на чердаках или в подвалах. Времена изменились. Ну а привычки остались. Вдруг и ваш Фрукт тоже сейчас в каком-то подвале или на чердаке? Кстати, у меня кошка Люська утром пропала куда-то. Надо потом посмотреть, вдруг на чердаке.

– Точно! – вспомнил Тёмыч. – Фрукт же у меня просил разрешения переночевать в нашем подъезде на лестнице.

Папа с Тёмычем решили начать с чердака. Папа ещё предложил позвонить в школу учительнице, чтобы всё же узнать адрес Фрукта и рассказать, как там с ним обращаются. Но Тёмыч уговорил подождать хотя бы полчаса, вдруг они сами найдут Фрукта сейчас. И, как ни странно, так и случилось. Подъездов в доме четыре, а вход на чердак один, общий. У запертой двери на чердак, у батареи скрючившись сидел Фрукт и, кажется, даже спал.

– Созрел, – засмеялся папа, – созрел ваш Фрукт. Это ведь он?

– Эй, Фрукт, очнись, мы тебя нашли!

Фрукт тёр глаза и, казалось, не понимал, что от него хотят. Папа наклонился над ним.

– Мальчик, скажи, тебе больно было? Мы всё знаем. Тёмыч рассказал. Ты не переживай. Теперь тебя никто бить не будет.

Тёмыч предложил вызвать полицию, чтобы отца Фрукта скорее арестовали за плохое поведение. И лишили родительских прав. Он это всё недавно в одной передаче видел. И что они будут бороться за Фрукта.

Фрукт моргал, моргал, да как принялся реветь. Ну ничего, человеку, даже если ему почти десять лет, иногда и пореветь можно. Фрукт ревел и твердил, что он хочет домой. А папа вдруг сказал, что, похоже, у Фрукта стокгольмский синдром. Но что это такое – объяснять не стал. И ещё добавил, что Фрукт – бедный ребёнок. Тёмыч смотрел на куртку Фрукта и думал, что человек в такой крутой куртке вряд ли может считаться бедным. И что папа такую куртку Тёмычу не осилит, даже на Новый год. Потому что ипотека.

Фрукт плача стал объяснять, что он никакой не бедный. Вот ему скоро айфон Дед Мороз принесёт. Ну, он надеется на это. Хотя мама и сказала, что у Деда Мороза много просьб и он может забыть об этом.

– При чём тут айфон? Мальчик, то есть Фрукт, может, ты сначала к нам пойдёшь? Умоешься, а потом решим, что будем делать?

Но Фрукт твердил как заведённый, что хватит с него сегодня приключений, что он живёт один с мамой. А папы у него никакого нет. И он просто выдумал всё, чтобы произвести впечатление на Тёмыча, чтобы с ним задружиться уж наверняка.

– Да уж, – задумчиво сказал папа и в который раз потёр подбородок, – произвёл. А живёшь-то ты где?

Оказалось, Фрукт живёт на соседней улице. Не так уж и далеко. Но достаточно для того, чтобы Фрукту заблудиться. Фрукт сначала сочинил историю для Тёмыча, а потом увидел его папу и сбежал. Потому что испугался. А когда вышел во двор, понял, что заблудился. Все новые дома такие одинаковые. Поэтому Фрукт вернулся, но забыл, вернее, не знал номера квартиры Тёмыча. И ничего больше не придумал, как на чердак взобраться. А там – замок.

– Ну ты и фрукт настоящий! – сказал папа с выражением.

– Теперь, Тёмыч, ты со мной дружить не захочешь?

Тёмыч даже удивился, он хотел дружить с Фруктом, очень хотел. Но тут из-за двери, ведущей на чердак, той самой, что была закрыта, раздались какие-то шаги и поскрипывания.

Кто там? Преступник? Полтергейст?

Даже папа немножко испугался. Тёмычу так показалось. Но Фрукт храбро стал трясти дверь. Это чтобы все срочно забыли про его слёзы, ведь мужчины не плачут.

– Эй, кто там, выходи!

А вот Тёмычу стало страшно. А вдруг там бродит чердачный убийца?

Дверь не открывалась. И стало тихо. Может, им просто показалось, что там кто-то есть? Всем троим сразу.

Папа предложил версию, что это шуршала кошка. И вдруг там кто-то как чихнёт оглушительно. Кошки так не чихают. Тёмыч автоматически сказал:

– Будьте здоровы!

А из-за двери донеслось:

– Спасибо.

А ведь кошки ещё и не разговаривают. И всё-таки была кошка. Вернее, дверь открылась, и показалась кошка. На руках у... Субъекта. Того самого, что приходил сегодня в квартиру Тёмыча.

– О! Люсенька, кошечка моя! – раздался сзади уже знакомый голос.

Тёмыч обернулся и увидел Зинаиду Фёдоровну. Кошка тоже повернула голову и стала вырываться из рук Субъекта. Вырвалась – и прямо под ноги к Зинаиде Фёдоровне. Только та почему-то встала как вкопанная. Наверное, обрадовалась кошке.

– Коля? – наконец произнесла Зинаида Фёдоровна севшим голосом. – Коля? Сынок! Что ты здесь делаешь? Ты нашёл Люсеньку? Почему ты не в Арктике?

И стала медленно сползать по стенке. Папа и Субъект еле успели подхватить её и усадили на ступеньку.

Субъект сел рядом с Зинаидой Фёдоровной.

– Списали меня, мам. Утилизovali. В общем, не получилось из меня учёного. Нечего мне делать в Арктике. Пусть другие... А у меня не получилось. А у меня сердце большое, но бесполезное.

– Разве так бывает, что у взрослых что-то не получается? – некстати влез Фрукт.

– Я хотел тебя подготовить сначала. Чтобы ты не волновалась. А то ты так мной гордилась. У тебя ведь сердце. И ты не думай, я уже нашёл работу в этом городе, вот, мне тут помогли. (Кивок в сторону папы Тёмыча.)

Тёмыч понял, что он совсем неправильно подумал. Субъект приходил к папе по работе, значит!

– Не только по работе! Да, там нужно было подписать бумаги. И ещё мы думали, как тебя, мам, лучше подготовить. Я вышел, а тут Люська наша...

– И ты всё время прятался на чердаке?
– Только со вчерашнего дня. Я сегодня, честно, собирался вернуться и рассказать тебе всё.

А потом Зинаида Фёдоровна с Люськой на руках пошла к себе ждать возвращения Субъекта. А все остальные – папа, Тёмыч, Субъект – отправились провожать Фрукта. Мама Фрукта оказалась милой женщиной, которая уже не знала, куда звонить, чтобы Фрукта разыскать. Субъект задержался, разговаривая с мамой Фрукта о воспитании детей. А Тёмыч стал мечтать, что когда-нибудь, ну не сейчас, позже, мама Фрукта и Субъект возьмут и влюбятся друг в друга. А потом и поженятся. Тем более у Субъекта нет никакой жены. А у Фрукта нет папы. И вот тогда...

Папа засмеялся и сказал, что Тёмыч готов уже весь свет переженить, к примеру, поженить его с Зинаидой Фёдоровной. Для разнообразия. И засмеялся. И Тёмыч засмеялся. А потом понял, что ему хочется посмотреть в окошко. Вот срочно надо посмотреть в окно на кухне, где они сидели с папой.

Тёмыч смотрит в окно. Он никогда не скажет о своём желании. Может быть, потом когда-нибудь. Ведь чудеса случаются. Вдруг маме надоест жить в Новой Зеландии? Ведь это так далеко? И вдруг она всё же скучает по своему Тёмычу так же, как и он? Только он никогда об этом не скажет. Никогда. А пока у него есть папа, Зинаида Фёдоровна, Фрукт, Субъект и даже банка компота. И ничего, что там ягод всего на доньшке. Зинаида Фёдоровна обещала завтра сварить новый компот. И он явно будет вкуснее, чем тот, который покупают в магазинах. Завтра они пойдут с Фруктом к Зинаиде Фёдоровне и Субъекту и станут наперегонки вытаскивать косточки из кружек. А потом устроят соревнование, чья косточка долетит дальше. Наверняка хоть одна сможет долететь до Луны. Ну а вдруг?

ПОХИЩЕНИЕ

Вот когда идёшь по улице, а потом внезапно остановишься, то можно поймать умную мысль. Иногда при этом в тебя могут врезаться идущие следом. Вот как тот дяденька, к примеру. Я остановилась, а он ка-а-ак на меня налетел. Очень даже прилично налетел. У меня спина чуть не хрустнула. А он мне ещё и говорит:

– Девочка, вместо того, чтобы ворон считать, пошла бы лучше тележку с мороженым унала. Полезное занятие.

Я даже оторопела.

– Тележку с мороженым?

– Ну да, неужели тебе никогда не хотелось угнать тележку с мороженым? – голос дядечки звучал обиженно. – Мне вот в детстве всегда об этом мечталось.

– Тележку с мороженым? – повторила я. – Так там же продавщица стоит.

– А если прямо с продавцом? Вы, молодёжь, только на словах горазды, храбрецы этикие, да движение тормозить способны, а на большой поступок? Слабо?

Мне было слабо. А ещё и обидно. Мало того, что дяденька на меня налетел, так ещё на какие-то поступки меня толкает. И я решила не обращать внимания и идти дальше, тем более что мысль интересная успела от меня ускользнуть.

– Ну, а я могу! – весело заявил дяденька. – Не веришь? Смотри!

Он подмигнул мне и бодрым шагом отправился на ту сторону. А на той стороне стояла скучающая продавщица с тележкой. На тележке крупными буквами было написано: «Мороженое». А дальше было всё как в каком-то детективном фильме.

И главное, что на улице в тот момент – ну надо же! – никого и не было.

Дяденька поравнялся с продавщицей, подмигнул мне и резко схватил эту продавщицу на руки. Для того чтобы – о, ужас! – засунуть в тележку с мороженым.

Вот только что была продавщица, скучала и продавала мороженое. А теперь вместо этого на той стороне стоит этот противный дядька с тележкой. Вернее, не стоит, а быстро так эту тележку толкает перед собой. Как будто так и надо, как будто так полагается продавщиц мороженого красть. Я представила, каково этой женщине там, в холодильнике, среди своего товара, и испугалась. Надо вызвать полицию – но кто мне поверит? И успею ли я? Я решила спасти несчастную. Я бросилась за ним в погоню!

– Дяденька, а дяденька, – кричу я, – подождите! Я вам вопрос хочу задать важный!

Дяденька остановился, а я ему:

– Вас интересует проблема космоса? Как вы думаете, сколько черепашек свободно могут передвигаться в межпланетном пространстве? И есть ли уши у нашей звёздной галактической системы?

– Чего? – опешил дяденька.

Вот этим я и воспользовалась. Пока он думал, что ответить, я схватила тележку и понеслась по переулку, скорее, скорее, пока бедная продавщица вконец не замёрзла и не превратилась в гигантское мороженое.

Но долго я так бегать не смогла. Жуткий дяденька настиг меня и отобрал тележку. Тут я поняла, что жизнь продавщицы и моя жизнь в опасности неимоверной. И от страха сильно-сильно зажмурилась. Но тут же не выдержала и открыла глаза. С зажмуренными глазами бояться неинтересно.

– А ты храбрая, – заметил дяденька, открывая крышку тележки.

Оттуда высунулась улыбающаяся и очень даже горячая продавщица.

– А это моя жена – тётя Люба. Очень весёлая женщина. У неё рабочий день закончился, вот я и везу её домой. Всё равно морозильная камера в тележке сломалась, так что ей вовсе не холодно. А ты шла такая серьёзная, да ещё как остановишься резко. Вот я и решил над тобой подшутить. Знаешь что, приходи к нам мороженое есть.

– Не приду, – отвечаю, – раз у вас в тележке мороза нет и мороженого тоже.

– Так у нас дома в холодильнике полным-полно мороженого.

И я пришла. Мы поели мороженого, а потом стали по переулку кататься на тележке туда-сюда. Долго так катались. Пока тележку не починили и не стали по назначению использовать.

ВОТ ТЕБЕ И КЛЮКВА

Вот отчего Васе в жаркие последние августовские дни так мороженого захотелось? Не мог он без него, что ли, обойтись? Ну да, термометр показывал плюс тридцать два в тени, в новостях передавали о небывалой жаре, но разве это повод бежать за мороженым? Совсем не повод.

А вот Вася побежал. И сразу встал в очередь. Не один он от жары мороженым решил спастись. Кто-то очень сутулый и в бейсболке долго никак не мог выбрать сорт мороженого.

– Дайте во-о-от то... нет, не то... а если это?..

Где-то Вася уже слышал этот скрипучий голос.

Где? У Васи было время вспомнить. Сутулому то не нравилась обёртка, то начинка, то цена. Образовавшаяся очередь уже стала волноваться. Поэтому когда сутулый обернулся к очереди с вопросом: «Как вы думаете, эта несчастная пачка замороженного молока с красителями может столько стоить?» – Вася уже точно знал, что перед ним Дмитрий Эдуардович, биолог. А через два часа, так и не купив мороженого, Вася стал обладателем огромного скелета. На целых три дня.

А всё почему? Всё потому, что у скелета оказалось сломано одно ребро! Ну кто тянул за язык Васю, что дома у него есть чудо-клей?

– Васильев! Тут такое дело... Хорошо, что ты мне попался! У меня, знаешь, несчастье произошло...

Дмитрий Эдуардович приобнял Васю за плечи.

– Ты ж сам понимаешь, что такое учебное пособие – это очень важно! А в этом году у нас по программе анатомия. А это не шуточки. Не какое-то там крыло голубя. А кости будем учить по скелету.

Вася не стал убеждать биолога, что его фамилия вовсе не Васильев. И что они будут проходить только мхи да лишайники. И до крыла голубя Васе ещё учиться и учиться. Вася зачем-то дал согласие помочь, а теперь и не знал, что и делать. Вот так, без мороженого через полтора часа Вася колотил в дверь своей квартиры.

– Папа, дай клей скорее!

– Зачем тебе, сын? С чего такая спешка?

– Да ребро тут конкретно пострадало.

– Ребро? – это уже всполошилась подошедшая мама, тоже с полотенцем. – Где? Покажи. Я звоню в скорую! Дотолкались на перемене, носитесь, всех сшибаете!

– Подожди, – осадил папа маму. – У них ведь каникулы, забыла?

– Забудешь тут с этой жарой, как тебя зовут, а ты про каникулы, – жалобно ответила мама. – Ты лучше скажи, что с сыном делать, раз у него ребро сломано.

– Да не у меня ребро сломано, а у скелета! Понимаете? Биолог наш, Дмитрий Эдуардович, по-учительски удружил.

Папа с мамой подумали, что у них коллективные галлюцинации из-за жары, когда Вася наконец затащил в квартиру экспонат, а попросту – скелет. Папа сразу стал спрашивать, неужели Вася вот так запросто с ним по улице шёл, нельзя, что ли, замаскировать его как-то было. А мама стала кричать, что скелетам в её доме не место. Вот проснётся она ночью, захочет в туалет и на скелета случайно наткнётся...

Нет уж! Тут все инфаркты мира гарантированы. Вася вообще чуть было не обиделся, что он в такую жару скелет должен был как-то обёртывать. Вот как дал ему биолог скелет, так Вася и донёс. А насчёт ночи, так, Вася ему свою кровать уступит, чтобы мама не натыкалась.

– Свою кровать – скелету?

– А что, в этом что-то есть, – заметил папа. – И долго этот господин с нами пробудет? – Кивок в сторону скелета.

Васе очень хотелось сказать, что это скелет сам к нему попросился, мол, возьми меня, Вася, домой к себе, а то грустно очень. И Вася в порыве страсти обнял скелет, вот и сломал ребро.

Но Вася решил сказать всё, как было на самом деле. То есть про биолога Дмитрия Эдуардовича. Что Дмитрий Эдуардович был ответственный за закупку экспонатов. И что ему подсунули бракованный скелет, а поменять его нет никакой возможности. И что директор, Анна Германовна, ненавидит биолога лютой ненавистью. И поэтому для неё это только повод уволить несчастного. А Вася согласился ребро склеить. И тогда всё будет так, как надо. А то директор придёт проверять!

– Подожди, но почему именно ты? – не понял папа. – Вы же ещё строение человека не скоро будете проходить. И почему нельзя было подклеить в школе?

– Вот потому и нельзя, – сделал таинственное лицо Вася, – что там Анна Германовна, а то увидит, что скелет бракованный – и всё, сразу уволит нашего биолога. А он у нас – самый лучший. И вообще...

– Ерунда какая! – продолжал возмущаться папа.

– Подождите вы! – вдруг вскричала мама. – В морозилке, кстати, три порции мороженого, которые ты, Вася, не заметил, они под пакетом с клюквой лежали.

Папа тут же стал возмущаться, что кто эти люди, которые прячут мороженое под клюквой, когда обычные люди его найти не могут, а не только Вася. А мама спокойно продолжила, что надо сесть с мороженым на диван и обсудить, а «обычные люди», те, которые «не только Вася», тоже могут присоединиться.

Папа так и сделал.

Когда все (кроме скелета) разместились на диване, то выяснилось страшное.

Порций с мороженым оказалось не три, а четыре! Вот как бывает. А как делить четыре порции на трёх человек? Ну не скелету же, в самом деле, предлагать мороженое?

– Я всё-таки не понимаю, – рассуждала мама, развёртывая свою порцию. – Вот зачем биолог себе школьный инвентарь домой заказывал? И почему он, вместо того, чтобы у тебя клей попросить, к тебе этот скелет отправил?

– А у меня другой вопрос возник. Важный очень. – Папа, как на уроке, поднял руку. – Вот лишняя порция мороженого – она кому?

Вася вздохнул.

– Эх вы, ничего не понимаете! Мама, папа! Порция достанется... Анне Германовне, а?

– Анне Германовне? – вскричали папа с мамой одновременно. – Это почему ей? Потому что она директор школы? Ты понесёшь ей на работу мороженое? Задобрить, что ли?

Вася молча отнёс мороженое в морозилку. И свою порцию тоже есть не стал. Две порции мороженого в морозильнике выглядят солиднее, чем одна.

– Папа, мама! – Вася вернулся в комнату.

Родители доедали мороженое, между ними зачем-то сидел скелет.

– Сын! – обернулся к Васе папа. – А рёбра-то у скелета целы! Я что-то не пойму, где трещина?

Вася вздохнул. Похоже, тут надо начать всё сначала.

– Мама, папа! Мы в какой квартире живём?

– В семнадцатой!

– А в шестнадцатой – кто?

– Гм, – задумался папа, – кажется, кажется, Егоровы?

Папа посмотрел на маму. Мама задумчиво складывала обёртку от мороженого.

– Нет, вроде, Петровы. И не они, а он. Ну, такой толстячок плотный, он ещё в лифт всегда боком заходит.

– Петров вообще-то на седьмом этаже! Так что это не он. Но кто? Вася, ты знаешь?

Вася встал на середину комнаты, откашлялся и сказал:

– Нашу соседку, которая, кстати, въехала в прошлом году и которой ты, папа, помогал таскать тумбочку и торшер, зовут Анна Германовна.

– Тумбочку? Торшер? – всполошилась мама! – Так, так, так, муж мой любимый, а я где была?

– А ты, мама, за край торшера держалась, вроде как вы вдвоём несёте.

Папа с мамой покачали головами: нет, мол, не помним ничего, а и что с того?

Вася продолжил:

– А то, что Анна Германовна – наш директор. А Дмитрий Эдуардович – наш биолог. Вам всё понятно?

Вася видел по лицам родителей, что им не понятно. Папа так крепко вцепился в скелета, будто тот его родной брат, что Вася испугался: а вдруг и вправду у того треснут рёбра? А мама стала папину обёртку из-под мороженого складывать.

Вася сглотнул слюну. Мороженого страсть как хотелось. Но на благое дело мороженого не должно быть жалко. Тем более в морозилке ещё столько клюквы!

– В общем, биолог наш зайдёт сегодня в конце дня за скелетом, смекаете? А ещё я сегодня к нам приглашу нашу соседку.

– И чего? – не понял папа. – Они в школе, что ли, не могут поговорить?

– В школе, папа, обстановка не та, а тут рядом, по-соседски. Поедят мороженого с клюквой...

Папа с мамой не возражали. Приключение всё-таки. Мама нашла нарядный передник и встала к плите пирог печь, а папа отправился в магазин за мороженым. Сначала хотела послать Васю, а папа собирался Анну Германовну позвать. Но мама высказалась резко против. Как же, ведь это Вася – ученик, пусть Вася и зовёт!

И Вася позвал.

Анна Германовна была дома, поэтому она сразу открыла Васе дверь. Стояла такая в пёстром халате, совсем не похожая на директора школы, и молчала.

– Я – ваш сосед и ученик вашей школы, – не выдержал Вася. – Мы, вся наша семья, приглашаем вас на ужин познакомиться по-соседски. Вы мороженое любите? Если с клюквой?

Надо ли было говорить, что директор любила мороженое? Особенно с клюквой! И ничего страшного, что на клюкву у Анны Германовны оказалась аллергия, и она потихоньку выковыривала ягодки из тарелки. Но это было даже хорошо! Потому что Дмитрий Эдуардович, пришедший за скелетом, который был тут же усажен за стол как раз напротив Анны Германовны, наоборот, ой как обожал клюкву! Вы бы видели, с каким восторгом и благодарностью наблюдала Анна Германовна поглощение ягод. И ничего страшного, что Дмитрий Эдуардович не заметил, что ребро у скелета так никто и не подклеил! Может, потому, что все рёбра были целые?

**Вячеслав
РЫЖЕНКОВ**

ГРОМ И МОЛНИЯ

(по мотивам народных сказок)

Жили в одной деревне два соседа – Трофим да Демьян. Трофиму жилось трудно, даже хлеба порой не хватало, то и дело приходилось занимать на жизнь у соседей, а чаще других – у Демьяна.

Демьян, напротив, хорошо жил, да уж слишком жаден был. Всё казалось ему, маловато у него добра. И хоть понимал он, от нужд Трофимовых не оскудеет его амбар, дать что-то соседу своими руками, пусть даже и в долг верный, казалось ему порой едва не хуже смерти.

Вот пришёл как-то Трофим в неудачный час и всё с тем же. Лето только-только силу набирает, нового урожая ещё ждать-дождаться, а у соседа опять ни зёрнышка. И вздумалось Демьяну так повернуть дело, чтобы расстаться с этой обузой раз и навсегда.

Говорит Демьян Трофиму тихо так, ласково:

– Плохи дела твои, соседка. Землицы у тебя мало, хлеба своего – одному не наестся, а тебе ведь ещё и дочку в люди определять надо. Так уж и быть, подскажу я тебе по секрету, чем житьишко твоё поправить можно. Хочешь узнать, как родитель мой покойный своё хозяйство наладил да и мне кое-что оставил?

Трофиму-то деться некуда: хочу, говорит. А Демьян и рад:

– Знаешь гору крутую, что от деревни на восход солнца? Дерево ещё на ней растёт огромное, высоченное. Так вот. В хорошую грозу вершина дерева этого выше туч поднимается. И если в эту пору на самую верхушку забраться, чудо увидишь такое, что описать страшно. Сучочки там, на верхушке, те, что уж совсем сухие, только туча верхушку закроет, – золотом засветятся. А там всё больше и больше, и так дальше и светятся, пока гроза не пройдёт. Отец мой сам это видел.

Трофим терпеливо слушал, но тут усмехнулся даже:

– Светятся они?.. Да что с того? Небось, гроза пройдёт – и перестанут.

Но Демьян своё твердит:

● Вячеслав Борисович Рыженков родился в 1956 году. Окончил Московский институт химического машиностроения, инженер-технолог. Публиковался в журналах «Голос эпохи», «Литкультпривет» и в региональной печати. Живёт в г. Щёлково (Подмосковье).

– Это если не обломить вовремя. Успеешь, пока ещё гремит гроза, – так золотом и останутся. Страшно пойти на такое, слов нет. Да и сломить их непросто. Но зато вся жизнь твоя разом переменится. Папаша мой и принёс-то когда-то четыре сучочка, а как сразу поднялся. Он ведь прежде-то не лучше тебя жил.

– Сам что ж не лазишь за золотом, коли дорожку знаешь?

Демьян только развёл руками:

– На что оно мне теперь, у меня ведь всего хватает. И трусоват я на такое, сам посуди.

И вот через пару дней, как потемнело на небе и заворчал, заметил Демьян: пусто на соседском подворье. Уж не поверил ли Трофим в его рассказни? Ведь мало ли что говорится, не всему же верить. Ну, а теперь будь что будет, Трофим сам свою долю выбрал.

Впрочем, почему бы не поверить. Ведь отец Демьянов про дерево это и правда много чудесного рассказывал. Верно ли, нет ли, но богатство-то он и взаправду где-то раздобыть сумел. Как раз тогда, когда жизнь в их местах совсем невмоготу стала: ни дождей путных, ни урожаяев. А он, наоборот, и двор обновил, и скотину разную завёл, и даже работников нанял. Стало быть, было с ним всё-таки что-то в стародавние времена.

А Трофим в это время уже взбирался на дерево. Скоро напозла туча, чёрная, грозовая, да такая, что закрыла от него всю землю внизу. Выбрался Трофим на самый верх, отдышался. Тихо наверху, и гроза всё никак не начинается. Только вот сучки сухие так и остались прежними. Обманул доверчивого соседа насмешник Демьян! Посмеялся, негодник.

Однако смотрит Трофим: туча грозовая, что под ним, совсем теперь не похожа на ту, какой её с земли увидишь. Не серая с чёрным, не бугристая, а ровная вся, зеленоватая, и только чуть-чуть в пятнышках, как мокрый луг с кочками. Спустился до тучи Трофим, сделал шаг-другой – и вдруг осмелился и пошёл ногами прямо по туче. Идёт и видит: прямо перед ним как копна сена возвышается. А в ней темнеется что-то – пещера не пещера, шалаш не шалаш.

Набрался духу Трофим и шмыгнул внутрь. Видит: не очень там просторно, хоть и не темно, и даже на жильё похоже. Вроде как стол и лежанка, а на столе, с краешку, стоит резная шкатулка. Жёлтая по красному, и словно лаком покрыта. Взял Трофим шкатулку в руки – тяжёленькая она, и вдруг видит: посветлело. Огляделся: нет больше пещеры, стоит он просто на туче, она всё такая же зелёная. И верхушка дерева, с которой он слез, тоже в стороне виднеется.

Жутко стало Трофиму: а ну как и вся туча как копна развеется. Поспешил он назад и снова уселся на ветках, ровно зверёк лесной. А потом подумал немножко и стал через просвет в туче вниз спускаться. Шкатулку, конечно, так при себе и держит, только рубаху с себя снял, котомку скрутил и сзади к поясу приторочил. Иначе как с дерева слезешь? А находку бросать жалко. Ведь оставлять её тоже некому: на туче пусто, хоть шаром покати. И скоро она к тому же или дождём прольётся, или ветром развеется. Впрочем, Трофим уже до земли добрался, а туча всё ещё так и продолжала висеть на небе.

Шкатулка, к досаде его, оказалась наглухо запертой. Попробовал Трофим открыть её крышку – не открывается крышка. Сколько ни пытался – и по дороге в деревню, и затем у себя дома – не идёт, хоть плачь. Сел Трофим на лавку, призадумался.

Слышит: дверь в его избу отворяется, видно, дочка воротилась из дальней деревни. Ан нет – вошёл в избу сосед Демьян. И сразу к шкатулке:

– Откуда такое диво?

– Да вот, взбирался на дерево, как ты присоветовал. Веток золотых не видал, уж не обессудь. Другой клад нашёл.

Демьян даже задохнулся:

– Неужто и вправду нашёл! И что в ней, в этой шкатулочке?

Трофим только головой покачал:

– Не знаю. Не открывается шкатулочка.

– Ключик подобрать надо. Я тебе, сосед, помогу. У меня разных ключей и ключиков – целая связка. Только дело это мешкотное – ключи подбирать, ночи не хватит, а ты и так, поди, устал, соседушка. Давай-ка лучше её мне, а сам утром приходи. Глядишь, к тому времени что-то и получится.

А Трофим и впрямь притомился дальше некуда. Махнул рукой – забирай с глаз долой – и завалился на лавку. Но едва уснул – снова в избе топочет кто-то, а уж и темнеть начинало. Глянул Трофим, ахнул: стоит перед ним гость неслыханный. С виду господин, весь из себя суровый – усом чёрен, волосом чёрен, платьем – и тем чёрен.

Заговорил Суровый Господин, да таким голосом, что всё задрожало:

– Как ты посмел, ничтожный, на небо забраться?! Верни шкатулку резную, если жить хочешь.

– Так нет её сейчас, у Демьяна она. У него и забирай.

– И слушать не хочу! Ты её брал, с тебя и спрос! Сроку тебе – один день. Буду завтра в этот же час. Не вернёшь шкатулку в целости и сохранности – сам на себя пеняй. Пощады не жди!

Сказал и вышел, только его и видели.

Посидел немного Трофим, сон как рукой сняло. И побежал к Демьяну. Ночь-то о ту пору уж полную силу взяла, да ещё на небе ни луны, ни звёздочки. Всё от края до края тучами затянуло.

Стучал, стучал в Демьянову избу, еле достучался. Обсказал всё соседу без утайки. А сосед Демьян как ждал его.

– Плохо дело, Трофим. Не уйти тебе так легко от гнева Грозного Господина. Видно, не из простых он людей. Одно, полагаю, здесь теперь сделать можно. Отправляйся ты полегоньку, пока тучи не ушли, опять на ту же гору. Как раз к утречку там будешь. И верни шкатулочку на её старое место.

Согласился Трофим. Поблагодарил от души соседа за совет добрый. Вынес Демьян из дальнего чулана его шкатулку резную, уже и верёвками для удобства перевязанную. Вскинул Трофим её через плечо и отправился как придётся, благо – дорога до горы была с малых лет исхожена-изъезжена. А как помалу развиднелось кругом, был он уже у большого дерева. Взобрался по нему на тучу, огляделся – везде ровно да пусто. Ходил, ходил – никак не найдёт места вчерашнего.

Делать нечего, решил он: уж оставлю шкатулку эту там, где придётся. Снял с неё верёвки ради красоты прежней. Повертел шкатулку в руках, да и наклонил неосторожно. Крышка приоткрылась и выпал из шкатулки большой серый камень. И в тучу, как в воду, канул. А больше в той шкатулке ничего и не было. Взяло тут Трофима сомнение, не подменил ли Демьян шкатулку. Вроде и тот же узор на ней, а вроде и не тот. И говорит себе Трофим:

– Та ли, не та у меня шкатулка, лучше уж ей теперь здесь лежать. А как спущусь, непременно дознаюсь у Демьяна, зачем он меня обманул. Так просто этого дела я не оставляю.

Смотрит, а верхушка дерева, что из тучи выступала, куда-то подевалась. Не знал Трофим, как послал Демьян следом за ним на гору двух могучих братьев-лесорубов. Дал им по монете золотой и наказал настрого свалить огромное дерево, что растёт на горе. Мол, торчит оно без толку. Только свет застит и тучам на небе проплывать мешает. Поверили Демьяну братья и свалили дерево.

Так и оказалась Трофим на небе, выше самого высокого дерева, выше лёгких птиц летучих.

А Демьян и в самом деле подменил шкатулку. Да только проку из этой подмены немного вышло. Не поддавалась шкатулка с небес ни ключам, ни топору, ни клещам раскалённым, ни углям горячим. Целый день промаялся Демьян, весь потом холодным изошёл, а так и не открыл шкатулку.

Наступил вечер. Тучи грозовые на небе рассеялись, не пролив, как нарочно, ни капли дождя, солнце село за тёмный лес, зажглись первые звёздочки. Вышел Демьян из старой кузни, что от деда досталась, унёс шкатулку в дом и хорошенько дверь запер. Только слышит вдруг Демьян: застучало на крыльце, сам собой откинулся засов, и вошёл в дом всё тот же Господин Суровый – усом чёрен, волосом чёрен, платьем – и тем чёрен.

Заговорил Суровый Господин да таким голосом, что посуда с полок попадала и пыль поднялась по всему дому:

– Что, презренный, хитрее всех быть хочешь? Только не по зубам тебе, видно, орешек попался. А ну-ка, дай сюда сейчас же шкатулку резную, коли жизнь дорога!

Перепугался Демьян, но виду не подал:

– Помилуйте, Господин Суровый, не ошиблись ли вы домом? Ваша шкатулка у Трофима, а эта мне досталась от покойного батюшки.

Ещё пуще огневался Суровый Господин:

– Да ты смеешь ещё перечить Грому Небесному?

И взмахнул широким рукавом. Разом шкатулка резная прямо в руках у Демьяна в пыль рассыпалась, а к руке чёрного Господина метнулся Кнут Сверкающий. Взвил Господин кнут дугою огненной, и буйным пламенем полыхнула вся изба Демьянова...

На другой день вернулась домой Меланья – дочь Трофимова. Видит: у соседа и от дома, и от кузни одни трубы торчат. А родной её дом, хоть и цел, пуст стоит. Вошла Меланья в дом, не знает, что и думать. Вдруг стук в окошко, и кто-то чумазый, прокопчённый снаружи в избу заглядывает. Пригляделась Меланья, а это сосед Демьян.

– Полюбуйся, Меланьюшка, что наделал родитель твой. Вздумалось ему на гору пойти да на небо взобраться, разгневать Гром Небесный. Страшен он в гневе, Гром этот. Видишь, и я ни за что попал, погорел весь, до последней крошки. А Трофима так вообще – прямо на тучу закинуло.

Ахнула Меланья:

– Как на тучу?

– На тучу, на тучу, говорю верно. И что с ним теперь – не ведаю. Ты уж, Меланьюшка, приютила бы меня, хотя бы в хлеву.

– Почто ж в хлев, дядя Демьян, в холодные сени поди. В избу, извиняй, не пущу. Не было мне на то батюшкиного позволения. А не люблю, так ступай себе, куда глаза глядят.

Ничего не сказал Демьян, юркнул в сени, словно мышь в щёлку. А Меланья ещё пуще закручинилась. Верно ли, неверно обсказал всё Демьян-сосед, а отец её, похоже, не вернётся уже до дому. Только про небо да про тучи –

кто же поверит?! Особенно Демьяну-завистнику. Верно одно: коли сгинул отец, лежит он сейчас бездыханный там же, на горе крутой.

И надумала Меланья идти назавтра на ту же гору, разыскать отца своего и придать честь-честью земле, пока не обглодали его тело звери лесные. Как надумала, так и сделала. Вот только дорога ей по неведению далась куда тяжелей, чем Трофиму. К позднему вечеру взобралась Меланья на гору, где лежало дерево огромное, неизвестно кем сваленное, да тут же и брошенное.

Присела девушка на одну из ветвей раскидистых и не знает, что делать дальше. Время для розыску уже позднее, скоро ночь наступит. А домой возвращаться – ладно если к утру будешь. Здесь же, на горе, ночевать тоже вроде как не с руки. Но что поделаешь? Темнеет небо на глазах, впору уже и костёр развести, коли уж здесь оставаться.

Только подумала, как предстал перед ней незнакомец – усом чёрен, волосом чёрен, платьем – и тем чёрен. Встал и смотрит глазами строгими, сам не шелохнётся, только в правой руке длинный кнут как живой извивается. Дрогнуло в страхе сердце девушки, сразу поняла Меланья, что это и есть Гром Небесный. Встала тогда Меланья, чуть приклонила голову, насмелилась, заговорила:

– Вечер вам добрый, Гром-батюшка. Чем служить прикажете вашей милости? Неужто и я перед вами виновата?

– Виновата, нет ли – это мне судить. Скажи лучше, дочь человеческая, за каким делом и тебя занесло на эту гору на ночь глядя. Да не вздумай вилять, поймаю на лжи – не помилю!

Потупилась Меланья:

– Причина у меня одна – безвременная погибель отца моего. Как тело его сыщу, так и дело моё закончено будет.

– И это всё?

– Всё, батюшка.

Усмехнулся Гром Небесный, да так, что эхо по горе прокатилось.

– Понял я, о ком ты хлопочешь. Только не там ищешь. На небо ступай! Там среди туч грозových болтается твой ничтожный папаша. Счастье его, что я застрял тут, на земле вашей. Ну, да недолго ему осталось гулять, вору бесстыжему.

– Смилуйся, Гром-батюшка! Да в семье нашей воровство испокон веку не водилось. Если и взял что отец мой, то только по неведению! Головой поручусь за него, поклянусь, чем только пожелаешь.

Ничего не ответил Гром Небесный, призадумался крепко. В землю уставился, веками прикрыл очи свои грозные. И вот очнулся словно:

– Слушай внимательно, дочь человеческая. Так и быть, назначаю тебе большое испытание. Выдержишь испытание – пощажу отца твоего ничтожно. Нет – ни тебе, ни ему не будет от меня пощады!

– В чём же оно, батюшка?

– Не перебивай, презренная! Здесь вот по этому дереву можно было даже людишкам безумным на небо подняться. Мог и я, когда мне вздумается, тайным образом на землю спуститься. Да нашлись те, кто свалил это дерево. Страшно они об этом сегодня пожалели, сгорели вместе со своей избёной дырявой. Но не всё в моей власти. Вернуть дерево на место я не могу. Не могу без него и на небо подняться.

Суровый Господин умолк. Как ни хотелось Меланье спросить его, а что же дальше, она укрепилась и молчала.

– Есть и другие такие деревья в заморских странах, есть горы высокие. Путь к ним через моря и земли. А ближе всего отсюда – просто край земли

вашей, где она сама с небом сходится. Только идти туда ногами, подобно вам, тварям земным, да ещё ногами, и в год не управисься. Есть у меня и другой путь. Днём, пока светло, я становлюсь прозрачным и лёгким как пушинка. Первый же хороший ветер домчал бы меня куда надо. Дня два или три – и я на небе. Останется перехватить любую тучу и вернуться сюда с первой же грозой. Но не унести меня ветру, пока в руках этот Кнут Сверкающий. Недаром я его в тучах оставлял. Всё поняла, ничтожная?

Меланья осторожно кивнула:

– Догадываюсь, Гром-батюшка. Сохраню я твой кнут, если прикажешь. Только как же ты его у меня назад заберёшь?

– Не твоя забота, дочь человеческая. Мне только на небо попасть, а там и способ найдётся. Довольно, больше ни о чём не спрашивай, пока я не прогневался по-настоящему! Всё поняла? Брось вот сюда, к моим ногам, охапку хвороста!

Меланья кинулась, быстро наломала сучков и веток, которые посуше. Щёлкнул по хворосту кнутом своим Гром Небесный – и вспыхнул пламенем хворост.

– Дождись здесь утра, глупая. Потом домой иди, а кнута моего смотри не встряхни где-нибудь ненароком, а пуще того – из рук и на миг не выпускай! Себе и другим беды наделаешь. А теперь оставайся и жди моего возвращения. Крепко жди!

И кнут, словно змея ползучая, завертелся в руках у Меланьи. Бился, бился, но потом успокоился и притих. Вдохнула облегчённо девушка, глянула вокруг, а Грозного Господина как и не было.

А Трофим, как уже и было сказано, по злой воле Демьяна, соседа жадного, очутился в небе на грозовой туче. В страхе, в горьком унынии не смыкал он теперь глаз, хоть и тянуло крепко в сон после ночи бессонной. Невдомёк было Трофиму, что без Грома Небесного с его Кнутом Сверкающим не ударит из тучи ни одна молния, а не будет молний, не прольётся и дождя ни капельки. Значит, нечего Трофиму опасаться, что вместе с дождём и сам он с неба на землю брякнется, как сырая лепёшка на горячую сковороду.

Ближе к вечеру, как солнце на закат заворачивать стало, всё-таки не выдержал, задремал и уснул Трофим. Потом спохватился, глаза открыл и видит: остался от его тучи один клочок с малую лужайку, и несётся он по небу в неведомые края. Сообразил Трофим, что налетел пополудни откуда ни возьмись ветер, растрепал всю тучу, а клочки разогнал потом в разные стороны. Но скоро другое заметил Трофим: не ветер гонит по небу его тучку. Тянет её вдаль будто бы пустая шкатулка, которую он по-прежнему в руках держит. Только теперь кажется рукам Трофимовым, что не шкатулку он держит, а вожжи. Так трепещет и дёргается шкатулка, словно правит Трофим упряжкой лихих коней.

Долго ли, коротко ли – увидал Трофим вдали новую тучу. И не одну тучу даже, а словно целая их стая сбилась вместе, так что явилась в небе большая серая гора. Вот к этим тучам, сбившимся в гору, и приткнулась, как лодка, тучка Трофимова. Уразумел, конечно, Трофим, что не просто так проехался он по небу, а попал прямо к своему назначенному месту. Тому месту, откуда приходят в их края все грозы и тучи грозовые.

Делать нечего, встал на ноги Трофим и перешёл полегоньку прямо на те тучи, что сбились в гору. Прошёл по ним немного, потом, как по лестнице, вверх поднялся, там снова слегка огляделся.

Недолго пришлось Трофиму на все стороны головой вертеть. Вышла ему навстречу из-за пушистого облака степенная женщина, вся в серебре, жем-

чугах да красном золоте. Иным словом, одета так, что и царице будет впору. Ясно – так и подумал Трофим поначалу – встречает его в своём царстве сама Небесная Царица.

Поспешил в пояс поклониться Трофим.

– Низкий поклон вам, государыня, от земли нашей. Вот уж не думал никогда, что попаду в гости к самой Небесной Царице!

Она улыбнулась и покачала головой.

– Нет у нас в небе царя, не над чем им царствовать. Ведь тучи наши не то что ваша земля. Сегодня полнеба закрывают, а завтра – и нет ничего. Какое уж тут царство!

Трофим от таких слов как будто даже приободрился:

– Как же тогда вас величать прикажете?

– Это уж, гость дорогой, как самому будет угодно. Что хозяйка я здесь – это ты верно понял. И всех этих туч, и других, которые оторваться и улечь успели. Хозяйка я и всех гроз, что над вашей землёй проходят. А потому, хочешь, назови меня по-вашему – Небесной Барыней, а не нравится, так и быть, скажи просто: Тётушка Гроза. На том и поладим покуда. Или, может быть, ещё что спросить захочешь?

Трофим только головой покачал:

– У нас так не принято, сударыня, гостю попере́д хозяина расспросы учинять. Уж сначала вы поведайте, для чего я вам понадобился. Понадобился ведь, раз залучили меня сюда за тридевять земель.

– Всему своё время. Спервоначалу ответь мне, гость неожиданный, не знаешь ли ты, куда подевался Гром Небесный? Или, может быть, сразу скажешь, как нам всем теперь без него обходиться? Нет Грома Небесного, а без него сейчас и грозы не гремят, и дожди не льют. Для неба нашего, если сказать всю правду, сам гром может и ни к чему. Зато земле без дождя тяжко приходится. Не так ли, гость наш разлюбезный?

Помолчал Трофим, задумался. Как тут ответить, если сам и половины не уразумел.

– Не гневись, Матушка-Барыня, мудрёны мне твои расспросы. Только вижу я – придётся мне рассказать тебе обо всём, что со мной приключилось. Уж будь столь добра – выслушай.

И рассказал Трофим про всё, что было с ним, с самого начала. А когда закончил, добавил:

– Одно понял я теперь: мой Господин Строгий и был тот самый Гром Небесный. И шкатулочка вот эта, стало быть, не его. Та, что его, так и осталась у Демьяна бесчестного. А эту Демьян откопал по своим сундукам, а то и с базара привёз. Вот только не пойму я теперь, как могла она меня в ваше царство доставить. Или снова Демьян намудрил?

– Позволь-ка, Трофим, взглянуть и мне на эту шкатулку.

– Сделайте милость, сударыня.

Но лишь только попала шкатулка в белые ручки Небесной Барыни, как откуда-то издалека донеслись звуки загадочные. То ли хриплым смехом кто залился, то ли с треском протяжным расплодилось пополам полотно тканое. Покачала головой Тётушка Гроза и сказала задумчиво:

– Снова ошибаешься ты, Трофим. Ещё как ошибаешься! Шкатулка эта резная как раз из наших, небесных. Хоть и не та, что тебе в руки попала. Ещё в стародавние времена унёс её обманом один человек. Вытряхнул из шкатулки всё, что в ней было, наполнил её жемчугом небесным и спустился на землю по уговору ложному. С тех пор перестал выпадать на землю град, но и грозы пошли тише и спокойнее. В грозу теперь только посверки-

вает, не бьют в землю молнии, хоть гром и гуляет по всему небу. Да и дождей с тех пор льётся куда как меньше, а в иное лето бывает и засуха.

– Да, вот тут правда ваша, Матушка-Барыня. Старики говорят, прежде дождей лило не в пример больше. А если уж про град вспомнят...

Тётушка Гроза кивнула и сразу рукой повела, остановила Трофима. Потом повернулась, отошла в сторонку, и увидел Трофим, как скрылась она в одной из туч, нависавших неподалёку. Снова остался Трофим один, да недолго пришлось ему дожидаться. Скоро вернулась хозяйка, но уже с другой стороны той же тучи.

– Держи, Трофим. Теперь она твоя. А лучше сказать, твоя, покуда домой не воротишься.

Трофим осторожно взял шкатулку, которая вновь потяжелела. Он сразу потянулся к крышке.

– Нет-нет! Здесь этого делать не смей. Только тогда откроешь, как увидишь под собой, внизу, крышу своего дома.

– Дома? Выходит, пора мне откланяться?

– Пора. Прощай, Трофим, и ровной тебе дороги.

– Вам тоже моя благодарность. Только спросить осмелюсь, а как мне всё-таки на землю опуститься?

Тётушка Гроза засмеялась.

– Я же сказала тебе: как доплывёт тучка до твоей деревни – тут и открывай шкатулку, и всё тебе будет. Но смотри, держи её крепко, не урони! До самой земли из рук не выпускай.

Трофим кивнул.

– Что ж, пусть сбудется всё по-вашему.

– И ещё запомни, Трофим. Запомни самое главное: если вдруг придёт за этой шкатулкой Гром Небесный, отдай её ему сразу. Не пытайся его обмануть и не жадничай. Пожадничаешь – больше потеряешь. А сделаешь, как я сказала, – и вас, и нас из беды вызволишь.

Та же тучка домчала Трофима домой, да ещё быстрее, чем уносила, доставила к самому солнечному закату. Не успел он оглянуться, как увидел сверху в последних лучах солнца родную деревню, речку, гору, дерево упавшее. Трудно описать, как же обрадовался Трофим. Быстро поднялся он на ноги, с трепетом открыл шкатулку заветную. Разом сверкнуло ослепительно в небесах вокруг, и предстал перед Трофимом красный Огненный Конь. Не сробел Трофим, вскочил на коня, тот описал круг над тучкой и понёсся как с горки вниз. Прямо по воздуху!

В деревне жители, кому случилось выглянуть в окна, только ахнули: и тучка небольшая, с овчинку, а вдруг такая яркая молния! Давненько таких не видали. Дочка Трофима Меланья тоже выбежала из избы, будто что-то её толкнуло. И тут прямо перед Меланьей ударила с неба молния в самую середину двора. Пронёсся грохот, как оглушительное конское ржание, и встал на дворе красный конь с огненной гривой. А с коня соскочил её отец – целый и невредимый, волосы дыбом, борода торчком, да резная шкатулка под мышкой.

– Вот и я, доченька!

Трофим протянул дочери шкатулку, стал прихорашиваться, поправлять растрёпанную бороду. Но тут Конь Огненный вдруг фыркнул паром из ноздрей, тряхнул гривой горячей, на дыбы поднялся. Шарахнулся Трофим в сторону, потянул за собой Меланью. Казалось, здесь бы им и конец, земля не небо, стопчет их враз копытами неукротимый конь небесный. Да только вспомнила Меланья про Сверкающий Кнут в её руке. Поняла догадли-

вая девушка, для кого он предназначен. Удар – и конь попятился прочь, ещё удар – и совсем присмирел, опустил голову.

– Довольно, неразумная, коня погубишь!

Слова эти прогремели как с неба. Мелькнула тень тёмная на дворе, Трофим только ахнул. И встал подле Коня Огненного сам Гром Небесный – усом чёрен, волосом чёрен, платьем – и тем чёрен.

Меланья же ещё больше отца удивилась:

– Откуда ж тебя нелёгкая принесла, Гром-батюшка? Ты же никак ещё вчера в дальний путь собирался.

– Ветра нужного не было, дочь человеческая. Ну, да теперь это и неважно. Верни-ка мне кнут мой, глупая, пока большей беды не наделала. Я ведь предупреждал тебя: береги его да в дело не пускай! Одно тебе прощенье, что сберегла его, как и обещалось.

Но тут Трофим быстро отодвинул плечом Меланью в сторону и поднял с земли то, что велено ему было Небесной Барыней ни в коем случае из рук не выпускать.

– погоди, доченька, речь сперва про мой долг, а не про твой. Пусть примет добром Строгий Господин вот эту резную шкатулочку. А кнут ему возвертать, так я такого слова не давал. Ладно ли будет тебе да мне в сей миг страшный без него оказаться?

– Нет, отец, вернуть кнут – это уже моё обещание! Мне и решать.

Услыша дерзкие слова Трофима, разом вспыхнул гневом Гром Небесный:

– Довольно вздор молоты! Быстро подайте мне сюда и кнут, и шкатулку. Хотите, чтобы я испепелил вас на месте, твари ничтожные?

Трофим остолбенел, только рот разинул. Но Меланья сама взяла у него шкатулку и протянула её разом с кнутом вместе:

– Выбери своей рукой, что тебе в первую голову любо и надобно, Гром-батюшка.

И схватил Гром Небесный первым делом Кнут Сверкающий. Правой рукой – за рукоять, а левой прихватил за самый кончик. Вскинул вверх, словно дугу ослепительную. Но не успел он ещё развернуть плечи, как вскоčila Меланья верхом на Коня Огненного и понеслась вверх под облака.

– Стой! Назад! Верни коня! – загремело ей вслед.

Махнул кнутом Гром Небесный, но Огненный Конь резвее оказался, унёсся туда, где и достать – не достанешь.

Ещё три раза хлестнул своим кнутом в небо Гром Небесный. И вдруг кнут выпал из его руки к ногам и затух, словно месяц, за облаком укрывшийся. А небо над головой загрохотало в ответ раскатами громового конского ржания. Сразу стало тихо. И в той тишине воскликнул Строгий Господин хоть и оглушительно, но без гнева, простым человеческим голосом:

– Не оставляй меня без коня, Свет-Меланья. Сил больше нет моих по земле бродить. Воротись быстрее! Твёрдое моё слово: худа тебе не сделаю!

Неизвестно, как услышала его слова Меланьюшка, но вновь ударила в землю молния, и появилась прямо перед Громом Небесным всадница на Огненном Коне. Взобрался на коня Чёрный Господин позади Меланьи, а догадливый Трофим тут же сунул в руку дочери погасший, но еще тёплый Кнут Сверкающий.

Только и увидел Трофим, как уносится в небо на Огненном Коне его дочь родная вместе со своим спутником, одетом в чёрное платье. Видно, только в этом и могло теперь заключаться для Трофима спасение от всех напастей. Ведь на тучи взбираться – оно выходит себе дороже. Похоже, что именно так и рассудила его дочь разумная.

На том и сказке конец...

Трофим, как и прежде, зажил в своём старом доме, но про нужду теперь и не вспоминает. Хоть и пашет, и сеет он по-прежнему, да только хлебушка теперь у него всегда вдоволь. На поле у Трофима отныне благодать земная. Когда надо – дождь его поливает, а когда надо – солнце освещает. Вдосталь поят его тучи небесные, вдосталь и теплу солнечному открывают. А всё дочь Трофима – Меланья, уж заботой своей она отца не оставляет. Хоть и живёт теперь за облаками, и зовётся не просто Меланья, а Меланья-Молния. Сам Гром Небесный верно ей служит и ходит у неё в подручных.

Демьян же погорелый так и прижился у Трофима работником, но держит себя теперь тихо да всё больше помалкивает. И только каждый раз прячется за хлевами и сараями, когда в самую длинную летнюю ночь, что к концу лета, спускаются с неба на своём коне Молния и Гром, чтобы погостить ночью до зари и повидаться с Трофимом.

**Анна
ЧЕРКАСОВА**

КАК Я...

КАК Я ФАМИЛИЮ ПОМЕНЯЛ

– Вот бы все на свете были Таракановы... – Я пнул рюкзак и сел за парту. – Тогда бы никто не обзывался!

Санёк с сочувствием вздохнул, хотя и не был Таракановым.

– Давай тоже придумаем им прозвища! – предложил он. – Ты видел рисунок Белоногова? Ну он точно «Косоруков»! И Чижова можно Чижиком звать или ещё как-нибудь обиднее придумать. Славка, я тебе помогу!

– Ты настоящий друг! – я улыбнулся. Нижняя губа, слегка разбитая во время недавней потасовки, сразу заныла. – Но тогда ещё больше придётся драться. А меня и так на неделю лишили интернета!

– Ну тогда не обращай на них... – Санёк подскочил, услышав звонок на урок. И уже на бегу закончил фразу: – Не обращай внимания! Что поделаешь – фамилию-то никак не поменяешь!

После урока я торопливо собрал рюкзак, даже не записав домашнее задание в дневник.

– Ты куда спешишь, Тараканов? – вдогонку мне крикнула Марина Николаевна. – Ты бы на уроки так бежал!

– А это у Славика тараканьи бега! – противным голосом заблеял Белоногов.

Все засмеялись, и учительница строго постучала ручкой по столу.

– Мне срочно домой надо, – ответил я Марине Николаевне, одновременно угрожающе сощурив глаза на Белоногова. – Очень срочно.

Санёк догнал меня на крыльце школы.

-
- Анна Юрьевна Черкасова родилась в 1983 году в Красноярском крае. Окончила Сибирский государственный технологический университет по специальности «Лингвистика», «Перевод и переводоведение». Публиковалась в альманахе «Домовёнок», журналах «Понимашка», «Солнышко», Антологии литературы для детей (Красноярск, 2017), сборнике «Гражданам детям» (Волгоград, 2018) и др. Победитель конкурса «Валины сказки», автор сборника «Добрые сказки» (Оренбург, 2017). Вошла в тройку победителей II Международной литературной премии «Перископ-2018» в номинации «Творчество для детей и подростков» (Волгоград). Участница Международного форума молодых писателей в подмосковных Липках в 2003 году, Всероссийского семинара молодых литераторов «Очарованные словом» (Красноярск, 2005).

– Ты чего один пошёл? Обиделся? Но я же не виноват, что Алексеев! Просто папа у меня такой – Алексеев.

– Не обиделся. У меня идея появилась! – Я осмотрелся по сторонам – убедиться, что никто не подслушивает. – Я маму сейчас попрошу, чтобы она мне фамилию поменяла.

– А где она другую фамилию возьмёт? – Санёк от удивления споткнулся и чуть не упал.

– Пусть свою даёт, старую, не папину, – я улыбнулся, гордый своей идеей. – Которая у неё раньше была.

– А какая у неё фамилия?

– Некрасова.

Санёк шмыгнул носом и промолчал.

На следующее утро мне пришлось идти в школу опять Таракановым.

– Не согласилась, – хмуро пояснил я лучшему другу. – Говорит: нормальная фамилия, вот вырастешь – и будь хоть Синепупкиным, а семейную фамилию надо уважать.

– Только не будь Синепупкиным! – не выдержал и фыркнул Санёк. – А то я от смеха умру.

– Но я решил теперь точно, что поменяю фамилию! – Я сжал кулаки так, что почти перестал их чувствовать. – Не буду Таракановым! Будет у меня такая фамилия – самая лучшая на свете фамилия! Чтобы все уважали и боялись!

Весь первый урок я думал, как жить дальше. И даже получил «тройку» за это. Но на перемене меня вдруг осенило, я помчался в столовую и от радости выпил два стакана компота.

– Влетит за трояк? – поинтересовался Санёк, купив за компанию сладкого чая.

– Трояк получил Тараканов! А я больше не Тараканов какой-нибудь.

– А кто?

– Вот увидишь... – загадочно улыбнулся я не-таракановой улыбкой.

Второй урок близился к концу, учительница собирала тетради.

– Тараканов! – вдруг громыхнула она, взяв в руки мою тетрадку. – Это что такое ты тут понаписал на обложке?

Я решительно встал, готовый отразить удар судьбы.

– Я! Больше! Не! Тараканов! – отчеканил я каждое слово.

– А мама с папой в курсе, что ты больше не Тараканов?

– Да, – я немного сник и даже, кажется, покраснел.

– И что, они не против?

– Нет... – Голова вдруг сама вжалась в плечи.

– А может, это родители тебе помогли новую фамилию придумывать?

Я промолчал, не выдержав напора Марины Николаевны.

– Позвоню-ка я твоей маме. Расскажу, как ты в тетради себе новую фамилию приписал, – учительница наклонила голову и улыбнулась. – Пусть подтвердит, что теперь у нас в классе учится не кто иной, как... Вячеслав Человеков-Пауков!

Ну и хохот тут поднялся в классе!

– Человеков-Пауков! – хватались за живот девочки.

– А чего не Халков? – издевался противный Белоногов.

– А друг твой, наверное, Алексеев-Железнодорожников! – выкрикнул Стародубцев и тут же получил учебником по голове от сидящего сзади Саньки.

– Ну и смейтесь! Всё равно не буду Таракановым! И Тараканом, и Таракашкой, и Тараканищем! – Я до боли закусил губу.

– Да уж, теперь точно не будешь! – вздохнула Марина Николаевна и потрепала меня по волосам. – Боюсь, твой класс теперь тебя до пенсии будет звать только Человековым-Пауковым...

КАК Я И САНЁК ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАЛИ

Мама говорит, что я гуляю с утра до вечера. На самом деле это не так. На самом деле я только и делаю, что целыми днями домой бегаю – то на обед, то на ужин, то на полдник. Только мы с Саньком игру придумаем про бой или на берёзу старую залезем, как мама уже кричит:

– Слава, иди домой обедать!

Или только мы выкопаем длиннющий туннель, как непременно слышим:

– Саша, ужинать пора. Завтра доиграете.

Так вот, сидел я раз за обедом, а за окном шли летние каникулы. И опять они шли без меня. Поэтому я скорее дохлебал остатки, показал пустую тарелку маме и побежал к Саньку. Недалеко побежал, в соседнюю квартиру. Потому что Санёк – мой друг лучший – живёт со мной в одном доме, в одном подъезде и даже на одном этаже.

– Так, – говорю я, – дело не пойдёт. Нужно срочно что-то решать с этими завтраками, обедами и ужинами.

– Да, – серьёзно сказал Санёк, – надо что-то решать. Опять морковка в супе!

– Я не про то! Совсем нам погулять не дают, только и зовут есть. Нужно что-то такое придумать, чтобы перестать уже тратить на это столько времени.

Санёк кивнул и быстренько сбегал на кухню – доедать противную морковку с супом. Потому что некогда тут над тарелкой сидеть – нужно строить штаб в палисаднике. Потому что в штабе лучше всего думается.

Построили мы штаб и стали в нём военный совет держать: как нам дальше жить с этой бесконечной едой. Держали совет, держали, пока нас на ужин домой опять не позвали.

И за ужином мне в голову пришёл план, пока мама рассказывала, какая в её деревенском рагу полезная капуста, как хорошо от этого мяса мышцы растут и что от картошки сытость долго остаётся. Я быстренько доел, выскок в подъезд и позвонил в дверь Санька:

– Придумал! – шепнул ему в приоткрытую дверь.

– Я тоже придумал! – Санёк вытер руки о шорты. – Нужно такую таблетку изобрести, чтобы утром проглотил – и весь день сытый. И можно до вечера своими делами заниматься спокойно.

– Можно проще поступить! Нужно всего лишь утром съесть всё, что положено за день съедать. И больше к вопросу еды не возвращаться до следующего утра. Причём отобрать нужно самое полезное, чтобы ни у кого вопросов не было.

Санёк оттопырил вверх большой палец.

– Отличная идея, – шепнул он и многозначительно добавил: – Завтра...

На следующее утро мы с Саньком, к удивлению мам, гулять не попросились. Мы ко мне домой пошли. Просто так удачно совпало, что моей маме надо было в парикмахерскую, и мы могли провести эксперимент. Санёк своей маме пообещал позавтракать у меня, так что всё шло по плану.

Отставив тарелки с кашей в сторону, мы раскрыли холодильник и стали доставать оттуда полезные продукты: морковку, сметану, яйца.

– Интересно, а колбаса полезная? – Это Санёк до верхней полки холодильника дотянулся.

– Вряд ли, – засомневался я. – Слишком уж она вкусная.

Конфеты и печенье мы с Саньком мужественно отложили в сторону. Вопрос стоял принципиальный: съесть надо только самое полезное для здоровья. Над некоторыми продуктами нам пришлось хорошенько подумать. Например, лук, который нужно есть, чтобы не болеть. Да только как же его есть?

– Придумал! – закричал Санёк. В этот раз он сообразил получше. – Надо его блендером измельчить и добавить в остальную еду.

Идея мне понравилась. Лук мы измельчили, добавили в кашу. Туда же покрошили сыр, положили масла, сметаны, яйца разбили сырые. Овощи, конечно, добавили: морковку, огурец, перец. Масла оливкового налили побольше. В качестве мяса решили добавить котлет. Чтобы лучше всё смешалось, часть продуктов дополнительно блендером измельчили. Санёк даже дрожжи подсыпал на всякий случай. Вроде, его мама говорила что-то об их пользе. А может, и о другом говорила...

Наконец всё было готово. Я разложил получившуюся смесь по двум кастрюлькам, потому что порции получились немаленькими и в тарелки не поместились.

Вооружились ложками.

Первым попробовал Санёк.

– Не вкусно!

– Ничего, – сказал я, – зато сейчас съедим – и на целый день уйдём гулять. До завтра уже есть не придётся. Это не для вкуса. Это для дела.

– Может, немного соли добавим? – предложил мой друг.

– Добавь себе, – уступил я, – а я попробую молоком запивать, чтобы лучше елось.

Мы ели, солили, пробовали перчить, запивали то молоком, то водой. Но не одолели и половины.

– Наверное, слишком много полезной еды не помещается в желудке. – Санёк откинулся на стуле, держась за живот. – По крайней мере, с первого раза.

– Да, наверное, нужно постепеннее переходить на новый способ питания.

Я тоже отложил ложку в сторону. Потом медленно дошёл до дивана и аккуратно лёг на бок.

Хорошо, что, когда мама вернулась из парикмахерской, животы у нас болели уже гораздо меньше. А потом приехал на обед папа. Выслушав нашу историю, он спокойно сложил остатки еды в большую сковороду, хорошенько поджарил всё и полил кетчупом. За десять минут от нашего эксперимента папа не оставил и следа.

– Точно, поджарить можно было... – Санёк, лежавший рядом со мной на диване, поморщился. – Даже говорить о еде неприятно.

– И тёплая еда лучше усваивается, – всё же поддержал я беседу.

Я почти уверен, что тёплая еда и вправду усваивается чуть лучше. Только папу это не спасло, и на работу с обеда он не поехал. Оказалось, что его желудок тоже не готов был так резко перейти на новый способ питания.

КАК Я СЕСТРЕ СКАЗКУ ЧИТАЛ

– Ты уже большой мальчик, – сказала мне однажды мама, когда я со школы пришёл, – почитай книжку Соне.

А Соня – это моя сестра. Все в нашем доме её знают. Потому что, когда мы с папой идём в школу, а Соню отводим в сад, она так кричит, что весь дом слышит, что Соня идёт в сад.

А ещё Соня кричит на весь дом, если у неё что-то забрать. Или что-то не дать. Или дать что-то не то. Или если она сама не знает, что ей нужно.

Хотя вообще-то Соня у нас очень умная, говорят воспитатели и другие родители. А я только могу сказать, что играть с ней бывает весело. Пока она своих кукол из коробки не достанет.

В общем, попросила меня мама Соне книгу почитать какую-нибудь детскую.

Я бы, конечно, лучше почитал ей книгу про драку или бой, но сестра выбрала «Теремок».

Сели мы на диван, и я читаю: что вот стоит теремок, не низок, не высок, прилетела муха-горюха и стала в нём жить.

Смотрит на картинки Соня, хмурится, но молчит.

Читаю я дальше про то, как комар-пискун прилетел и просится в теремок жить.

– Комары живут в лужах и на болотах, бабушка говорила, – не удержалась Соня.

– Это сказка, – отвечаю я. – Слушай, что написано.

Читаем дальше, как мышка-норушка прибежала, спросила, кто в теремочке живёт, и тоже попросилась жить. И муха ей разрешила.

– Почему муха отвечает одна, – возмутилась Соня. – Командует теремком?

Тут уж я задумался. Говорю:

– Ну она же первая нашла теремок, значит – она в нём и главная.

Ответ Соню устроил, и она наконец успокоилась. Но тут, как назло, в теремок пришла лягушка. Я ещё только на картинки посмотрел, сразу понял: сейчас начнётся...

– Что лягушки кушают? – спросила Соня меня, когда лягушку-квакушку взяли жить в теремок.

– Жуков, – обречённо ответил я.

– И она сейчас съест муху и комара?

– Соня, это же сказка, тут всё хорошо закончится, никто никого не съест! – ухватился я за соломинку. – Давай дальше читать: «Бежал мимо зайка-попрыгайка, увидал теремок...»

– Так он не поместится в теремке, – перебила меня опять Соня.

– Поместится, – отвечаю.

– Ну тогда ему тесно будет.

– Может, он любит, когда тесно. Ты же в мамин чемодан недавно залезла, сидела долго, вот и ему, может, понравится.

Еле-еле мы с Соней дочитали до медведя, поселив в теремок лису-лесную красу и волка, который волк-зубами щёлк. Когда дошли до медведя, вижу, глаза у Сони загорелись, пальчиками по картинке водит, радуется.

– «...А я медведь-лесной гнёт. Сел на теремок и раздавил его», – закончил я читать сказку.

– Я так и знала! – в восторге замахала руками Соня. – Потому что все не поместятся, а если поместятся – то друг друга съедят. Не бывает такого.

– Эта сказка не для того, чтобы всё как по правде было, – начал возражать я.

– А для чего?

– Сказка жизни учит, – вспомнил я папины слова.

Только вот теперь хожу и сам думаю: теремок разрушен, жить животным негде. И чему эта сказка Соню научила?

Что на дома садиться нельзя – так что ли?

КАК Я БЫЛ ЭКСТРАСЕНСОМ

Однажды мы с Саньком шли из школы. Хоть сентябрь и осенний месяц, но день был таким солнечным, что казался летним. С деревьев опадали листья – жёлтые и красные. Но некоторые были ещё зелеными и всё равно опадали.

И пахло на улице уже по-другому, какой-то свежестью. Мы шли и молчали.

Но вдруг подул ветер, и до нас донёсся запах булочек. На нашем пути была пекарня.

– Может, купим булочек, – сказали мы с Саньком друг другу одновременно.

– Давай, – ответили мы опять одновременно и засмеялись, что так у нас всё одновременно говорится.

Мы направились в пекарню и купили каждый по булочке. Санёк любит булочки с маком, а я – с изюмом.

Шёл я, жевал булочку и думал: как же у нас с Саньком так одновременно мысли сошлись? И тут меня осенило.

– Санёк, – сказал я, – а может, неспроста мы так с тобой одновременно говорили. Может быть, мы мысли читать умеем? Вот было бы здорово, если у нас были бы такие суперспособности.

Санёк чуть булочкой не поперхнулся. Я думал, он смеяться надо мной будет, а он ответил:

– Точно! Может быть, мы экстрасенсы!

Это надо было срочно проверить.

Проверить мы пошли к Саньку домой, у него как раз мамы дома не было. Мы сели на диван и стали думать, как проверить, умеем ли мы мысли читать.

Решили, что я загадаю слово, а Санёк должен будет его угадать.

И вот мы сидим у него в комнате, и Санёк сверлит меня своими серыми глазами.

– Мяч, – говорит. Потом спрашивает: – Ты мяч загадал?

– Нет, – качаю я головой, потому что я загадал боксёрские перчатки, которые у него на полу валялись.

– Ну давай теперь ты угадывай, – сказал Санёк бодро, но было видно, что он расстроился.

Мне его даже жалко стало, что у него способностей нет таких. С другой стороны – это же один случай на миллион, чего расстраиваться? А у меня, может быть, получится.

Теперь я смотрю Саньку в глаза и пытаюсь понять, что же он загадал.

– Аквариум! – догадался я внезапно.

Но Санёк только головой покачал.

– Я, – говорит, – пылесос загадал.

Мы ещё немного подумали и решили, что мы с ним просто не настроились. Санёк свечку притащил, мы её зажгли и на пламя долго смотрели, даже в глазах защипало. Но и это не помогло – опять мы не угадывали слова друг друга.

– Надо представить, что ты – это я, – рассуждал я вслух, когда опять моя очередь настала. – Расслабиться, дышать глубоко и представлять, пока не представлю полностью.

Сам не знаю, откуда у меня такая мысль в голове появилась.

Чтобы мне было удобнее представлять и дышать, мы с Саньком легли на его диван. Я закрыл глаза и стал думать, что вот я лежу у Санька на диване. И это моя комната. И это у меня серые глаза и светлые волосы.

Потом я вспомнил, что дышать надо глубоко.

– Ты тоже глубоко дыши, будем одинаково дышать. Думаю, правильно будет, если вдыхать и выдыхать мы будем одновременно.

Санёк лежал и старательно сопел носом, чтобы я его лучше слышал. Я тоже старался громко дышать. А дышать громко и глубоко при этом – не такая простая задача, кстати.

Но я очень старался. И мне показалось, что я и вправду Санька. И что у меня в руках мяч. Я его подкинул и как-то пну ногой, чтобы он подальше улетел. А он попал в аквариум, и раздался громкий звон. У меня даже уши заложило.

Я вскочил с дивана. В дверь кто-то звонил. Санёк лежал на диване и ничего не слышал.

– Санёк, – позвал его я. – Что это звонит?

Санёк резко сел. Посмотрел на меня так, словно я – это не я, и вообще он меня первый раз в жизни видит. Потом потянулся, зевнул и пошёл в коридор.

– Это мама в дверь звонит, с работы вернулась.

В общем, оказывается, что это мы уснули с ним, пока дышали. Пришла мама Санька, увидела свечку и отругала нас, что мы с огнём играли. Мне пришлось домой идти, уроки готовить.

Так мы и не угадали ничего из-за того, что уснули.

Я вечером папе рассказал про то, как нам с Саньком на улице одна и та же мысль пришла и что её одновременно сказали вслух. Папа меня выслушал серьёзно, а потом вот что сказал:

– Просто вы с Саньком лучшие друзья. И прекрасно друг друга знаете.

Теперь я много думаю об этом – что мы с Саньком такие хорошие друзья. Он же мой лучший друг – это точно. Но всё же было бы здорово иметь ещё и какую-нибудь суперспособность. Хотя бы предметы силой мысли двигать...

**Анна
ХАРЛАНОВА**

ДОБРЫЕ РАССКАЗЫ

Героиню этих историй зовут Наташа, для друзей и домашних – Тася. В некоторых рассказах этой девочке 6 лет, в других – восемь и даже десять. У неё чёрные кудрявые волосы, и это ей не нравится, а ещё она смуглая и весёлая, живёт в селе Доброе и постоянно попадает в забавные ситуации.

Поясню, что времена здесь описаны «доайфонные», когда Гимн Советского Союза знал каждый ребёнок, не говоря уже о взрослых, а «светлое будущее» должно было вот-вот наступить, со дня на день. Родители, читая эти истории, погружаются в собственные воспоминания, а их дети просто следят за приключениями Наташи, заодно узнавая новые слова. Вы удивитесь, но современные школьники слабо представляют, кто такие пионеры, Ленин и что такое магарыч.

Всего рассказов двадцать шесть, представляю вашему вниманию три из них.

БИКАЁЖКИ

Наташа сидела за столом и теребила свои кудряшки. Никакого настроения не было. В школе задали написать сочинение по картине Алексея Саврасова «Грачи прилетели». Репродукция картины в учебнике показалась девочке серой и безрадостной. Старая колокольня хоть как-то разнообразила унылый пейзаж. На голых ветках деревьев прилепились грачиные гнёзда. Внизу – грязный снег, над горизонтом – сизое небо. И только в правом верхнем углу картины были светлые пятна, должно быть, художник намекнул, что тучи рассеются. Когда-нибудь. И наконец выглянет солнце. И наступит настоящая весна, душистая, в клейких зелёных листочках, с толстенькими шмелями в молодой траве... Скорей бы.

-
- Анна Харланова (Анна Павловна Чернышёва) родилась в селе Доброе в 1980 году. Окончила Литературный институт (проза, курс В.В. Орлова). Автор трёх книг. Победитель нескольких всероссийских и международных конкурсов, в т.ч. «Во славу Бориса и Глеба», «Золотое перо Руси», «Русский STIL» и др. Публиковалась в журналах «Юность», «Подъём», «День и ночь», «Балтика», «Симбирск», «Формаслов» и др. Член СРП (Союз российских писателей), МГП (Международная гильдия писателей), ТО ДАР (творческое объединение детских авторов). Живёт в Липецке.

Сочинение – это же ужас что такое, разве можно так мучить детей в начальной школе? Нравится художникам рисовать – на здоровье, лишь бы другим не во вред. Так ведь нет, понарисуют всякого, а ты потом ломай голову, придумывай, что художник имел в виду, пиши сочинение.

Мыслей никаких не было, поэтому Наташа стала смотреть в окно. Жили они в деревянном доме на берегу реки Воронеж. Из окна детской открывался вид на раскинувшиеся до самого горизонта поля и реку, по которой плыли путешественницы-льдины. Хмурое небо отражалось в тёмной воде.

«Эх, когда же наступит весна!» – подумала девочка. Зацветёт вишня под окном, а потом жасмин у соседней пахнуть будет так головокружительно, что хоть ложкой ешь, и они поедут на папином мотоцикле в лес, любоваться пушистыми, словно бархатными, самсончиками, похожими на крупные колокольчики. Подснежники в их лесу не росли, наверное, не любили соседство с соснами, поэтому первые цветы были самсончики. Их никогда не рвали: природу надо беречь, говорил папа. Но и про осторожность не забывать, потому как цветут они в самое змеиное время. В основном, конечно, попадают ужи, но можно наступить и на ядовитую гадюку. Тут смотри в оба: есть ли на змеиной голове оранжевая полоска или нет. Если нет – берегись!

Унеслась Наташа в воспоминания, улетела мыслями из комнаты, из зимы, но что-то её вернуло обратно. Что? Слабое жужжание раздавалось из-за занавески на соседнем окне. Мама вчера мыла полы да так и забыла опустить с подоконника тюль. Наташа осторожно приподняла белую лёгкую ткань, и вдруг из-под неё к самому потолку взмыла стая божьих коровок!

«Бикаёжки!» – обрадовалась девочка. Называла она их с самого детства так, бикаёжками. Некоторые были такими юными, что на их крылышках ещё даже не появились чёрные точки! Божьи коровки кружились вокруг люстры, словно красные бусины, а Наташа зачарованно смотрела на них и не верила своим глазам. А потом вспомнила, как Бабмаруня говорила осенью, что многие насекомые найдут приют в их деревянном доме. Вот, значит, и божьи коровки перезимовали, проснулись раньше времени и летают теперь по комнате.

Малыши вскоре устали и приземлились на подоконник. А Наташа тихонько накрыла их занавеской и подумала: «Вот и весна пришла, раз божьи коровки прилетели!» И вдруг ей придумалось стихотворение:

*На божьих коровках – не пятна чернил,
Никто их не пачкал и точно не бил.
Быть может, веснушками луч наградил?
А кто-нибудь их – доил?*

«Ужас какой! – подумала Наташа и схватилась за голову. – Я, что, теперь тоже поэт? И моими стихами будут мучить детей?» Эта мысль её напугала, и про стих Тася решила никому не рассказывать. Вдруг обойдётся.

А ТЫ НЕ БОИШЬСЯ?

Случается в жизни счастье! Внезапное, бескрайнее, с волнами и криками чаек – море. Впервые Наташа увидела море в Крыму, на закате. И у неё перехватило дыхание, а голова стала такой лёгкой, как облачко в летний день.

– Папа, – сказала Тася, – это такое оно, море?

– Такое, – так же тихо ответил отец.

Они стояли рядом на песчаном берегу. Смотрели вдаль. Рядом ходили жирные, как гуси, чайки, пронзительно кричали и беспардонно заглядывали в глаза.

Два дня ехали в Крым на машине папиного друга, останавливаясь в посадках, то собирали абрикосы, то шелковицу. Рот и пальцы у Наташи были чернильного цвета, но платье чудом не испачкалось. Ели тушёнку с хлебом. Ночевали в палатке. Бродили в мелком солёном озере, которое встретилось на пути. Озеро было с белыми берегами, густое, с прозрачной водой, освежающей прохладой. Хорошо, что не искупались целиком! Потом вылили на себя всю припасённую воду, чтобы смыть соль, щипало кожу так, словно сто комаров разом грызли ноги.

Пока нашли место в палаточном лагере у Евпатории, пока поставили палатку и сварили суп, Наташа ждала. Но с последней ложкой горячего её терпение лопнуло.

– Ну же, папа, посмотрим море!

Мама осталась вместе с папиным другом и его женой, а Тася взяла папу за руку и потащила – «скорей-скорее-поторопись» – через палаточный лагерь, в котором кипела жизнь, в котором палатки разных цветов и размеров сменяли друг друга, и бегали дети в одних трусишках, и ели персики, и сок стекал по рукам и капал с локтей на шершавые пыльные колени. А в стороне от человеческих троп столбиками торчали суслики – по двое, по трое, группками появлялись и исчезали то здесь, то там. «Эх, доберусь я до вас! – думала Наташа. – Только до моря, до моря сперва!» И волокла-тащила-поторапливала папу: «Ну что же ты, папа, такой большой, такой тяжёлый, уж прибавь ходу, добавь скорости своему сорок второму размеру ноги! Я со своим тридцатым обгоняю».

И вот наконец – море.

И до чего же жирные эти чайки! Прямо как собаки хорошие. Да на них верхом можно ездить! Если поймать. Полетать бы на чайке над морем, над самой водой, над пеной на гребешках волн, дотронуться кончиками пальцев до брызг – и взмыть в небо с пронзительным мяукающим криком: «Крау! Крау» – тоже мне, помень вороны с мартовским котом! Ну и смешные эти чайки! Ну и горластые!

Долго стояла девочка на берегу, смотрела, как бледнеет розовое облако у горизонта, как сам горизонт стирается, исчезает в летних сумерках, как море из бескрайнего становится бесконечным, соединяясь с небом на эту июльскую ночь. Отец стоял рядом. Не торопил. И курил папиросы, сплёвывая в песок.

Утром так шумно и весело стало вокруг, что будильник не нужен – просыпаешься и бежишь купаться-загорать, собирать гальку и ловить прозрачных скользких медуз. Мама расстелила на капоте машины простыню и раскладывала на ней половинки абрикосов для сушки. Маму больше интересовал обед и чтобы Тасе голову не напекло и плечи не сожгло солнцем. «Вырасту – лучше стану папой!» – решила Тася, запрыгивая верхом на отца с криками: «И-го-го! Вези меня, морской конь!» И папа послушно вёз её прямо в волны, и только там взбрыкивал, скидывал в воду и принимался брызгаться и фырчать. «Вот это я понимаю, – думала Наташа, – умеет человек отдыхать!» И тоже фырчала и плескалась и пыталась повалить отца в море.

Но мама сердилась. И папа с виноватым видом шёл разводить примус и делать другие скучные дела. Пришлось Наташе оглядеться и подружиться с детьми, которых на пляже была тьма-тьмущая.

– А ты видела чудо? – спросил мальчик Ваня с обгоревшим, шелушащимся носом.

– Нет, – удивилась Наташа, – а какое?
– Смотри! – гордо сказал Ваня и – пошёл по воде.
– Ух ты! – завизжала Тася. – Я такое в фильме видела, я знаю, это не чудо никакое, это коса песчаная!

И тоже побежала вслед за Ваней, словно бы по воде. И вот забежали они далеко от берега.

– Нравится? – спросил Ваня и заглянул Наташе в глаза своими водянисто-прозрачными и нос так смешно сморщил свой обгорелый.

– А то! – кивнула Тася.

И тут Ваня взял и всё испортил. В один миг всё перечеркнул: и счастье, и их неокрепшую дружбу, и морские купания. Он спросил:

– А ты не боишься крабов? – И посмотрел куда-то вниз.

Вот так вот, как обухом по голове: не боишься, мол, крабов?

– Каких... крабов? – уточнила Наташа и тоже посмотрела вниз.

Они стояли в лучах солнца почти посреди моря, как два ангела на воде, волны трепыхались где-то в районе их щиколоток, а сквозь солнечные блики и морскую пену, присмотревшись, Наташа увидела, как вздувались бугорки песка возле её ступней, как похожие на морских пауков крабы выползали из своих нор и подбирались к ней всё ближе и ближе...

– А-а-а! – не помня себя от ужаса, Наташа побежала в сторону моря.

– Стой, не туда! – крикнул вслед злой мальчишка. – Поворачивай!

И Тася, круто развернувшись, сорвалась с косы и с головой ушла под воду, вынырнула, вскарабкалась обратно, стараясь не думать, что там, внизу... И побежала на берег по волнам, по песчаной косе, по крабам-паукам, по солнечным бликам и по краю ужаса, охлаждающего спину даже в жаркий день.

Больше Наташа в море не купалась. «Слишком мокро», – сказала она маме и пошла переворачивать подвялившиеся с одной стороны абрикосы. А потом она ела свежий миндаль, кидалась камушками в чаек, гоняла сусликов и на всякий случай смотрела под ноги: а вдруг там...

НЕЗЕБРЫ

Бабушка Маруня любила повторять: «Благими намерениями...» – и порой добавляла: «...вымощена дорога в ад». Наташа думала, что это у неё от старости, а потому не обращала никакого внимания на её присказку.

Прошлым летом папин друг, дядя Вася, сломал ногу. И ладно бы папа наложил ему гипс, похлопал по плечу и сказал: «До свадьбы заживёт». Так нет. Папа решил сделать больше.

У дяди Васи была пасека. Как теперь узнала Наташа, пасека – это пчелиный город. Ставят несколько ульев где-нибудь возле цветущего поля, и пчёлы собирают нектар, делают мёд и складывают его в соты, чтобы потом люди всю зиму могли пить чай с мёдом и не болеть. У папиного друга было много ульев. И, оказывается, надо следить, чтобы не завелась в улье вторая королева, как иногда называют пчелиную матку, потому что тогда пчёлы начнут роиться, улетят из улья, вместо того, чтобы собирать нектар. А ещё надо следить, чтобы пчёлы не заболели, а ещё надо окуривать ульи специальным дымом. Дядя Вася всего этого делать временно не мог и очень переживал, что пасека погибнет, так что пришлось папе его выручать.

Всё прошлое лето отец читал книги по пчеловодству, ездил на пасеку и регулярно встречался с другом, который давал дельные советы. Папа спра-

вился отлично, пчёлы не заболели, не разлетелись и заготовили много мёда, ко времени сбора которого папин друг уже выздоровел и сам качал мёд, угостив, конечно, и папу. И всё бы хорошо. Двух трёхлитровых банок их семье хватило на всю долгую зиму. Но дядя Вася решил «отблагодарить» так отблагодарить» и подарил папе два улья. Уж лучше бы он подарил ему зебру. Тоже полосатая, но не жалит. Но он подарил пчёл. И началась у Наташи чёрная полоса в жизни. Потому что пчёлы – это вам не зебры. Незебры, я говорю!

Ульи отец поставил прямо рядом с домом, по пути в уборную, которая находилась в конце огорода. Пчелиные домики были похожи на синие ящики с дыркой в боку. Под дыркой была маленькая ступенечка, на которую приземлялись отяжелевшие от нектара пчёлы. Их штанишки были ярко-жёлтыми, пушистыми от налипшей пыльцы. Полосатые труженицы заползали внутрь улья, где складывали свою добычу в восковые ячейки и, наполнив, каждую запечатывали. В это время другие, более молодые пчёлы, кормили пчеломатку, которая откладывала яйца и личинок, которые из них вылуплялись. Это был настоящий детский сад! Обо всём этом рассказал Наташе отец. Теперь она знала, что обычно пчела живёт недолго, около месяца, что собирать мёд летят опытные взрослые пчёлы примерно на двадцатый день своей жизни. А старых пчёл отправляют на самую опасную работу – за водой, и большинство пчёл погибает именно при заборе воды.

«Бедные пчёлочки, как им трудно живётся», – думала Наташа, когда пила чай с мёдом. Тогда она про пчёл только слышала от отца, но близко к ним не подходила.

И вот когда Наташа, ещё ничего не имея против полосатых тружеников, впервые пошла в туалет мимо ульев, сразу несколько пчёл запутались в её кудрявых волосах, ужалили Тасю в ухо и шею, отчего те опухли, да так, что уже через пять минут девочка стала задыхаться. Хорошо, что папа – доктор, и что он оказался дома и сделал нужный укол, иначе мне не о ком было бы сейчас писать эту книгу. Но всё обошлось. Теперь в туалет Наташа ходила в лыжной шапке даже в самую жаркую жару. И каждый поход был смертельно опасен для маленькой смуглой девочки. И так продолжалось целое лето.

Потом ульев у отца стало больше, они уже не помещались возле дома, и папа отвёз их к знакомым в соседнее село, у тех был дом с садом на самой окраине, а дальше шли поля гречихи и подсолнечника, самые медоносы. Отец ездил на свою пасеку на мотоцикле и иногда брал с собой Наташу, которая к пчёлам, конечно, и близко не подходила. Дорогой она сидела в люльке, обязательно в шлеме для безопасности. Но всё равно на скорости от ветра свистело в ушах. И казалось, что летишь. И запах цветущих полей врывается в ноздри, оглушая ароматом. А поля были и слева, и справа, тянулись до самого горизонта, весёлые жёлтые подсолнухи сменяли поля белые гречишные и голубые – льна.

– Разве можно от этого уехать?! – сказал однажды папа, когда они были на пасеке. – Воздух-то какой сладкий. А в городе асфальт и толпы людей.

– А зебры в этом городе есть? – спросила Наташа.

Отец улыбнулся и погладил её по голове.

– Есть, наверно, в зоопарке. Но ведь это чужие зебры. А тут всё – своё.

Только потом Наташа узнала, что отца приглашали работать в московскую больницу, но он отказался. И ни разу она не слышала, чтобы он об этом пожалел.

**Александр
ЧЕРВЯКОВ**

ПОЧЕМУ «ЛУЧИК»?

– Ну почему «Лучик»?

Нам такой вопрос задают иногда. И дети, и взрослые.

– Ведь вы же журнал для школьников! Познавательный! А название «малышачье», детсадовское. Вы бы ещё назвали себя «Чебурашка» или «Солнышончик»! Ну, просто несерьёзно даже...

Мы с такой формулировкой не согласны. Категорически. Потому что название у нашего журнала самое что ни на есть серьёзное.

Давно – не сказать, чтобы «давным-давно», но довольно давно – а именно 90 лет назад, в 1930 году, был создан очень серьёзный «взрослый» журнал «Литературная учёба», а сокращённо, по первым буквам – «ЛУЧ». Создателем и первым главным редактором этого журнала был знаменитый писатель Максим Горький. Рассказ «Воробышко» чита-

ли в школе? Или «Случай с Евсейкой»? Или «Детство»? Вот это тот самый Горький и есть. А журнал создавался для того, чтобы печатать рассказы и стихи начинающих авторов, а также обсуждать их произведения, сравнивать, критиковать, короче говоря – учить. Как писать нужно, а как писать не нужно. Как сделать свою книгу интереснее, сюжет – увлекательнее, героев – ярче. Как найти своего читателя. В общем, замечательный журнал, правильный. И очень многие писатели свои первые произведения опубликовали именно в «Литучёбе», то есть в «ЛУЧе».

А потом возникла мысль: а что если сделать отдельный журнал для детей? Ведь

Обложка журнала «Лучик»

многие ребята тоже любят сочинять разные истории, сказки, стихи. Почему бы не сделать для них отдельное литературное издание? Так у журнала «ЛУЧ» появился «ребёнок» – и назвали его, как вы уже, наверное, догадались, «Лучик». А главным редактором журнала стал писатель и литературный критик, а по совместительству папа двух замечательных детей – Лев Васильевич Пирогов.

Сначала «Лучик» был чисто литературным журналом. То есть публиковались в нём только рассказы и стихи, а ещё рисунки. Это было здорово, но не совсем. Почему? Да потому, что дети бывают самые разные. Кто-то любит литературу, а кто-то не очень. Кто-то сочиняет стихи и рассказы, а кто-то больше любит футбол, конструктор «Лего» или компьютерные игры. Или вообще математику! Получалось, что «Лучик» – журнал как бы «не для всех». И тираж у него был небольшой, меньше тысячи экземпляров в месяц.

Тогда было принято очень важное решение – «пустить» на страницы журнала самые разные материалы. Чтобы, кроме стихов и рассказов, там появились ребусы и весёлые комиксы, а также статьи обо всём на свете. О путешествиях и приключениях, о таинственных случаях и загадочных историях, об удивительных доисторических животных, о географии и космосе, да даже о физике и химии! В журнале даже было опубликовано специальное обращение к читателям: «Напишите, о чём вы хотели бы прочитать в нашем журнале? Ответы на какие вопросы хотели бы узнать?». И дети ответили! В редакцию пришли тысячи самых разных – и непростых! – вопросов от мальчиков и девочек: «Почему вода в море солёная? Откуда в море соль?»; «Почему летает самолёт?»; «Почему надо ходить в школу и там со всеми дружить?»; «Как получать пятёрки?»; «Почему мы растём?»; «Почему человек устаёт?»; «Почему взрослые говорят, что сахар вредный?»; «Почему галактики плоские?». И даже «Почему в метеоритах не встречается медь?» и «Что такое квантовая физика?».

Сказать по правде, сотрудникам журнала пришлось очень нелегко – вопросы и сами по себе непростые, а ответы надо было дать так, чтобы они были понятны детям, ученикам начальной и средней школы. Которым по восемь-девять лет, в лучшем случае, по одиннадцать-двенадцать! А тут – квантовая физика! Но... Как говорится в старой поговорке, «назвался груздем – полезай в кузов». Раз пообещали ответить на вопросы ребят – значит, надо выполнять обещанное, как бы ни было трудно.

И у журнала получилось! Из чисто литературного издания «Лучик» превратился в нечто другое: в познавательный журнал «про всё на свете» для детей и их родителей. Журнал, в котором можно найти кучу интересного – и ребусы, и комиксы, и ответы на вопросы читателей, и стихи, и рассказы, и загадки-перевёртыши. Читатели журнала узнали и про древних гигантских бегемотов, живших на севере Европы, и про страшное жеводанское чудовище, и про то, какие отметки в школе были у Александра Сергеевича Пушкина, и про древнегреческую фалангу, и про философа Сократа, и про смертельно опасную геометрическую задачу египетских жрецов, и даже про то, как построить самодельный телескоп. У журнала получилось рассказать доступно, понятно и с юмором о таких, казалось бы, непростых «взрослых» вещах, как квантовая физика, теория хаоса, теория катастроф, четырёхмерное пространство-время... И в итоге «Лучик» стал любимым журналом у многих школьников и их родителей – настоящим другом, советчиком, помощником в учёбе.

В 2018 году проводился большой конкурс «Волшебное слово». На этом конкурсе «соревновались» между собой журналы и газеты для детей со всей страны. Почти сто разных журналов и газет, представляете? Финал конкурса проводился в знаменитом детском лагере «Орлёнок» на Чёрном море. Причём на конкурсе было не одно жюри, а целых два – одно взрослое (в котором были разные учителя, психологи, литературные критики, художники и так далее), а второе – детское (в которое вошли только мальчики и девочки от восьми до четырнадцати лет). Никаких взрослых. И правильно – ведь кому как не детям лучше всего знать, какой журнал им понравится больше других? Когда стали известны результаты, все очень удивились. Потому что думали, что у взрослого жюри будет один победитель, а у детского – наверняка другой. Но и взрослое, и детское жюри в качестве лучшего детского журнала России 2018 года единогласно назвали «Лучик»! Причём взрослые прежде всего хвалили журнал за научность и высокий уровень русского языка (что не удивительно, ведь «Лучик» всё-таки «ребёнок» знаменитой «Литучёбы»), а дети – за интересные понятные статьи и умный юмор.

С кем же вы встретитесь на страницах «Лучика», когда возьмёте журнал в руки и откроете?

Прежде всего – собственно с Лучиком. Да-да, с самым настоящим! Лучик – главный герой журнала, любопытный, непоседливый, немного непослушный мальчишка. Он обожает задавать вопросы, разгадывать загадки, слушать рассказы о путешествиях и приключениях. А бывает, что и сам попадает в какое-нибудь приключение! Иногда на помощь Лучику приходит его одноклассница Веснушка, большая озорница и весёлая выдумщица. Иногда читатели журнала спрашивают: сколько же Лучику и Веснушке лет? В каком они учатся классе? А ответ прост: им ровно столько лет, сколько лет маленькому читателю, открывшему журнал. Читателю семь – и Лучику семь. А если читателю десять – то и Лучику десять. Лучик – твой сверстник и одноклассник, сколько бы лет тебе ни исполнилось!

Однако без взрослых в журнале тоже не обойтись! Ведь если кто-то задаёт вопросы, кто-то должен на них отвечать, не так ли? Самый главный взрослый в «Лучике» – это, конечно же, суровый и бородатый Главный Редактор. На самом деле суровым он только кажется – должность у него такая. А человек он добрейший! В журнале он обычно отвечает на самые-самые непростые вопросы. С вопросами типа «как получать пятёрки» и «почему в школе надо со всеми дружить» – это к нему.

А вот Крит Критыч – он добрый и улыбчивый «со всех сторон». И снаружи, и изнутри. Характер у него романтический, сентиментальный, и он лучше всех в журнале разбирается в стихах и прозе, в литературе и русском языке. Ну, и вообще в языках – древних, современных и так далее.

Мариванна – она и в «Лучике» Мариванна. Стопроцентная учительница: немного суховатая, строгая, педантичная, требовательная, но знающая очень-очень много и способная рассказать про это «много-много» так, чтобы понял каждый ребёнок в классе. В журнале «заведует» физикой, математикой и другими точными науками.

Душа журнала и «всенародная мама», которая всех любит и жалеет, – это Дорогая Редакция. Она обожает всё милое и приятное (в том числе котиков), больше всех беспокоится о Лучике и меньше всех ругает его за проделки. Очень любит сладости – и сама весьма недурно их готовит! Кстати, это именно она научила Лучика варить искусственный мёд в одном из номеров.

Главный эксперт по творческим делам, прежде всего по живописи и музыке, – элегантный и чуть-чуть рассеянный Леопольд Кисточкин. С ним

интереснее всего беседовать о художниках и картинах, о музыке и музыкантах, о скульптуре и архитектуре.

Однако, конечно же, самые главные герои «Лучика» – это ребята, которые присылают свои рассказы, стихи и рисунки. Которые задают те самые каверзные вопросы, из которых рождаются интересные статьи. Которые присылают ответы и решения ребусов и задач, высказывают своё мнение и обсуждают разные (часто очень непростые!) темы в рубрике «Детсовет». «Лучик» был, есть и будет журналом для начинающих авторов – хотя, конечно же, публикуются далеко не все рассказы и стихи, которые присылают в редакцию. Только самые-самые лучшие!

Само собой, материалы «Лучика» можно почитать не только на бумаге, но и в Интернете. У журнала есть собственные группы на «Фейсбуке» и «ВКонтакте», канал на «Яндекс. Дзен», наконец, обычный сайт, с которого можно совершенно бесплатно скачать номера журнала в электронном виде. Так что познакомиться с «Лучиком» не просто, а очень просто – стоит только захотеть!

**Валентина
КОРОСТЕЛЁВА**

ЗОЛОТЫЕ ФАНТАЗИИ АЛЕКСАНДРА ГРИНА

Над глубоким и широким морем замечательной русской литературы вот уже почти сто лет реют алые паруса произведений Александра Грина. Говорят, что самое первое слово, которое маленький мальчик Саша Гриневский сложил из букв, было «море».

В небольшом городке Слободской, что и ныне здравствует на вятской земле, никакого моря не было и в помине, но в сердце Саши рано проснулась тоска по всему сказочному и необъятному, по всему, что будило его воображение, примиряло с неласковой действительностью.

Его мать умерла, когда Саше было всего 13 лет. Мачеху он не мог принять сердцем. Эта обида на судьбу сделала его колючим, он плохо уживался с товарищами по школе и учителями. «Друзей у меня не было», – вспоминает он. И оттого ещё более желанными были для него уходы в мир фантазии, где он мечтал о далёких странах и удивительных путешествиях, где есть место замечательным подвигам во имя добра и любви.

Окончив в 1896 году Вятское городское училище, подросток Саша Гриневский уезжает в Одессу. В своей «Автобиографической повести» он пишет: «С шестью рублями в кармане, с малым числом вещей, не умея ни служить, ни работать, узкогрудый, слабосильный, не знающий ни людей, ни жизни, я нимало не тревожился, что будет со мною. Я был уверен, что сразу поступлю матросом на пароход и отправлюсь в кругосветное путешествие».

Однако скоро только сказка сказывается. Для начала пришлось устроиться на судно матросом и плавать от Одессы до Батуми и обратно, потом – по Волге. В дальние страны Александра не брали по причине слабого здоровья. К тому же тяжёлая работа матроса, полуголодное существование и ограниченный маршрут никак не сочетались с его мечтами о дальних

-
- Валентина Абрамовна Коростелёва родилась в Кирове. Окончила Литературный институт им. Горького. Стихи, а позднее рассказы и очерки о русских писателях публиковались во многих «толстых» и «тонких» журналах, звучали на радио. Изданы 22 книги, из них 13 поэтических (в том числе в Болгарии). Член Союза писателей России, лауреат Международных литературных конкурсов имени Андрея Платонова, «Добрая лира», «Литературная Вена», «Слово-2017», ряда конкурсов за рубежом (Вена, Берлин, Нью-Йорк), а также им. Фёдора Тютчева и Андрея Белого. Живёт в Балашихе (Подмосковье).

морях и экзотических странах, о которых он так много читал в юные годы. И хотя однажды он всё-таки доплыл матросом до Александрии – ни Сахары, ни другой экзотики Александр в Египте не увидел. Оказавшись на окраине города, он посидел у пыльной дорожной обочины и вскоре вернулся в порт: ждала работа. Ожидаемого чуда не произошло. Оставалось снова отдаться богатому воображению и прихотям судьбы.

«Я был матросом, грузчиком, актёром, переписывал роли для театра, работал на золотых приисках, на доменном заводе, на торфяных болотах, на рыбных промыслах; был дровосеком, босяком, писцом в канцелярии, охотником, революционером, ссыльным, матросом на барже, солдатом, землекопом...» – вспоминал Александр Степанович.

Но творческая натура брала своё, и неслучайно Грин тепло вспоминал об уральском лесорубе Илье, который днём учил его работе на лесосеке, а вечерами просил рассказывать сказки. Скоро Грин перебрал все сказки, что были в памяти, и невольно стал сочинять свои, благо воображение само подсказывало сюжеты. Оставалось научиться владеть литературным словом...

Однако пока жизнь не особенно благоволила будущему писателю, она подбрасывала всё новые, чаще всего крутые повороты судьбы, как будто стремилась наполнить копилку его памяти для будущего творчества. В конце концов впору было описывать в романе собственную жизнь. Да вот, посудите.

Он несколько раз бежал: в детстве – из дома, потом – из царской армии, которая никак не способствовала его вольнолюбивым устремлениям. Однако был пойман, но зимой 1902 года бежал вторично, после чего ушёл в революционное подполье. На следующий год был арестован за агитацию среди матросов в Севастополе, снова пытался бежать, в результате попал в тюрьму на целых два года. Но поскольку и дальше продолжал приближать революцию, то в 1906 году опять угодил под арест, был выслан в Сибирь, но сумел бежать в Вятку, на родину, и уже с паспортом на другое имя перебрался в Москву.

Такая вот бурная биография, подарившая Александру Грину большой значенный материал, хотя в душе он оставался тем же романтиком. Только сначала верил в светлое будущее, что должна принести народу революция, а когда жизнь разочаровала и в этом, понял, что будет писателем. Он сам создаст мир добрых и отважных людей, которые не только верят в своё счастье, но и сами борются за него. Так в русской литературе появился Александр Грин. И естественно, что в первых его произведениях нашли отражение годы, связанные с его политической деятельностью. Неслучайно в прозаическом сборнике «Шапка-невидимка» был подзаголовок: «Рассказы о революционерах».

Интересно, что самую известную романтическую повесть «Алые паруса» Грин начал писать в очень непонятное и тревожное время, когда свершалась Октябрьская революция. Кстати, в связи с этим вовсе не случайным видится алый цвет сказочных парусов. (Вспомним красных коней Петрова-Водкина.) Хотя красный у нас издавна воспринимался как «красивый». Вообще же цвет (а иначе вряд ли и может быть в романтическом произведении) играет очень большую роль, и уже поэтому язык Грина явно отличается от привычной нам прозы.

Вот небольшой отрывок из «Бегущей по волнам»:

«Когда солнце стало садиться, увидели остров, который ни на каких картах не значился; по пути «Фосса» не мог быть на этой широте остров. Рассмотрев его в подзорные трубы, капитан увидел, что на нём не заметно ни одного дерева. Но был он прекрасен, как драгоценная вещь, если поло-

жить её на синий бархат и смотреть снаружи, через окно: так и хочется взять. Он был из жёлтых скал и голубых гор, замечательной красоты».

Да, краски, да, природа, но и сами чувства главных героев словно поднимают человека над грешной землёй, а где и свет, и тишина, и цвет, и любимейшее автором море – там не может не быть музыки. И всё это пленит читателя, особенно в юности, и остаётся в памяти прекрасной сказкой на всю жизнь.

«По-видимому, началась своего рода «сердечная мигрень» – чувство, которое я хорошо знал, и, хотя не придавал ему особенного значения, всё же нашёл, что такое направление мыслей действует как любимый мотив. Действительно – это был мотив, и я, отчасти развивая его, остался под его влиянием на неопределённое время».

А книга вышла к читателю в 1923 году. Он словно уходил от реальных событий в свой придуманный мир, куда более справедливый и гуманный, и звал за собой других. История Грея и Ассоль не оставляла равнодушными никого, кто жаждал света, доброты и любви. Главный герой повести не только ищет в жизни прекрасное, но старается и сам созидать его, и потому Ассоль не могла не ответить романтическому сердцу Грея, ведь она тоже стремится ко всему, что несёт радость жизни, что освещает и возвышает душу.

«...Теперь мы отойдём от них, зная, что им нужно быть вместе одним, – обращается к читателям Грин. – Много на свете слов на разных языках и разных наречиях, но всеми ими, даже и отдалённо, не передашь того, что сказали они в день этот друг другу».

А вот какие строки Грин посвящал жене Вере Калицкой:

*В дни боли и скорби, когда тяжело
И горек бесцельный досуг,
Как солнечный зайчик, тепло и светло
Приходит единственный друг.*

*Как мало он хочет, как много даёт
Сокровищем маленьких рук,
Как много приносит тепла и забот
Мой милый, единственный друг.*

*Как дождь, монотонны глухие часы,
Безволен и страшен их круг.
И всё же я счастлив, покуда ко мне
Приходит единственный друг.*

*Быть может, уж скоро тень смерти падёт
На мой отцветающий луг,
И к этой постели, заплакав, придёт
Всё тот же единственный друг.*

Строки эти говорят не только о глубоком и чистом чувстве, но и о широте творческого дарования Александра Грина.

После того как в 1924 году был опубликован роман «Блистающий мир», Грин переехал на юг, в Феодосию. Позднее, работая над романом «Дорога никуда», перебрался в город Старый Крым, а в начале лета 1931 года, уже будучи больным, он посетил в Коктебеле поэта и художника Максимилиана

Волошина. Дорога эта от одного романтического сердца к другому с тех пор стала называться «тропюю Грина».

Самым последним произведением, написанным Александром Степановичем, стала «Автобиографическая повесть», где он рассказывает о своей жизни уже сугубо реалистически, то есть как всё было в его судьбе на самом деле. И этому были причины, поскольку вокруг его имени и биографии, действительно богатой и разнообразной, ходило множество легенд, в том числе со знаком «минус». Так, одна из близких знакомых второй жены Грина при встрече ей открывала такие «тайны»:

«Нина Николаевна, к вам неравнодушен Грин... Берегитесь его, он опасный человек: был на каторге за убийство своей жены. И вообще прошлое его очень тёмное: говорят, что, будучи матросом, он где-то в Африке убил английского капитана и украл у него чемодан с рукописями. Знает английский язык, но тщательно скрывает это, а рукописи постепенно печатает как свои. Понимаете?!»

Надо сказать, что драматическая судьба не способствовала ровности и рассудительности характера Грина, отсюда и неоднозначное отношение к нему как к человеку и писателю многих, в том числе литераторов. Так, Алексей Толстой отзывался о нём пренебрежительно, а Борис Пильняк, модный в то время писатель, говорил Грину при встрече: «Что, Александр Степанович, пописываете свои сказочки?» «...Вижу, Грин побледнел, скула у него чуть дрогнула (знак раздражения), и отвечает: «Да, пописываю, а дураки находятся – почитывают», – рассказывает в воспоминаниях его жена. Потому и вовсе не случайны слова Александра Степановича, сказанные ей же: «Если потомки захотят меня хорошо узнать, пусть внимательно меня читают, я всего себя вложил в свои произведения».

И, конечно, мы должны помнить о его пожелании. Как и о том, что талант Грина высоко ценил Горький и несколько раз буквально спасал Александра Степановича от нищеты и других напастей. Грин не раз вспоминал об этом. «Я был так потрясён переходом от умирания к благополучию, своему углу, сытости и возможности снова быть самим собой, что часто, лёжа в постели, не стыдясь плакал слезами благодарности...»

А дорога от создания произведения до его издания оставалась по-прежнему тяжёлой и трудной. Александр Степанович говорил: «Мне во сто крат легче написать роман, чем протаскивать его через дантов ад издательств». Литературные короли того времени не ценили Грина, относились поверхностно к его творчеству. Леонид Борисов, писатель, исследовавший биографию и книги Грина, решительно заявлял: «Грин любит жизнь и любовью этой заражает читателя. Во имя этой любви он рассказывает сказки, не с целью уйти от действительности, как в этом обвиняют его до сих пор близорукие люди, а для того, чтобы возбудить жажду прекрасного, подвига и чистоты».

В музее Грина на его родине, в городе Кирове (Вятке), есть карта сказочной страны «Гринландии», с её морями и материками, островами и городами, где живут герои его романтических произведений, которыми можно по праву гордиться, ибо они добры и мужественны.

«Когда дни начинают пылиться и краски блекнуть, я беру Грина. Я раскрываю его на любой странице. Так весной протирают окна в доме. Всё становится светлым, ярким, всё снова таинственно волнует, как в детстве», – признавался Даниил Гранин. К этим словам, я думаю, охотно присоединятся миллионы наших юных и взрослых читателей.

**Анна
МОРКОВИНА**

СЛОВО О НАСТОЯЩЕМ УЧИТЕЛЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

В этом году исполняется четверть века замечательному, известному далеко за пределами Саратовской области Музею Л. А. Кассиля, летом исполнилось 115 лет со дня рождения самого писателя. А 22 марта отметил 85-летний юбилей человек, стоявший у истоков создания Музея – краевед, филолог, пропагандист литературного краеведения и прекрасный педагог Сергей Клавдиевич Немец.

Биография Сергея Клавдиевича вошла в книгу В. Н. Семёнова и В. И. Давыдова «Краеведы Саратова» (2013); о его вкладе в создание Музея Льва Кассиля можно почитать и на музейном сайте. Два года назад школьники, ученики его учеников записали много интересных воспоминаний краеведа. Незадолго до его юбилея разговорились и мы...

Сергей Клавдиевич Немец родился в 1935 году в Ташкенте, в семье кандидата экономических наук Клавдия Семёновича и библиографа Ольги Михайловны Немец. По воспоминаниям краеведа, его прадед был из царских офицеров, а бабушка окончила Институт благородных девиц в Петербурге, прекрасно владела иностранными языками. Фамилия «Немец» связана, по мнению краеведа, не с конкретной национальностью, а с одним из украинских предков, который был немцем...

Поскольку отец Сергея постоянно повышал свою квалификацию, семья переезжала то в Москву в 1936-м году (Клавдий Семёнович учился там в Тимирязевской Академии), то в Ставрополье, то на Алтай...

Когда началась Великая Отечественная война, главу семейства взяли на фронт политработником. Майор Клавдий Немец дошёл до Берлина, имел множество боевых наград.

Серёжа с мамой и бабушкой жили в это время в Пятигорске, где мальчик пошёл в школу. Семье пришлось пережить страшное время фашистской оккупации, и в памяти остался портрет фюрера у входа в школу, вырубленные перед немецким Рождеством ели в парках и на склонах Машука, изучение Закона Божьего, воспринимавшегося как сказка.

Запомнились и любопытные эпизоды, например, поведение гусей во время бомбёжки. Птицам пришлось пережить несколько налётов, и один «опытный» гусь начинал кричать, поднимал панику, слышав свист снарядов. Получается, умные гуси

не только Рим спасли, но и пятигорским жителям помогли морально подготовиться к атакам.

Пятигорск был освобождён из оккупации лишь к началу января 1943 года. Не раз члены семьи находились на волосок от гибели – их могли погубить и свои, и вражеские бомбы или оговорить соседи... Но, к счастью, всё обошлось.

День Победы мальчик встретил в ауле Первомайский Кисловодского района. Услышав радостную новость, жители стали кричать и даже стрелять из того, что было под рукой. Это был один из первых салютов.

Семья кочевала и после войны – то в Каунас перебиралась, то в подмосковное Ховрино. В подростковые годы Серёжу поразили красоты Алтая, Телецкое озеро (я была в тех местах и могу подтвердить: это одно из самых прекрасных мест на Земле! – А.М.). Тогда-то школьника едва ли не впервые посетило вдохновение, и он создал очерк «По Телецкому озеру», который одобрил писатель Семён Бабаевский, а вот журнал «Смена» отклонил публикацию из-за отсутствия фотографий...

Школу Сергей Немец окончил в городе Сталино на Украине, отслужил в армии (где снова была сделана попытка опубликовать заметку – на этот раз удачная – в окружной газете Киевского военного округа). А в 1963 году Сергей Клавдиевич окончил филфак Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, и началась его педагогическая деятельность, которая, по сути, не прекращается и до сих пор. Приведу строки, которые написала одна из его учениц: «Главное его призвание – учитель. Всю жизнь он учил детей русскому языку и литературе, знакомил с жизнью и творчеством многих замечательных русских и советских писателей, ездил с ребятами по знаменитым местам России...»

Кроме педагогической деятельности в школах Екатериновки и Саратова Сергей Клавдиевич редактировал некоторое время газету «Большая Волга», писал заметки в другие периодические издания. Большая часть его деятельности связана с городским Дворцом пионеров и школьников (ныне – Дворец творчества детей и молодёжи им. О. П. Табакова), где Немец работал методистом. Он стал руководить литературно-краеведческим кружком «Парус» (сказалась давняя любовь к Лермонтову!) и формировать систему литературного краеведения в школах Саратова. Эта идея владела краеведом давно, ещё с 1968 года, когда Сергей Клавдиевич начал разрабатывать литературную карту Саратовской области. Эту карту, включавшую 28 имён писателей-земляков, участники созданного им кружка успешно представили на I Всесоюзном празднике школьников в Пушкинских Горах и селе Михайловском Псковской области в 1971 году.

Литературный музей, посвящённый писателям Саратовской области, был открыт во Дворце пионеров в 1980 году. Экспонатами стали книги К. М. Симонова, М. А. Алексеева, В. А. Смирнова-Ульяновского и других авторов – всего более трёхсот, многие – с автографами. В этом музее собирались педагоги, творческая интеллигенция Саратова, гости приезжали из различных уголков области и страны. Многие для оформления этого музея сделал известный художник, заслуженный работник культуры РСФСР А. Н. Чечнев (например, 53 стенда с материалами об А. Н. Радищеве, Н. Г. Чернышевском, К. А. Федине).

Кружковцы из «Паруса», а также ребята, которые занимались у Сергея Клавдиевича, когда тот перешёл работать на станцию юных туристов, объездили вместе с любимым руководителем всю страну. Они продолжают дружить и по сей день, даже став взрослыми людьми. Среди любимых учеников С. К. Немца – сотрудник Областного архива новейшей истории, подполков-

ник в отставке Михаил Сергеев, заведующая отделом художественного творчества Городского дворца творчества детей и молодёжи им. О. П. Табакова Наталия Полянская и многие другие.

В середине марта, коварного весеннего месяца, из жизни ушла супруга краеведа – Инесса Александровна, во всём поддерживавшая мужа, также филолог по образованию. Сергей Клавдиевич прикован к постели (пока ещё трудно подняться после перелома ноги), но полон желания общаться и передавать свои знания и даже книги, которые собирал всю жизнь.

Поздравляем Сергея Клавдиевича Немца, прекрасного краеведа и Учителя, с юбилеем и желаем ему оставаться бодрым, любознательным и всегда доброжелательно настроенным, настоящим Человеком.

О ЛЁВУШКЕ И ЕГО МУЗЕЕ

Интервью с краеведом
Сергеем Клавдиевичем Немцем к его 85-летию,
115-летию со дня рождения Льва Абрамовича Кассиля
и 25-летию Музея Л. А. Кассиля в Энгельсе

А. М. Сергей Клавдиевич, вы помните кого-нибудь из близких и друзей Льва Кассиля?

С.Н. В августе 1970 года умер Лев Абрамович Кассиль – самый любимый писатель моего детства... Я читал его повести в журнале «Пионер», который перестал выписывать только года четыре назад. Больше всего я любил повесть «Великое противостояние», да и все остальные книжки его тоже читал и любил. Например, мне очень нравилась повесть о художнике Коле Дмитриеве, который трагически погиб в шестнадцать лет, «Ранний восход».

Сначала я познакомился со скульптором Klarой Алексеевной Матвеевой, она направила меня к Софье Захаровне Уфланд¹ – знакомой родителей писателя. Как-то я пришёл к ней в гости, смотрю: сидит маленькая старушка. Дочь хозяйки говорит: «На встречу с вами пришла няня Лёли и Осеньки – Мария Петровна Сычёва. И моей няней она тоже была...» Мы постепенно подружились, я к ней своих ребят приводил. Миша Сергеев много лет спустя мне показывал фантик: «Знаете, это от конфетки, съеденной в гостях у няни Кассиля». Я засмеялся: «Ну, этот фантик мог бы стать музейным экспонатом номер один».

Теперь я расскажу то, что мне удалось узнать о няне. Когда Лев Кассиль поступил в гимназию, он решил свою няню (он называл её нянюшкой, нянечкой) обучить грамоте. Он написал ей букву «А» и сказал: «Няня, я сейчас уйду, а вы должны к вечеру выучить эту букву. Так и весь алфавит выучим». «Но что, – говорит Мария

¹ О дружбе семьи Уфландов-Липкиных с семьёй Кассилей можно прочитать в разных источниках: <https://engels.bezformata.com/listnews/vnimanie-eksponat/84208903/> (обращение 24.06.2020).

Петровна, – я могла выучить, когда мне весь день надо было убираться, готовить и прочее... Ведь семья Кассилей была очень известной, и самым важным мужчиной был в ней, конечно, Абрам Григорьевич – «главная повитуха слободы Покровской», его все роженицы боготворили. В общем, когда Лёвущка спросил меня урок, а я ответила, что не выучила, он решил поставить меня в угол! Отец его услышал и говорит: «Ну что же, пока нянюшка будет стоять в углу, ты, Лёва, вымоешь всю посуду!»

Очень жалею, что не сохранил фотографию, которую Мария Петровна хотела мне подарить. Точнее, я отдал ей обратно, а теперь и показать нечего.

Няня рассказала мне о своей судьбе после того, как Лёва и Ося выросли. Она не окончила ни одного класса, но какие-то навыки к грамматике и счёту у неё остались. Лёва так и сказал ей: «Няня, я думаю, вы будете продавцом!» Она уехала лет на двадцать в Сибирь, всю войну там была, и в середине 50-х годов ей действительно довелось быть продавцом. Она рассказывала, что работала свою систему счёта, не позволившую ей ни разу сбиться, просчитаться...

В середине 50-х годов Мария Петровна вернулась в Энгельс. И вот заходит она в книжный магазин и видит целую полку: «Лев Кассиль «Кондуит и Швамбрания». Она тогда и не подозревала, что её воспитанник стал знаменитым писателем. Она пообщалась с продавцами книжного магазина, поинтересовалась, как написать Кассию. Совет был очень простой: «Москва, Союз писателей, Льву Кассию». Так няня и сделала, и ей пришёл ответ. Лев Абрамович написал ей и про себя, и про трагедию с Осей... Письмо было таким тёплым, что у неё появилась надежда рано или поздно встретиться с писателем.

И через некоторое время Лев Кассиль действительно пригласил её к себе в гости в Москву: поживёте, мол, у меня неделку, отдохнёте на даче... Кстати, именно на этой даче в Переделкине Константин Симонов написал своё знаменитое стихотворение «Жди меня...» Это было в первые годы войны, во время самых тяжёлых боёв под Москвой. Кассиль написал Марии Петровне: «Няня, когда будете выходить из поезда, возьмите в руку гвоздику. А сам я буду с газетой».

Естественно, в вагоне, пока она ехала, уже все знали, что предстоит такая удивительная встреча – няни и её знаменитого воспитанника. И все тоже хотели посмотреть на Льва Кассиля. Когда она вышла из вагона, то, по её словам, чуть не умерла от радости: в сторонке стоял высокий, статный, красивый Лёвущка! Была очень радостная встреча. Он повёз её на машине на дачу, много разговаривали, вспоминали... Лев Абрамович искренне, добросердечно обо всём рассказывал, делился своими волнениями. Ведь он тогда пережил развод, оставил семью, где росли два сына, Володя и Дима. А писатель встретился в это время со Светланой Леонидовной Собиновой, ставшей впоследствии его второй женой.

Няня побывала в гостях у Льва Абрамовича и вернулась в Энгельс. Мне она показывала переписку, возникшую между ними – пять или шесть открыток. Жалко, что не сфотографировал – но я не умею пользоваться фотоаппаратом. В частности, в одной из открыток Кассиль сообщал, что направляется в Японию на Олимпийские игры.

А.М. *А куда потом делись эти письма, открытки?*

С.Н. Няня говорила, что в завещании попросила положить с нею в гроб эти открытки – самое дорогое, что у неё было. Так и было сделано.

А.М. *Оставались ли родные у Марии Петровны?*

С.Н. У неё был племянник, не очень здоровый человек. Она за ним ухаживала. Похоронена она, вероятно, на Энгельсском кладбище.

...А на Уфландов и их дочь Надежду Самойловну Липкину я обижен. Имею зуб, хотя и зубов-то почти не осталось! Когда я был в гостях у них, мне показали пачку писем, которые я прочитал и отдал. С 1979 года в Саратове стал проходить Собиновский фестиваль, туда приезжала несколько лет Светлана

Леонидовна. Мы с женой Инессой Александровной² первые пять лет ходили на все спектакли. Надежда Самойловна со своей дочерью сидели рядом с ней.

Мы со Светланой Леонидовной были хорошо знакомы. Ведь я когда-то побывал у неё в Москве, в квартире, где находится музей Леонида Витальевича Собинова, и комната Льва Кассиля там же. Шкафы с книгами и очень много всяких сувениров, которые он привозил из-за границы. Когда она приезжала в Саратов, я водил к ней своих кружковцев. И вот однажды Светлана Леонидовна с укором спрашивает: «Как же вы, Сергей Клавдиевич, не вернули Уфланда письма?» Меня как током ударило – ведь я не брал их... И вот сколько лет прошло, я всё переживаю, где же эти письма³.

А. М. Я думаю, справедливость восстановится, письма найдутся.

С. Н. Светлана Леонидовна совершила странную, на мой взгляд, поступок. Когда мы в период создания Музея Л. А. Кассиля в Энгельсе встретились, она передала в дар музею книг двадцать Льва Абрамовича на разных языках. Но перед этим взяла и вырвала форзацы с автографами, если такие встречались.

А. М. Странно... Ведь и надписи без книг тоже не представляют собой ценности.

С. Н. Вообще столько работы было в период подготовки! Мы с ребятами из литературного кружка Дворца пионеров (точнее, студии «Парус») написали множество писем разным писателям: Сергею Михалкову, Иосифу Дикю, Анатолию Алексину... В октябре 1976 года я узнал адрес Светланы Леонидовны Собиновой-Кассиль, написал, что мы хотели бы организовать музей Льва Абрамовича – в Саратове или в Энгельсе (лучше в Энгельсе, ведь там исторический дом сохранился). Пришёл ответ. Ответил Владимир Львович, сын писателя, что это прекрасная идея.

И в середине зимы я отправился в Москву. До сих пор помню эту дату – 18 января 1977 года. Меня потряс его дом в Москве – настоящий музей!

А. М. Были ли ещё интересные встречи с людьми, знавшими Кассиля?

С. Н. Да, я ещё в 80-е годы встречался с двумя его одноклассниками и даже очень старенькой учительницей литературы. Все они в один голос горячо говорили: «Всё в «Кондуите и Швамбрании» придумано! Было не так...» Я, смеясь, возражал: «Но вы поймите: это же повесть – фантазия, художественное произведение!»

Отмечу: вся или почти вся переписка Сергея Клавдиевича Немца с семейством Кассилей хранится в фондах Музея Л. А. Кассиля. Ранней весной я побывала у директора этого музея, и Наталья Григорьевна Мещерякова любезно разрешила мне переснять несколько документов для этой публикации. Практически вся она «исполнена» на пишущей машинке, с пометами карандашом, ручкой – настоящее свидетельство непростой истории борьбы и за сам дом Кассилей, который предназначался до того под снос, и за создание литературного музея. В переписке участвовали члены семьи писателя, известные советские литераторы, чиновники... И наконец, к великой радости, в 1995 году Дом-музей на улице Л. А. Кассиля в Энгельсе, бывшем Покровске, был открыт! Теперь Наталья Григорьевна, получив грант, издаёт газету «Вестник Швамбрании» и планирует преобразить музей в «кассилевский» квартал.

Беседовала Анна Морковина

² Вторая жена С. К. Немца – Инесса Александровна Горшенина работала в издательстве СГАУ им. Н. И. Вавилова. Она скончалась в марте 2020 года.

³ Переписка Л. А. Кассиля и семьи Уфландов хранится в РГАЛИ – это очевидно по запросу в Интернете: РГАЛИ. ф. 2190. оп. 2. Письма Л. А. Кассиля и С. З. Уфланда (1967–1970). – <https://rgali.ru/obj/11631423> (обращение 23.0.2020).

**Анна
МОРКОВИНА**

ГЕНИЙ ИЗ «ПРОВИНЦИАЛСКА» В. Э. БОРИСОВ-МУСАТОВ И ЕГО БИОГРАФ К. В. ШИЛОВ

(к 150-летию В. Э. Борисова-Мусатова
и 75-летию К. В. Шилова)

Стопятидесятилетие со дня рождения нашего великого земляка, трепетного художника Серебряного века Виктора Эльпидифоровича Борисова-Мусатова его поклонники отметили 14 апреля 2020 года. Борисов-Мусатов был символистом (или, как считают специалисты, предтечей символизма) – символично и то, что юбилей прозвучал так же печально, как звучат и перламутрово-серебристые краски на полотнах художника. Но погрузиться в чудесно написанную искусствоведем Константином Шиловым биографию художника-символиста было самое время, тем более переизданная в 2018 году в серии «Жизнь замечательных людей» книга, присланная автором, давно ожидала своего часа.

Благодаря тонкому пониманию нюансов жизни, личности Виктора Борисова-Мусатова, а также поэтичному, образному языку, документальное повествование воспринимается как художественное – это хорошая повесть о творческом человеке, скромно обитавшем среди представителей богемного круга живописцев рубежа XIX–XX вв., и в то же время занявшего особую нишу, прожившего «иную» жизнь в искусстве. Впервые читая так подробно изложенную историю Виктора Эльпидифоровича, я с удивлением обнаруживаю, что художник порой живописал и словом, попросту говоря, оставил немало стихотворных впечатлений от увиденного и пережитого. Стихи остались за кадром славы Борисова-Мусатова как художника, но не сумели скрыться от внимательного взгляда пытливого и увлечённого исследователя, тем более филолога, обладающего поэтическим чутьём.

-
- Анна Юрьевна Морковина родилась в 1968 году. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (специальность – «Журналистика») в 1990 году и аспирантуру Московского института культуры в 2015 году. Поэт, главный библиотекарь Саратовской областной библиотеки для детей и юношества имени А.С. Пушкина, заведующая Пушкинским сектором. Член Союза журналистов, Ассоциации свободных поэтических объединений (АСПО) Саратовской области, Международной гильдии писателей (МГП).

Наверное, современным землякам художника до сих пор трудно поверить в то, что в Саратове (или, как иронично называл свой город в письмах Виктор Эльпидифорович, Провинциалске) жил самый обыкновенный гений. И мне с трудом верится, что буквально за углом от моего дома (надо только повернуть с Белоглинской на Вольскую) стоит за невысоким ажурным забором его музей. Уж слишком опрятно на его усадебной территории, и сам деревянный домик как игрушка – чистенький, с верандой, с беседкой в кустах сирени. Виктору Эльпидифоровичу предстояло провести в нём почти всю свою недолгую, полную мучительных поисков своего пути, стиля в изобразительном искусстве жизнь – тридцать пять лет. Однако Музей В. Э. Борисова-Мусатова вместе с его директором Э. Н. Белонович регулярно устраивает пленэры, выставки, принимает гостей вполне радушно. И автор книги о художнике в нём, конечно, всегда почётный и желанный гость.

Мне посчастливилось познакомиться с Константином Владимировичем Шиловым весной 1985 года на областном литературном празднике для школьников, посвящённом 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. Мы, четверо старшеклассников из школы № 3 им. А. С. Пушкина, показывали свои наработки в номинациях поэзии, прозы, критики, кто-то рисовал, кто-то пел песни... Мне пришлось выступить в роли экскурсовода по школьному музею. Константина Владимировича нам представили как писателя и краеведа. Понятно, что все «знаменитости» воспринимались нами как живые классики! Теперь уже смутно помню сам праздник, запомнилось в основном само путешествие на пароходе – через Волгоград до Астрахани и обратно. Я сделала несколько снимков фотоаппаратом «Зенит-ТТЛ» и Константина Владимировича запечатлела у борта парохода, с трубочкой в руках и ироничным прищуром. Даже и не предполагала тогда, что буду через много лет зачитываться его книгами...

Константин Владимирович Шилов родился 30 июля 1945 года в Одессе, в семье военнослужащего. Детство провёл в Молдавии, на румынской границе, и в Астрахани. Он окончил среднюю школу в Саратове, куда переехала семья, а затем в 1962 году поступил на филологический факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. После службы в армии филфак Константин Шилов оканчивал на вечернем и заочном отделениях. Работал научным сотрудником областного музея краеведения, Государственного художественного музея им. А. Н. Радищева, на областной станции юных туристов, научным сотрудником лаборатории конкретных социологических исследований Политехнического института.

Увлечения историей и археологией Константин Шилов совмещал с занятиями в литературном объединении при областной молодёжной газете «Заря молодёжи» (столетие этой легендарной газеты отмечалось в 2019 году). В 60–70-е годы в периодике и сборниках стали появляться материалы Константина Шилова, посвящённые истории русской культуры и литературы XIX–XX веков. Сотрудничал молодой автор и с телевидением. Читал лекционные курсы «История европейского искусства Средневековья», «История искусства Франции XVII–XIX вв.» в Саратовском театральном училище, в консерватории им. А. В. Собинова, на историческом факультете Саратовского университета (1970-е гг.).

Первая книга Константина Шилова с поэтичным названием «Мои краски – напевы...» вышла в Приволжском книжном издательстве в 1979 году, и это его первая монография о художнике Серебряного века. В последующие

годы дополненная биография любимого автором Борисова-Мусатова переиздавалась дважды издательством «Молодая гвардия» в престижной серии «Жизнь замечательных людей» («ЖЗЛ»).

Примерно в это же время в альманахе «Прометей», издававшемся в столице, появилась достаточно объёмная статья Константина Шилова «Московский адрес», ставшая чуть ли не сенсацией в пушкиноведении. Оказывается, молодой сотрудник краеведческого музея, выполняя задание начальства разобрать бумаги и выбросить ненужное, наткнулся на записку самого Пушкина. В ней был записан адрес: «Дом Хитровой на Арбате» – это адрес того дома, который сняли счастливые молодожёны Александр и Наталья Пушкины в Москве перед тем, как уехать в Петербург.

«Прометей» со статьёй К. В. Шилова о Пушкине и его саратовских знакомцах – Устиновых, Кривцовых – стал библиографическим раритетом и пользуется большим спросом у краеведов Саратова да, наверное, и у пушкинистов из других городов. Но для Константина Владимировича эта статья стала отправной точкой, ключом к дальнейшим головокружительным поискам и находкам-откровениям.

В 2007 году в московском издательстве «Прогресс-Плеяда» вышла замечательно оформленная книга «Восстановление родства», куда вошли публиковавшиеся ранее и более новые очерки, портреты и воспоминания о тех знаменитых людях, с которыми приходилось общаться автору на разных «тропах бытия». Это легенды отечественной культуры: академик, текстолог Дмитрий Сергеевич Лихачёв; искусствовед, пушкинист Татьяна Григорьевна Цявловская, бард, поэт-шестидесятник Булат Шалвович Окуджава, актриса и певица Елена Антоновна Камбурова... Настоящая русская интеллигенция, перед которой хочется склониться в низком поклоне за сохранение нашей духовной культуры, верность самым возвышенным идеалам.

Большая часть книги посвящена знаковым личностям в истории русской литературы и изобразительного искусства – А. С. Пушкину, П. А. Вяземскому, К. П. Брюллову, К. С. Петрову-Водкину, А. А. Ахматовой. Понимая, какая значительная часть творческих сил России оказалась за её пределами, автор уделил достойное внимание и русскому зарубежью. Очерк о Борисе Зайцеве «Восстановление родства» дал название всей книге. Книга получилась насыщенной, увлекательной, с цветными иллюстрациями и подробным справочным аппаратом.

Статью об авторе, завершающую этот сборник, литературовед Юрий Карякин назвал «Бессребреник, золотых дел мастер». Можно полностью согласиться с автором статьи. Добрые слова в адрес Шилова, по «пуговичкам» восстанавливающего духовную связь нескольких поколений, произносили в своё время Ю. Г. Оксман, И. А. Андроников, Ф. Г. Раневская, А. И. Солженицын, высоко ценя кропотливость Константина Шилова, его неперемное желание восстановить не только «родство» – целую панорамную картину далёких эпох, филигранную работу над словом.

В 1983 году Константин Владимирович вступил в Союз писателей, в настоящее время он является членом Союза писателей Москвы, членом Литфонда Москвы и России и региональной общественной организации «Клуб писателей». В начале 1990-х годов Шилов с семьёй переехал в Москву. Он расширил сотрудничество с московскими издательствами, в то же время откликался на предложения Саратовского художественного музея им. А. Н. Радищева участвовать с коллективных сборниках, не забывая литературно-художественный журнал «Волга», где время от времени появляются его публика-

ции. По праву его имя включено в указатель «Литературная карта Саратовского края».

К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне в серии «Библиотека мемуаров» вышел сборник «Марк Бернес в воспоминаниях современников», составленный и прокомментированный К. В. Шиловым. В предисловии к нему составитель раскрывает причину постоянного интереса к киноактёру и певцу, кумиру многих поколений советских людей: «Его легендарная, обаятельная улыбка... Голос – притягивающий, обволакивающий теплом, заряжающий бодростью и такой родной с детства! Марк Наумович Бернес... Каким он был человеком?.. Наступил XXI век... Забыт ли он? И возможно ли это забвение?»

К. В. Шилову удалось собрать под одной обложкой воспоминания о Бернесе Никиты Богословского, Бориса Андреева, Якова Хелемского, Константина Ваншенкина, Яна Френкеля, Владимира Высоцкого и многих других. Помимо них, в сборник вошла избранная переписка артиста.

Из книги можно узнать о судьбе всенародно любимых песен «Шаланды...», «Тёмная ночь», «Журавли», о присвоении малой планете № 3038 имени Марка Бернеса и о прочих наградах, полученных Марком Наумовичем уже посмертно.

В 2017 году в Москве вышел поэтический сборник писателя-юбиляра «На скошенных травах». Несомненно, далеко не все творческие планы писателя и искусствоведа Константина Владимировича Шилова реализовались, и его читателей ждут ещё многие удивительные книги и публикации.

Ольга
ЮДИНА

КОТЁНОК И ЛУНА

ДОРОГОЙ ДЕД

Дорогой Дедушка Мороз!

Я, конечно, шалопай и всё такое, и математичка грозитя мне «два» в четверти поставить, но тебе ведь это неважно, да? Я знаю всю эту ерунду про хорошее поведение, про «слушайся маму и папу», «хорошо учись». Но если тебе это и правда важно, то ты точно не Дед Мороз! А Деду Морозу, я знаю, всё равно, плохой ты или хороший!

Но это так, к слову, а вообще-то я к тебе по делу. Дело такое... Щекотливое... Понимаешь, вот нравится мне Анька Кулешова, хоть тресни! Она классная! Вроде и учится хорошо, но совсем не зануда, как Светка Михайлова, например... Да что я тебе рассказываю, ты и так знаешь! Так вот, не мог бы ты как-нибудь сделать так, чтобы она меня заметила? И тогда обойдусь я без нового компа и без велика.

Ну что тебе стоит, а?

С приветом,
Серёга.

Дорогой Дед Мороз!

Кстати об Аньке. Она хорошая. Вчера вон списывал у неё алгебру, а она рукой ничего на закрывает, как Колян. Она вообще всем помогает... Дед, слушай, давай так: сделай, чтобы и я ей чем-нибудь помог! Вот не знаю, нарисовать что-нибудь – это я запросто! Особенно карикатуру на нашу классную... Только этим Аньке не поможешь. Ну, что-нибудь. Ты же волшебный Дед всё-таки! Очень надеюсь на твою помощь!

Навеки ваш,
поэт Серёга (это я так, для смеха!).

-
- Ольга Вадимовна Юдина – переводчица и писательница. Пишет сказки для детей и фантастические рассказы для тех, кто из сказок вырос. Публиковалась в сборниках серии «Петраэдр», альманахе «Астра Нова», литературном журнале «Рассказы», электронном журнале «Простокваша». Победительница издательской программы форума «Таврида 2020».

Дорогой Дед Мороз!

Уже два письма тебе отправил, а толку никакого! Вот как конструкторы малышам дарить или всякие пуси-муси девчонкам – так это пожалуйста! А тут я к тебе с серьёзным делом, а ты в кусты! Или в сани, куда ты там...

Только ты не обижайся, Дедок! Я же знаю, что тебя нет! Просто так всё достало, и алгебра, и химия эта вечная! А тут ещё эта Анька... Эх, какая же она классная!

С приветом,
Серёга.

Дорогой Дед Мороз!

Ну что, у меня ещё одно средство осталось! Последнее! Завтра Новый год. Типа надо под бой курантов желание загадать. А вот и загадаю! И пусть все смеются! Зато Анька меня заметит, вот увидишь!

Мир мне покорится!

Серёга.

Дорогой Дед!

Понимаешь, меня уже на почте узнают, а я всё пишу тебе и пишу. Да просто пойми же ты, Анька того стоит! Она хорошая, её все любят: и девчонки, и парни, и даже учителя. И я, похоже, тоже.

Я же больше у тебя ничего не прошу! Ни-че-го-шень-ки!

Да это и глупость страшная – писать письма Деду Морозу.

Серёга.

Дорогой Дед Мороз!

Вчера был Новый год. То есть вчера наступил новый год. Ну, то есть наступил этот год, и он в общем-то новый. Только вот не смог ты моё желание исполнить. А жаль!

Ну, удачи тебе и долголетия! Хоть у малышей их желания сбываются!

А Анька... Ну, просто сделай так, чтобы у неё всё было хорошо. А я пойду погуляю, воздухом подышу, а то записался совсем.

Серёга.

Больше не буду тебе писать, не беспокойся!

Дорогой Серёжа!

Пишет тебе Снегурочка с Почты Деда Мороза. Твоё желание услышано. Аня Кулешова будет ждать тебя 7 января в 12.00 у городской ёлки!

А если честно, Серёг, то это я и есть! Моя мама на Почте Деда Мороза работает волонтером. Ну и я вместе с ней! Сидим мы с ней, сидим, а тут – бах! И твоё письмо!

Серёжка, алгебра – чушь! Дед Мороз в ней тоже не разбирается!

А вот карикатуры он любит. И я тоже. Они у тебя классно выходят!

Так что давай приходи!

Буду ждать!

Аня.

КОТЁНОК И ЛУНА

Мурк, чёрный котёнок с белой звёздочкой во лбу, спешил к маме с Важным Известием.

– Мама! – мяукнул он и уткнулся носом в мамин пушистый бок.

– Что случилось, малыш? – Мама Кошка лизнула котёнка в белую звёздочку, а заодно проверила, чисто ли он вымыл ушки.

– Кто-то откусил от луны большущий-пребольшущий кусок! – Мурк вскочил на лапки. – Ещё вчера она была круглая, а сегодня – укушенная!

Мама Кошка усмехнулась в усы.

– Кто же мог откусить кусок от луны?

– Пока не знаю! Но узнаю и больше не дам кусать луну просто так! Ведь я смелый, и храбрый, и ловкий! – Мурк гордо поднял мордочку.

«Какой он маленький и смешной!» – с нежностью подумала мама Кошка, но вслух, конечно же, ничего не сказала, потому что очень любила своего чёрного сыночка с белой звёздочкой во лбу.

До самого вечера Котёнок думал, кто кусает луну. А вечером придумал!

– Знаю, это мыши! Луна ведь похожа на сыр. И на вкус, наверно, тоже как сыр. А никто не любит сыр больше, чем мышки.

Мурк подкрался к мышиной норке и прислушался.

Сначала в норке раздавалось только шуршание, а потом тонкий голосок пискнул:

– Ну что, пойдём?

– Пойдём! – пискнул второй голосок.

И из норки высунулись две серые мордочки. Это были мышата Грызть и Кусь.

– Ага, попались! – крикнул Мурк.

– Ой! – Мышата спрятались обратно в норку.

– Так нечестно! – огорчился Мурк. – Я ведь вас почти поймал. Ну-ка, признавайтесь, это вы отгрызли кусок луны?

– Луны? – от удивления мышата снова высунули мордочки из норки. – А где это?

– Там, – Мурк показал лапкой в окно.

– Далеко! – пискнул Грызть.

– Высоко! – пискнул Кусь.

– А она вкусная? – спросили мышата хором.

Мурк вздохнул:

– Раз вы не знаете, вкусная она или нет, значит, вы её не кусали.

Мышата завертели мордочками из стороны в сторону.

– Чтобы добраться до луны, нам нужна лесенка! – Грызть посмотрел в окошко, где светила луна.

– Сплетём из макарон? – предложил Кусь.

– Какая будет вкусная лесенка! – Грызть зажмурился.

– Хрустящая! – Кусь облизнулся. – Пойдём искать макароны?

Котёнок Мурк снова вздохнул.

Следующим вечером Мурк тихонько вышел во двор.

– Это Щенок! – сказал сам себе Мурк. – Он живёт в будке на улице, ему до луны лапой подать! Вот и грызёт луну, пока никто не видит.

Мурк посмотрел на небо и увидел, что луна стала ещё меньше. Значит, прошлой ночью, пока он разговаривал с мышатами, Щенок откусил от луны ещё кусочек.

– Стой! – гавкнул Щенок, выскочив из будки.

Но Мурк не испугался.

– Зачем ты грызёшь луну по ночам? – строго спросил он.

– Я не грызу! – Щенок на всякий случай вильнул хвостиком. – Я на неё только вою, вот так!

Тут Щенок задрал мордочку и завыл:

– У-у-у, тяв-тяв-тяв! – И снова вильнул хвостиком.

– Нет, луну кусает не Щенок, – подумал Мурк. – Да и как ему туда добраться, ведь у него нет крылышек.

Когда настал следующий вечер, Мурк вышел из дома, прошёл мимо будки, где спал Щенок и отправился напрямик в Дикий лес.

Ох и страшно ему было! Деревья стояли тёмные-претёмные, вокруг всё скрипело и ухало. Но Котёнок шёл вперёд.

– Ух-ух! – раздалось над его головой.

Мурк пригнулся к земле и прижал уши к голове.

– Ух-ух! – повторил голос. – Здравствуй, Мурк! Что ты делаешь в Диком лесу совсем один?

Котёнок поднял мордочку вверх и увидел Филина. И хотя Мурк немного боялся больших глаз дядюшки Филина, но ему обязательно нужно было узнать, кто кусает луну, ведь она становится всё меньше и меньше.

– Дядюшка Филин! – робко начал он. – Скажите, пожалуйста, это случайно не вы каждый вечер откусываете от луны кусочки?

– Ух-ха-ха! – рассмеялся Филин. – Нет, маленький Котёнок, я не ем луну. Я охочусь за ящерками и лягушками. Луна мне не нужна! Ух-ух!

И, шурша крыльями, дядюшка Филин улетел на охоту.

И вот луна стала совсем маленькой. Котёнок забрался на ветку большого раскидистого дерева и не сводил с неё глаз. Теперь он никому не даст луну в обиду!

И тут Мурк увидел Его – Большого Серого Крокодила! Серый Крокодил плыл по небу, разинув Большую Серую Пасть.

– Какой серый! – испугался Мурк. – Какой большой! А всё потому, что это Ночной Крокодил.

Мурк спрятался за ветку, чтобы Крокодил его не заметил.

– Ох, – подумал он, – от луны и так остался совсем маленький кусочек! И если Крокодил его съест, то луны не останется совсем!

Тогда Мурк отважно открыл глаза и приготовился драться. Он был хоть и маленьким, но очень отважным котёнком.

А Крокодил тем временем – ам! – и загородил луну.

– Отдай луну! – грозно замыкал Котёнок.

И – о чудо! Подул ветерок – и Крокодил превратился в маленького серого котёнка, а луна, хоть и совсем маленькая, снова появилась на небе.

– Ура! – воскликнул Котёнок и чуть не свалился с ветки. – Луна спасена!

И хоть небесный котёнок был такой же серый, как и Ночной Крокодил, Мурк знал, что теперь луна в безопасности!

Но следующей ночью луна совсем пропала.

Котёнок сидел на подоконнике и смотрел на небо во все глаза:

– Как темно! И где же луна? Мя-а-ау! Мя-а-ау! – жалобно всхлипнул Котёнок.

– Почему ты плачешь, милый? Кто тебя обидел? – на подоконник запрыгнула мама Кошка.

Мурк указал лапкой на небо.

– Луна-а-а пропа-а-ала! Её кто-то съел целико-о-ом!

«Ах, мой маленький глупый Котёнок!» – подумала мама Кошка про себя, а вслух сказала.

– Мой маленький Мурк, обещаю тебе, что не пройдет и двух ночей, как луна появится на небе снова! Так уж заведено, что она всегда то появляется, то снова исчезает в небе.

И каждый вечер они с Котёнком вдвоём залезали на подоконник и смотрели на небо. И вскоре луна появилась снова. И от неё уже никто не откусывал кусочки. Наоборот, она становилась всё толще и толще, пока не стала совсем круглой, как раньше.

– Почему так происходил, мама? – спросил Мурк.

И мама Кошка рассказала ему всё, что слышала от людей. Но это уже совсем другая история.

А Котёнок смотрел на полную луну, и ему казалось, что она довольно подмигивает ему круглыми жёлтыми глазами.

**Ирина
ДАНИЛОВА**

ПОМОЩНИЦА

ЖАБА

Бабушка со своим ящиком мне в деревне жить не давала. Сказала, что в тринадцать лет к труду пора приучаться и ящик из-под картошки в сарай отнести, потому что он у нас на крыльце уже неделю стоит. И что я её ничем порадовать не хочу, от меня одно огорчение.

Я ящик давно отнести хотел, даже с крыльца его вытащил и возле двери поставил. Но руки не доходили, всё время отвлекало что-то. То Митька на карьер купаться шёл, и мне уже не до ящика было. То Алику мопед починили, и я скорей к нему побежал, чтобы он без меня кататься не уехал. То по телеку футбол начался.

Бабушка ругалась, что этот ящик в сарай три секунды отнести и что она таких ленивых, как я, в жизни не видела. А мне что делать, если я, честно, про него забывал, как только на крыльцо выходил? Я его к самому крыльцу придвинул, сбоку, чтобы бабушке из окна не видно было и она лишний раз не расстраивалась. И не спотыкалась.

Тут ещё Вика приехала из соседнего дома. Она мне прошлым летом нравиться стала. Но я никому не рассказывал. Алик с Митькой гоготали, что у неё косички стрёмные. И что она дурочка, потому что лягушек боится и орёт как ненормальная. У нас лягушек много, карьер рядом, на карьере озеро. Они там кишат. И на грядках кругом жабы по вечерам прыгают. И Вика по своему огороду прыгает и визжит. В прошлом году всё лето визжала.

Я машину в окно увидел, на крыльцо выскочил, бинокль дедов схватил. Смотрю: вместо косичек у Вики волосы до плеч, распущенные. И джинсы модные. И вообще она вся преобразилась.

-
- Ирина Борисовна Данилова – лучший молодой прозаик по итогам Всероссийского семинара-совещания «Мы выросли в России-2020» (Оренбург–Аксаково), призёр VIII Корнейчуковской премии в номинации «Проза для детей младшего возраста», 2020; победитель Всероссийского конкурса «Хрустальный родник-2020» в номинации «Проза для детей» и лауреат III степени в номинации «Поэзия для детей»; лауреат II Международного конкурса «Печорская Ассоль-2020» имени Нины Николаевны Грин. Финалист международных литературных конкурсов «Лифт-2020», «Алиса-2020», «КОРА-2020», «КОРА-СТИХ-2020», «Школьный дневник». Автор издательства «Антология» и авторской книги из серии «Новые имена». Проза и стихи для детей опубликованы в журналах «Формаслов», «Чтение детям», «Простокваша».

Я с крыльца сбежал и к Вике пошёл здороваться. Сказал, что могу к ней на велике вечером заехать, на карьер сгоняем. Она согласилась.

Я обратно вернулся, а бабушка из окна говорит:

– Ну всё. Приехали. Так этот ящик в зиму и останется у крыльца стоять.

Но я опять мимо ящика прошёл. Потому что я как дурак сейчас через дорогу к Вике нёсся – Митька с Аликом это точно из окон видели. И лучше мне сейчас за дом побыстрее пойти, на дровах пересидеть, чтобы обо мне все забыли.

А потом я вообще в поле ушёл через дальнюю калитку. Поле у нас сразу за забором. До леса дошёл, грибы там искал до вечера по опушкам. Какие грибы в начале июня? Зато успокоился.

Домой пришёл, бабушка мне молча ужин на стол поставила. Совсем обиделась. Смотрю: Вика по дороге на велике ездит туда-сюда. И Алик за ней на мопеде следом. А Митька на обочине стоит.

Не знаю, что на меня нашло. Я вскочил, чуть на ящик у крыльца не налетел, и с великом к ним побежал.

Мы до ночи по дороге катались: до карьера и обратно. Потом Алик с Митькой по домам разошлись – огороды поливать и спать ложиться. А у Викиной мамы день рождения, они с Викиным папой на участке шашлыки жарят, Вику домой звать и не думают.

Уже звёзды на небе зажигаться стали. Бабушка из-за занавески высунулась, кричит:

– Ваня, домой!

Я на дороге остановился. Кричу:

– Бабушка, мне некогда, я попозже.

Бабушка в сирень в палисаднике плюнула и за занавеской скрылась.

Мы только отъехали, а она уже на дорогу вышла. Голосит:

– Я сейчас отцу позвоню, расскажу про ящик и что ты меня не слушаешься.

Я решил, что не хочу, чтобы она отцу звонила. Такое уже было, когда я в магазин идти отказался, тоже всё некогда было. Отец потом на дачу приехал, и я в магазин сорок раз сходил, ничего не покупая. К вечеру уже полз по дороге, Митька с Аликом от смеха на обочине валялись. В общем, я понял, что сейчас с бабушкой лучше не спорить.

Мы с Викой прощаться начали. Я говорю:

– Вон – звезда Сириус. А вон – Полярная.

Сам на бабушку кошусь. А она на дороге топчется. А потом кричит:

– Езжайте сюда, звездочёты. На скамейке посидите, под окном, чтобы вас хоть видела.

И в дом пошла.

Скамейка возле крыльца. Бабушке нашу скамейку хорошо из окна видно. И слышно всё. Она у окна и устроилась, я по тени на траве понял.

Я свой велик на огород загнал. И мы на скамейку с Викой сели.

Я Вику обнял. Говорю:

– Видишь, там туманность Андромеды?

Вика говорит:

– Где?

Я говорю:

– Давай покажу, отсюда плохо видно, иди сюда.

К крыльцу её повёл, чтобы бабушке нас из окна не видно было. Сзади Вику обнял и в небо ткнул:

– Во-он.

Вика говорит:

– Это самолёт летит, вроде. Мигает.

Я говорю:

– Не там, а там.

И Вику к себе прижал, чтобы ей видно было лучше. А бабушке – наоборот.

Тут мы ка-ак завалились! Я спиной об угол, Вика на меня. Кроссовкой за ящик этот проклятуший зацепился, а нога уже назад пошла. Мы вдвоём свалились. Точнее, сели в ящик. И я затылком об угол дома приложился. У меня в глазах не то что Туманность Андромеды, вся Вселенная на звёзды распалась. А потом в чёрную дыру сжалась, когда мне Вика локтем под дых с размаху угодила – боком сверху приземляясь.

А другой рукой Вика во что-то склизкое угодила. А это жаба оказалась. Вика как заорёт:

– Дурак, идиот! Козёл!

И убежала через дорогу, даже велик на обочине забыла.

Я потом фонарь взял, ящик в сарай оттащил, заодно весь мусор собрал, дрова в порядок привёл – как мог, с фонарём в одной руке. Утром камни за огород отнёс, которые возле дорожек у нас то там то здесь лежали уже два года, мешались. Только бы что-то делать и не думать, что опозорился.

А Вика со мной три дня не здоровалась, а потом я вечером на карьер поехал один. Посмотрел: велик Викин возле дома. Мопеда Аликовского нет, умчал куда-то. Митька у себя, грядки поливает. Думал, на карьере нет никого, Алик на карьер в одиночку не поедет.

Приехал, а Вика там с Аликом под сосной целуются, рядом с мопедом. Под жабью песню. И не боится, главное, что выпрыгнут на неё из озера склизкие страшные жабы.

Я с велика слез, тихонько их с другой стороны сосны обошёл, самую жирную жабу поймал, разогнался на велике и в Алика с Викой кинул. Правда, не попал.

Домой вернулся и решил плотно хозяйством заняться: сарай начал разбирать и всю рухлядь ненужную деревянную за домом жечь, вместе с ящиками из-под картошки. Кому они нужны вообще?

Сколочу в подвале короб специальный из досок, на всю картошку сразу, чтобы больше ничего в сарай не таскать. Бабушка обрадуется.

ПОМОЩНИЦА

Вика – моя лучшая подруга. Я у Вики часто в гостях на весь день остаюсь. Вика всем помогать любит: маме своей, тёте Кате и мне, конечно. Правда, мне от Викиной помощи не всегда хорошо. От её помощи всё время что-нибудь случается. И я в нашей дружбе сомневаться начинаю.

Например, однажды мы по Викиной квартире слонялись, не знали, чем заняться. Вика это тёте Кате рассказала, что нам делать нечего и Лена, то есть я, в гостях скучает, нужно меня чем-то развлечь. А тётя Катя Вике сказала, что она посуду мыть не успевает и что она сейчас нас как следует развлечёт целой горой этой самой посуды. И что ей сегодня весь день готовить, без нас не обойтись.

Я в туалет пошла, руки после туалета на кухне помыла. Вика говорит:

– Всё, Лен, ты попала. Тебе теперь до вечера одной посуду мыть, в нашей семье такие правила. Ты не знала, что ли?

И засмеялась.

Что это за подруга такая, которой все гадости, которые со мной происходят, смешными кажутся?

Я об этом до вечера думала – пока весь день посуду мыла. И посуды там было столько, что я на несколько лет вперёд намылась – до мокрых морщин на пальцах.

А вечером Викин папа домой пришёл и говорит:

– Надо же. А я хотел посудомойку покупать! Надо Лену к нам каждый день приглашать.

И я поняла, что с посудой – это Викина шутка очередная была.

Или, например, Вика про рассаду на балконе пошутила. Нам тётя Катя обещала: когда порядок на балконе наведём, можем во что хотим на компьютере поиграть. Вика рассаду принялась поливать, а мне делать нечего. Стою вздыхаю. Тогда Вика попросила посмотреть, не выросли ли там сорняки – между помидорами и огурцами. Я почему-то не подумала, что это балкон и какие на нём сорняки? И вообще, закончить с этим балконом поскорее хотелось и играть пойти. Смотрю: а там и правда сорняки. Фиолетовые. Я их и повыдёргивала все, как лебеду у бабушки на даче.

А потом Викина мама пришла и как завопит:

– Где мой базили-и-и-и-ик?!

Я тут же базилик из помойного ведра вытащила и обратно посадила. Но он весь на землю лёг и не прижился. А тётя Катя на меня до вечера не смотрела. Мне так стыдно было. А Вика ей говорит:

– Мам, ты ж сама вчера сказала, что тебе этот базилик вообще не нужен, с ним мороки много. Прости Лену, а?

Я на Вику разозлилась, конечно, за то, что она моими руками тёте Кате помогла от базилика избавиться. Но потом простила. Я на Вику долго обижаться не могу, это моя лучшая подруга всё-таки. Она вечно всем помочь хочет: и маме своей от базилика избавиться, и мне, чтобы мы поскорее порядок на балконе навели и играть пошли.

А на следующих выходных нас опять на балкон отправили – цветы с рассадой поливать. Точнее, выгнали. Потому что я суп не хотела есть, там жир плавал. А я жир терпеть не могу, особенно когда он мелкими жиринками к нёбу прилипает. Викина мама меня сначала уговаривала. Говорила, что мне нужно есть полезную еду. И не выливать же ей целую тарелку супа, она так старалась. Она моей маме обещала меня супом в гостях накормить. И что если я к ним и дальше хочу в гости ходить, надо есть. А потом не выдержала. Рукой на дверь показала:

– Идите отсюда обе! На балконе рассаду полейте.

Мы на балкон пришли, а там перец стоит – куст развесистый. Весь маленькими перцами усыпан. Вика сказала, соседка вчера подарила, потому что его есть невозможно.

Я спросила, почему невозможно? Вика говорит:

– Слишком, невозможно вкусный перец потому что. А если много съесть, то от чего угодно живот заболит. Поэтому я по штучке в день ем, удовольствие растягиваю.

А мне так есть хотелось. Я же суп вообще не стала, это Вика сытая. Смотрю на перец, а перцы как клубничины вытянутые: висят, блестят. Кажется, даже пахнут клубникой. Точно пахнут. Но Вика так улыбаться начала, что я задумалась.

А Вика говорит:

– Не думай, ешь. Я свой утром уже съела. Обладеть, какой он сладкий.

Я на Вику смотрю. А она перец один оторвала, разломилась и половину мне протягивает. А вторую в рот себе кладёт. Аккуратненько так, подозрительно. Глаза закрыла и стонать начала от удовольствия. А потом изо рта его вытащила, на солнце принялась разглядывать и говорит:

– Лучше я себе на вечер оставлю. А ты ешь, ты же голодная.

Я не выдержала. И укусила. И у меня глаза чуть не вывалились и слёзы потекли. Я на кухню к тётке Кате побежала, потому что весь рот горел и губы щипало страшно.

Я на кухню прибежала, кувшин с водой схватила и прямо из него всю воду выпила. Но там воды было мало, на дне. Я её допила. Смотрю, суп мой стоит, холодный. С жиром.

Тарелку схватила и прямо с края пить начала. Даже капусту не прожевала. Я не то что жир с капустой, вообще ничего не чувствовала. Знала бы, что суп такой на вкус окажется приятный, холодненький – сразу бы съела.

Викина мама глазами захлопала. Говорит:

– Надо же...

А потом Вика пришла – так смеялась, что еле до кухни дошла. Гогочет:

– Мам, я Лену угостила соседкиным перцем, ничего? А то у тебя в супе перца не хватало. Видишь, как Лена теперь суп любит.

И они ещё долго надо мной хохотали, пока я из крана воду пить не начала. Потому что на кухне вся еда закончилась.

Когда язык проходить начал, я подумала, что Вика мне больше не подруга и я последний раз у них в гостях остаюсь.

А потом Викина мама нам желе из холодильника достала. Любимое моё. С вишнями из компота. Говорит:

– Ну, девочки, десерт.

И Вика мне половину из своей вазочки отдала. Хотя у меня язык уже почти прошёл. Сказала, что мне нужнее. А она всё равно черничное больше любит.

И я подумала, что пусть у Вики шутки дурацкие, но она же как лучше хотела. Всем помочь: и мне, и маме своей. Чтобы мама продукты не выбрасывала и не расстраивалась, что я голодная. Вика же не виновата, что маму любит и мамина помощница. Вика и меня тоже любит, я же подруга её.

А я благодаря Вике полезный суп съела. И у меня теперь на десерт желе моё любимое, полторы вазочки. Потому что дружба – это когда ты другу помогаешь. А уж как у тебя это получается – дело другое. Но помогаешь же. И всем от этого только лучше.

**Татьяна
ВОЛКОВА**

ОБЛАКАНЫ И ДРУГИЕ ЖИТЕЛИ

ОБЛАЧНЫЙ ГОРОД

Болтаем ногами
Над облаками.
Мы не летаем, мы здесь живём.

Ливень и лужи,
Вьюга и стужа –
Нам, Облаканам, всё нипочём.

Если вам грустно
Суп есть капустный
Или вам хочется только ворчать,

Всё-всё бросайте
И прилетайте
В Облачный город – озорничать.

Ровно в двенадцать
Нужно собраться,
Встать на пригорке и напевать.

Выдадим крылья
С нашим посыльным.
Некогда будет вам унывать.

Выжмем из тучи
Дождик плакучий,
Пустим на город – всех поливать.

Или у ветра
Хвост на сто метров
В косы сплетём. И распустим опять.

-
- Татьяна Юрьевна Волкова живёт в г. Пермь. Работает программистом. Пишет стихи и прозу для детей. Произведения вошли в шорт-лист Международного Корнейчуковского фестиваля детской литературы (2020), лонг-лист Лиффт (2020), лонг-лист «Берег детства» (2020, Орловский дом литераторов).

ЖИЛА ОДНА КОРОВА

Рассказ мой про корову.
Была она здорова.
Корова как корова,
Давала молоко.

Но был у той коровы
Характер нездоровый.
Корова не мычала
И, в общем, ни «гу-гу».

Лечили ее мёдом,
Прикладывали сено,
Обёртывали салом,
Что тоже хорошо.

Петух дарил ей ноты,
Павлин – свой голос дивный,
И соловей пытался
Урок вокала дать.

Упрямая корова
Стояла и молчала,
Не пела, не мычала,
Лишь топала ногой.

Однажды летним утром
По лугу проходила
Премилая девчонка,
И бант на голове.

А там паслась корова,
Всё та, что нездорова,
Всё та, что не мычала,
И та, что ни «гу-гу».

Подумала корова,
Прикинула корова,
Что бант атласный яркий
Ей очень подойдёт.

– Хочу! – она сказала.
– Достаньте лент мне алых,
На крайний случай, жёлтых.
И буду я мычать.

Тогда собрались звери
В ближайшем магазине
И принесли кто триста,
А кто пятьсот рублей.

Купили они ленты,
Кто красных, а кто жёлтых.
И отдали корове
В красивом сундуке.

Корова поглядела:
– Ну ладно, так и быть уж!
На следующей неделе,
Возможно, замычу.

СУШИЛА НА ВЕТКЕ ВОРОНА

Сушила на ветке ворона
из тонкого льна панталоны.
Красивые,
Кружевные,
Воздушные
И чудные.
Купила на прошлой неделе.
Ох, с ветки они б не слетели!
Не хвасталась никому,
Лишь только ежу одному.
Лишь только сороке-брюнетке
И то показала в беседке,
Где соек штук сорок сидели,
Но разве они разглядели?
Из тонкого льна панталоны
У модницы нашей – вороны.
Пришлось их повесить на ветке
Сушить,
Чтоб узнали соседки
И хором воскликнули:
– Ах!
Красивые!
Все в кружевах!

РАССВЕТ

Утро встало спозаранку.
С чаем схрумкало баранку.

И водой лицо умыло,
Но без щётки и без мыла.

И в небесное оконце
Постучало соне-солнцу.

Солнце сладко потянулось:
– Ну чего тебе?
Проснулось.
– Ой, так мне ведь на работу!

Плащ надело с позолотой,
Свет включило и тепло,
И тотчас же рассвело.

БЫТЬ ЖИРАФОМ

Быть жирафом нелегко:
Уши очень высоко –
Не почешешь их. Как жалко!
Не достанет их мочалка.

Быть жирафом очень сложно:
За столом есть невозможно.

Сядешь завтракать,
И вот –
Далеко от каши рот.

Но зато с такого роста
Можно даже
Нюхать звёзды.
И ещё
Совсем чуть-чуть
Розовый закат лизнуть.

ГДЕ ВАРЕНЬЕ?

Стал сегодня детективом.
С лупой я ходил с утра.
Где варенье с черносливом?
Было целых
Два
Ведро!

Прибежал на кухню Тявка.
В пасть к нему я заглянул.
Тявка гавкнул,
Тявка тявкнул
И хвостом стакан смахнул.

Мух спросил.
Они сидели
На столе и на двери.
Две из них в окно глядели.
Две – жевали сухари.

Мигом все завозмущались:
– Ужас, ну какой ты злой!
– Мы не ели, – запищали,
– Как не стыдно! Ой-ой-ой!

Под столом я шарил долго.
В лупу я увидел след.
Но испачкал всю футболку
Этим следом от конфет.

Глянул в печку, шум услышал.
Там – два жёлтых фонаря.
Вскрикнул громко –
Мурзик вышел.
Испугал меня он зря.

Думал, лёжа на диване,
Думал, стоя у двери.
Может быть, к соседу Ване
Вёдра убежать могли?

Я потратил много силы.
Метод Холмса изучил.

Вспомнил!
Вспомнил, как всё было!
Я же Карлсона лечил!

**Александр
ШУРАЛЁВ**

КТО БЫСТРЕЕ ВЫРАСТЕТ?

СОБЕСЕДНИКИ

Восемь лет растём мы вместе
и поэтому все вести
обсуждаем как друзья –
мой пушистый кот и я.
Мы беседуем с котом
и об этом, и о том.
Дружбу верную ценя,
понимает кот меня.
Каждое кошачье «мяу»
хорошо я понимаю.

ВОДОЛАЗ

Я бесстрашный водолаз.
Погружаюсь через час.
Перед этим я сначала
должен выпить чашку чая
со сгущённым молоком
и с печеньем, а потом
рот водой прополоскать
и игрушки в шкаф убрать,
чтобы завтра поутру
не валялись на полу,
а затем одежду снять
и нырнуть... в свою кровать.
«Спи спокойно», – скажут мне.
Окажусь на глубине,
там, где в море тишины
плавают, как рыбы, сны.

-
- Александр Михайлович Шуралёв родился в 1958 году в селе Кушнареново в Башкирии. Прошёл трудовой путь от сельского учителя до профессора кафедры русской литературы БГПУ им. М. Акмуллы в Уфе. Доктор педагогических наук. Член Союза писателей России. Автор книг и многочисленных статей по литературоведению, поэтических сборников. Публиковался во многих московских литературно-художественных изданиях («Дружба народов», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учёба», «Москва», «Московский год поэзии», «Наш современник», «Парус», «Роман-журнал XXI век», «Юность» и др.). Лауреат ряда международных творческих конкурсов.

НА БАТУТЕ

Я спортсмен, циркач, артист –
смелый, ловкий батутист.
Над батутом я летаю,
словно бабочка порхаю.
Так бы прыгал долго я –
мамочка пришла моя,
на лету меня поймала,
завернула в одеяло.
Я укладываюсь спать.
Ведь батут – моя кровать.

В ОГОРОДЕ

Утро. Проснулся уже огород.
Всё в нём неспешно растёт и цветёт.
Утренней свежей росой умыт,
в белых панамках картофель стоит.
С доброй улыбкой весёлого клоуна
рыжий подсолнух со стебля зелёного
смотрит и строит по-дружески рожицу.
Кто-то щекочет мне лапками кожицу.
Это, готовясь к отправке в полёт,
божья коровка по пальцу ползёт.
Солнце всё выше и выше – в зенит.
Скоро и божья коровка взлетит.

БОГАТЫРЬ

Надеваю рукавицы,
щит и палицу беру
и иду с драконом биться
спозаранку по двору.

Только жаль, что испугался
он решимости моей
и на всех парах умчался
прочь за тридевять земель.

ПОЛЕНЬЯ

Завелась в поленьях лень:
на земле лежат весь день,
на земле лежат всю ночь.
Как поленьям не помочь!
Я с поленьями дружу,
их в поленницу сложу.
Выросла поленница.
Кто ещё тут ленится?

РОМА И ДОЖДЬ

Для разминки и зарядки
поливает Рома грядки
с огурцами и морковью
тёплой, ласковой водою.

Будто кто-то нахлобучил
небу шапку на глаза,
расползлась большая туча –
приближается гроза.

Задрожали в страхе ветви,
всю листву взъерошил ветер,
и за капелькою капля –
сверху дождик начал капать.

Дождь упал на крышу дома,
и на лейку, и на Рому,
на забор, на огород
и на всё, что там растёт.

Разошёлся веселее,
лёт без нашей помощи...
Кто же вырастет быстрее –
Рома или овощи?

АЛИНА И ЗУБ

У Алины зуб болит,
и Алина говорит:
«Милый, бедный зубик мой,
выздоровливай, родной!
Я теперь тебе доставлю
много-много радости:
перестану беспрестанно
налегать на сладости.
Чтобы выздоровел друг,
буду есть чеснок и лук.
Стану зубы чистить часто
самой лучшей в мире пастой.
Милый зубик, не болей,
выздоровливай скорей!»
Зубу это нравится.
Он решил поправиться.

ИЗЮБРЬ

Услышал я новое слово.
В нём прячутся зубр и изюм.
Созвучия снова и снова
невольно приходят на ум.

Лазурь, изумруд, амбразура
и зимний узор на окне,
зазубрина, зебра и зуммер
в том слове послышались мне.

Но что или кто всё же это?
Ответа искал я весь день.
А вечером папа поведал:
«Изюбрь – благородный олень.

Живёт он на Дальнем Востоке:
в тенистых лесах – в летний зной,
в долинах тайги солнцепёки
его привлекают порой».

Я слушал с большим восхищением
красивую папину речь,
узнал про тайгу и оленей
и буду природу беречь.

ЗИМНЯЯ ЗАРЯДКА

На стекле оконном – иней.
Выйдешь утром из дверей:
вместо ягод на рябине –
россыпь красных снегирей.

Сделал шаг, но от мороза
оробевшие шаги
упираются в заносы
ледяной ночной пурги.

Раздаётся скрип лопаты.
Пар клубится от лица.
Кувыркаясь, снег измятый
отступает от крыльца.

Снег-дружище, не сердись,
чутьочку посторонись!

ПО ДОРОГЕ В ШКОЛУ

Синий дым над белой крышей
на малиновой заре
поднимается всё выше,
словно путник по горе.

Тишина, и лишь спросонок
снег сердито заворчал:
«Ишь, шагает пострелёнок,
сам не спит и мне не дал!»

ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА

Смотрю в окно и вижу:
весь – в бриллиантах снег.
Быстрее встаю на лыжи
и начинаю бег.

Мои движенья скоры,
стремителен мой взгляд.
Дома, столбы, заборы
вдоль улицы летят.

Лыжня вперёд уносит.
Посёлок – за спиной.
Раскинув лапы сосен,
лес вырос предо мной.

Пусть кто-то без заправки
сидит в тепле квартир.
Две лыжи и две палки –
мой пропуск в зимний мир.

СОСЧИТАЙ-КА

Кот, бульдог и поросёнок,
индюшонок и гусёнок,
сто цыплят и тридцать кур,
сорок коз и горный тур,
три быка и пять коров,
шесть баранов, семь ослов,
два бойцовских петуха
и смешливый хахаха,
и пушистый серый кролик,
и пугливый ойойойлик,
и хвастливый яяяйка,
и болтливый ляляляйка
шли по улице гурьбой
прямо в гости к нам с тобой.
Прежде чем гостей принять,
всех их нужно сосчитать.
Сколько к нам гостей идёт?
Кто придуман – тот не в счёт.
Без придуманных всех вместе
оказалось ровно... двести.

ВЫСОТА ДУБА

Вы не думайте, что дуб
неприветлив, хмур и груб...
Нянчит много дней подряд
он малюток-желудят.
По ночам, листвою шурша,
усыпляет малышей.
Их купает на ветвях
утром в солнечных лучах.
Чтоб головки у малышей
избежали в жизни шишек,
под присмотром папочки
все одеты в шапочки.
Так что дуб – на высоте
по отцовской доброте.

О ЧЁМ ГОВОРЯТ ДЕРЕВЬЯ?

Как много мудрости земной
хранят в себе леса.
В них под зелёною листвою
таятся чудеса.

В лесу, выстраиваясь в ряд
в орнаменте травы,
деревья тихо говорят
шептанием листвы.

Ах, как же хочется порой
понять хотя бы раз,
гуляя по тропе лесной,
их сказочный рассказ.

Ах, как же хочется найти
возможность хоть на миг
на наш язык перевести
волшебный их язык.

Деревья буду я сажать
и наблюдать их рост,
добра и света им желать
в зной летний и в мороз.

И наяву, а не во сне,
понятно говоря,
они откроют тайны мне,
как верные друзья.

**Дмитрий
КОПЬЁВ**

КАК СЕНЬКУ ПРОВЕДЫВАЛИ

Признаки зимы проявлялись в этом году постепенно, с вежливой осторожностью. Сперва замерзали лужи, и пепельно-жёлтая трава подёргивалась белой плёнкой, затем лужи оттаивали, а трава делалась совершенно седой, мокрой и печальной на вид... Выпадал снежок, но к полудню исчезал куда-то. Потом вдруг возвращался мороз. Серые вороны прыгали по громко хрустящим бурным листьям, выковыривая своими большими носами различные съедобные вещи, после чего, звучно хлопая крыльями, улетали куда-то, чтобы спрятать найденное на чёрный день, впрок.

Коля, Мишка и Клава сидели на скамеечке и разговаривали о разных вещах.

– Что-то мы давно Сеньку не видели, – сказала неожиданно Клава. – Чего он там и как?

– Может, заболел? – высказал предположение Мишка. – Погода способствует.

– Погода способствует тем, кто хилый слабак, – ответила Клава. – Мне вот почему-то не способствует.

– Не зарекайся, – сказал Мишка, – сглазишь.

– А вот я всегда хоть раз в год, но болею, – признался Коля. – Как по расписанию... – И, подумав, прибавил: – Организм, видимо, требует!

– Организм! – засмеялась Клава. – Закаляться надо, вот что! Никакой организм тогда не потребуется.

– А ты что, закаляешься? – полюбопытствовал Мишка. – Правда? Расскажи, как?

– Так вам всё и расскажи!

– Секрет, что ли? – спросил Колька.

– Она по утрам босиком по снегу бегаёт, – пояснил Мишка.

– И холодной водой обливается. В ванной...

– Правда?

Мишка засмеялся и махнул рукой.

– Нечего смеяться, – обиделась Клава. – Закалка – вещь хорошая. Надо будет заняться.

Помолчали...

– Да, – спохватилась Клава, – мы же о Сеньке! Чего он там?

– Можно пойти и спросить, чего он там, – сказал Мишка.

● Дмитрий Николаевич Копьёв родился и живёт в Петрозаводске. Пишет стихи, пьесы для детей и взрослых, прозу. Автор книг: «Клава спешит на помощь», «Как поймать тигра в клетку» и др.

– Идёмте!

Они встали и направились во двор Сеньки.

– Вон его окна на втором этаже, – показал Мишка. – Можно просто крикнуть.

– Сенька-а-а! – закричала Клава. – Выгляни в окошко!

Несколько мгновений подождали. Потом занавеска дёрнулась, и в окне появился Сенька. Шея у него была замотана толстым шарфом. Он помахал друзьям рукой и затем указал на горло, дескать, болею, и развёл руками.

– Я же говорила, – сказала Клава, – заболел!

– Что делать будем? – спросил Мишка.

– Проведать надо, – сказал Коля. – Навестить. Больных всегда навещают.

– Точно! – согласилась Клава.

Она жестами показала, мол, можно к тебе? И Сенька понял и закивал головой, и рукой махнул – заходите!

– Идём! – скомандовала Клава.

– А не заразимся? – забеспокоился Мишка.

– Не хочешь – не ходи! Мы одни справимся!

– Да это я так... – спохватился Мишка, – чего вы! Идём, конечно!

В комнате, где болел Сенька, был полумрак, духота и пахло лекарствами. На подоконнике сидела кошка. Она равнодушно осмотрела гостей, затем отвернулась, показывая всем своим видом, что ей гораздо интереснее то, что делается на улице, чем какие-то незнакомые мальчики и девочки.

– Кошка! – сказала Клава.

– Муська, – сипло пояснил Сенька.

– О-о-о! Да ты всерьёз! Хрипишь как паровоз!

– Третий день уже...

– Да-а-а... – протянула Клава. – Требуется оперативное вмешательство.

– Ты чего задумала? – спросил Коля. – Может, не надо?

– Как не надо! – возмутилась Клава. – Смотри, как он сопит! И температура небось есть?! Есть температура? – обратилась она к Сеньке.

Тот пожал плечами.

– Градусник где?

Сенька показал.

– Ставь! – приказала Клава. – И крепче держи! Что ещё нужно? – спросила она себя и себе же ответила: – Как следует утеплиться! Где у тебя шапка?

– Шапка? – удивился Сенька. – Там...

– Надевай!

Сенька сходил в прихожую и вернулся с вязаной шапкой, которую натянул затем на голову.

– Вот так-то лучше! Теперь надо вспомнить, какие народные средства у нас имеются. Народные средства – это самое лучшее!

Сенька изобразил на лице согласие и поправил на голове шапку.

– Надо дышать над паром картошки в мундире! – вспомнила народное средство Клава. – Меня так лечили от простуды. Дышишь над картошкой, и всё проходит!

– Где ж ты картошку возьмёшь? – спросил Мишка.

– Вот, тоже проблема! Что, картошки не найдётся? – обратилась Клава к Сене.

– Найдётся! – кивнул тот.

– Показывай!

Они отправились на кухню. Сеня показал, где лежит картошка, и выдал кастрюлю.

– Так! – скомандовала Клава. – Колька, займись. Помоешь картошку и прямо с кожурой варишь. В мундире. Когда пар пойдёт, позовёшь!

Коля занялся картошкой, остальные вернулись в комнату.

– Дальше что? – потирая руки в предвкушении успеха первой своей врачебной практики, спросила Клава. – Ага, всё-таки мало ты утеплился. Всё будет без толку. У тебя валенки есть?

– Валенки?!

– Да, да, валенки!

– Есть. Но они далеко, в кладовке, на самом верху!

– Ничего, достанем. А ты пока ещё один свитер надень. Потолще! Надо, чтобы тебя хорошенько проняло!

Сеня послушно натянул толстый свитер, а Мишка, встав на табуретку, попытался дотянуться до антресолей.

– Не получается, – сказал он. – Не достаю.

– Надо подставить стол, а на него уже табуретку, – сказала Клава. – Идём за столом.

Они отправились на кухню. Коля бросил заниматься картошкой и помог Мишке перетащить кухонный стол в комнату.

На стол поставили табуретку, Мишка взобрался на неё и, опасно балансируя, открыл дверцы антресолей. Мишка потянул первый попавшийся пакет. По-видимому, это был не тот пакет или, во всяком случае, не тот пакет, который следовало трогать. На бедного Мишку посыпались какие-то пакеты и пакетики, коробки и подушки, завязанные узлом шубы и пальто, масса различной обуви даже небольшое жестяное ведро. С криком: «А-а-а!» – Мишка покачнулся, соскользнул с табуретки на стол, затем, каким-то чудом удержавшись на ногах, спрыгнул на пол.

Кошка метнулась с подоконника и взлетела на высокий шкаф.

– Живой?! – вскрикнула Клава.

– Живой, – ответил Мишка.

– Хорошая реакция!

– Спасибо!

Клава поискала в ворохе вещей и нашла пакет с валенками.

– Видишь, нашли! – сказала она Сеньке. – Надевай!

Сенька вздохнул и принялся натягивать валенки.

– Так! – продолжала командовать Клава. – Отлично! Как у нас теперь с температурой?

Сенька полез себе за пазуху и с трудом вытянул градусник.

– Тэ-э-эк!... – протянула Клава. – Температуры нет! Видишь, действует!

– Что действует? – спросил Колька.

– Лечение!

– А!

– Продолжим! – сказала Клава и вновь обратилась к Сеньке.

– Горчичники ставили?

– Нет! – испугался Сенька. – То есть... не надо!

– Ладно, – смилостивилась народная целительница. – Отложим. Сперва над картошкой дышать будем... Как там, готово? – обратилась она к Коле.

– Надо посмотреть, – ответил тот.

Но смотреть не пришлось. Клава вдруг насторожилась и спросила:

– У тебя ничего не горит?

– Ой! – испугался Колька.

Все бросились на кухню.

Из кастрюли валил густой чёрный дым, и запах горелой картошки был прямо-таки сногшибательным.

– Ты что, – закричала Клава, выключая плиту и подбегая к форточке, – без воды поставил?!

– Я не успел, – оправдывался Колька. – Вы тут со своим столом... так я и забыл!

– Молодец! Теперь этот запах неделю не выветрится!

– Да ну! – не поверил Мишка. – К вечеру испарится.

– До вечера мама придёт, – жалобно просипел Сеня.

Подумал и прибавил:

– И папа тоже...

– Ничего, – заверила Клава, – до их прихода мы тебя вылечим!

У Сеньки сделалось кислое выражение лица.

– Да не бойся, – успокоила Клава, – не хочешь горчичников – не надо. Есть более гуманные средства. Например, чай пить горячий. С мёдом. Или с малиновым вареньем!

У Сеньки лицо повеселело.

– Есть малиновое?

– Ага!

– Доставай! – скомандовала Клава. – А ты, Колька, чайник поставь. Только не забудь воды налить!

Сеня полез в холодильник за вареньем. Коля наполнил чайник и поставил его на плиту.

– Дальше поехали! – продолжала Клава. – Что у нас следующее по программе?

– Что-нибудь поджечь! – высказал предположение Мишка. – Или сервант уронить... С хрустальной посудой...

– Ой-ой-ой! Умник нашёлся! И кстати о серванте... Ну-ка, идёмте за мной!

И Клава направилась в Сенькину комнату.

Ребята поплелись за ней.

– Смотрите, – указала Клава на шкаф, а точнее – на кошку, сидящую на нём.

– Что? – спросил Мишка.

– Кошка!

– А я думал, жирафа, – удивился Мишка. – А что с ней не так?

– Да вы только посмотрите, куда она забралась!

– И что?

– Так высоко же! Как она спрыгнет?

– Кошки хорошо прыгают, – вступился Коля – И не с такой высоты.

– Как миленькая спрыгнет, – подтвердил Мишка.

– Что-то я сомневаюсь, – сказала Клава. – Сеня, как, по-твоему, спрыгнет?

Сенька подумал и пожал плечами.

– Не знаю, – просипел он затем. – Хотя высоко... Испугалась здорово...

– Вот именно! Я о том и говорю! Испугалась!

– Да не бойтесь вы, – успокоил Коля. – Она же сперва на подоконник спрыгнет, а потом уже на пол.

– А если промахнётся?

– А чего это она промахнётся? Она ж не глупая, промахиваться.

– А чего тогда сидит, а не спрыгивает?

– Так говорят тебе: испугалась! – воскликнул Мишка. – Тебя, между прочим, испугалась!

– Значит, надо её успокоить, – подвела итог Клава. – Задобрить. Сенька, у тебя есть нитки?

– Нитки? Есть.

– Неси!

– А зачем?

– Задабривать будем твою Муську.

Сенька принёс нитки.

Клава оторвала от какой-то ненужной газеты клочок и привязала его в виде бантика на нитку.

Кошка, имеющая все основания предполагать, что речь идёт о её персоне, с возрастающим беспокойством наблюдала за действиями людей.

– Ну-ка, ну-ка, посмотрим, посмотрим, как мы умеем играть, – заворковала Клава, дёргая за ниточку. – Кыс-кыс-кыс!... Муська! Але-оп!... Иди сюда!

С высоты шкафа Муська без труда уловила связь между движениями Клавиной руки и подпрыгивающей в воздухе бесполезной бумажкой. «Ага, как же! – думала про себя кошка. – Так я тебе и поверила! Нашла дуру!»

– Видите! – объявила Клава после безуспешных попыток выманить животное со шкафа. – Не реагирует. У неё шок! Надо спасать бедолагу.

– Эмчээс будем вызывать? – спросил Мишка.

– Зачем эмчээс, – сказала Клава, – сами достанем! Тащите стол сюда! Давайте, давайте! Не спите! – поторопила она сомневающихся ребят.

Колька с Мишкой подхватили стол и поставили его вплотную к шкафу.

– Молодцы! Теперь по прежней схеме: встаём на табуретку и достаём кошку.

– Не, я больше не полезу! – сказал Мишка. – С меня хватит!

– Так не ты, Колька полезет! Его очередь!

– А вдруг она прыгнет? – спросил Коля. – На меня прямо.

– Не прыгнет. Если будет прыгать, то как раз мимо тебя.

– Ты уверена?

– Уверена.

– Ладно, – вздохнул Николай и полез на стол, затем – на табуретку и осторожно поднялся.

Лицо его оказалось почти вровень с краем шкафа. Муська забеспокоилась и отодвинулась к стенке.

– Кыс-кыс-кыс! – позвал Коля. – Муська! Слезай давай!

– Да что ты её уговариваешь, ты в руки её возьми! – подсказала Клава. – Чего ради залезал?

Коля протянул руки, пытаясь ухватить кошку. Та поняла, что настал момент истины и пора спасать свою шкуру. Чтобы не задеть человека, кошка прыгнула, описывая в воздухе дугу, и потому физически не могла уже попасть на подоконник. Вместо этого Муська приземлилась на оконные занавески, вцепившись в них когтями всех своих четырёх лап. Занавески затрепещали, затем затрещал карниз, на котором эти занавески висели, и мгновение спустя вся конструкция со страшным грохотом обрушилась на пол.

Потрясённая до глубины души свалившимися на её голову несчастьями, кошка выпуталась из вороха материи, пулей влетела под диван и забилась там в самый дальний и пыльный угол.

– О-о-о! – схватился Мишка за голову.

– Ой! – безнадежно-испуганно отреагировал Сенька.

– Я же говорил, прыгнет! – сказал Колька.

– Непрочный карниз просто, – посетовала Клава. – Так бы всё обошлось.

– Я тоже говорил, – сказал Мишка, – что мы ещё не всё закончили. Надо ещё люстру расколотить! Полный комплект будет.

Коля осторожно слез с табуретки, затем со стола на пол.

– Кстати о люстре... Видали, какая темень! Всего одна лампочка горит. Тут от одного этого заболеешь. У тебя лампочки есть? – обратилась Клава к Сене.

– Есть, – кивнул тот.

– Тащи! Сейчас осветим твою пещеру.

Сеня отправился на поиски лампочек.

– Может, не надо? – засомневался Коля. – Пускай так...

– Поздно! – ответила Клава. – Тем более, это совершенно безопасно. Так что давайте, давайте! Тащите стол! Скоро родители Сеньки придут.

– Ага! – подтвердил Мишка. – Вот обрадуются-то!

Стол перенесли, поставили под люстрой.

Сеня принёс лампочки.

– Только твоя очередь лезть, – сказал Колька.

– Разумеется! – ответила Клава. – Я и не отказываюсь!

И она полезла на стол, затем взобралась на табуретку.

– Сперва выкрутим перегоревшие лампочки... – принялась она объяснять последовательность своих действий. – Во-о-от... Выкручиваем...

Неожиданно в люстре что-то затрещало, и даже посыпались искры.

– Ой! – испуганно вскрикнула Клава.

В следующее мгновение раздался громкий щелчок, и вся квартира погрузилась в крошечную тьму.

Некоторое время было темно и тихо, затем голос Мишки воззвал:

– Клавка! Ты там?..

– Там! – отозвался с недосягаемой высоты голос Клавы.

– Живая?

– Живая, вроде...

– Так слезай!

– Темно-о!..

– Тут повсюду темно!.. Ты осторожненько...

– Ладно!

Стало слышно, как Клава в темноте, на ощупь спускается с табуретки на стол и затем на пол.

– Сеня! – позвал затем голос Клавы. – У вас где свет включается? Ну, щиток где электрический...

– В коридоре, – просипел голос Сени.

– Пошли туда!

В темноте все двинулись на выход. Под ногами затрещали и захрустели разбросанные по полу пакеты и коробки, зазвенело жестяное ведро.

– На кошку не наступите, – озабоченно прозвучал голос Кольки.

– Ага! – отозвался голос Мишки. – Если она и вылезет из-под дивана, то только чтоб отомстить нам. Тёмную устроить.

– Муська в темноте хорошо видит, – подтвердил голос Сеньки.

– Вот-вот, я о том же!

– Кыс-кыс-кыс! – на всякий случай позвал голос Коли.

Откуда-то из самого дальнего и тёмного угла раздалось затравленное урчание.

Наконец выбрались в прихожую.

- Так!.. – раздался голос Клавы. – И где же у вас этот...
Она не успела договорить.
Входная дверь внезапно отворилась – и в освещённом проёме показался силуэт мамы Сени.
– Ой, – сказала Клава.
– Ой! – сказала мама Сени. – Семён! Я звонила, звонила, никто не открывает. И почему у нас так темно?
– У нас электричество закончилось, – просипел Сеня.
– Отчего же оно закончилось? – спросила мама.
– Пробки, наверное... Я сейчас включу.
Он подошёл к щитку, открыл крышку и включил автомат.
Свет зажёгся.
– Ох! – сказала мама. – Ребята! Здравствуйте!
– Здравствуйте! – радостно объявила Клава.
Мишка с Колей тоже поздоровались.
– Семён! Да у тебя гости! – продолжала мама. – А почему ты в валенках и шапке? Ты куда-то собрался?
– Нет! – испугался Сеня, сдёргивая шапку. – Это я лечусь...
– Как ты себя чувствуешь? – спросила мама. – Горло получше или всё так же?
– Получше, – закивал Сеня.
– А мы просто проведать Семёна пришли! – вступила тут Клава. – Пожелать ему выздороветь!
– Вот как! – обрадовалась мама. – Спасибо, ребята, что вы такие заботливые!
– До свидания! – попрощалась Клава. – Выздоровливай, Сеня!
– Ага! – кивнул Семён.
Ребята скатились по лестнице.
На улице было свежо.
Некоторое время постояли молча.
– Ой! – спохватился Колька. – Я чайник забыл выключить!
– Ха-ха-ха! – засмеялся Мишка. – Впрочем, это уже мелочи жизни. Главное, Сеню проведали.
– Жаль, чаю с малиновым вареньем попить не удалось! – вздохнула Клава.

**Анна
МОРКОВИНА**

ОБРАЗ ПУШКИНА В СОВРЕМЕННОЙ ПОДРОСТКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Быть может – лестная надежда! –
посмотрит будущий невежда
на мой прославленный портрет
и скажет: «То-то был поэт!»*

А. С. Пушкин

Говорят, у современной молодёжи нет кумиров, классики в пыли и читать не заставишь никого. Но Александр Сергеевич Пушкин и до сих пор остаётся почти что единственным светилом русской поэзии, с творчеством которого все знакомы. Таков уж статус гения!

Интересно пронаблюдать, как на страницах современной литературы для подростков появляется Александр Сергеевич – а такое нет-нет, да случается! – и какова его роль в сюжете, какую смысловую нагрузку несёт образ нашего прославленного поэта. Узнают ли его сегодня и как воспринимают? Словом, каково место Пушкина и его творчества в сознании современного школьника?

Безусловно, за сто восемьдесят с лишним лет, прошедших после смерти великого поэта, отношение следующих поколений к его личности и произведениям неоднократно менялось. Их воспринимали всерьёз, им подражали, их делали предметом, извините, откровенного «стёба», но – удивительное дело! – менялись только акценты, словно при переводе на иностранные языки, – масштаб Пушкина оставался незыблемым, грандиозным. Как бы этого ни хотелось тем, кто бездарнее его. Люди благородные, возвышенные душою никогда не позволяли себе глумиться над великим классиком, вышучивать его и его близких, выискивать недостойные факты из его биографии. Остроумных пародий на Пушкина (а эпиграммам он сам, как помните, отдавал должное) – раз-два и обчёлся. Но Пушкина можно воспринимать и в шутку и всерьёз, лишь бы цель была поставлена правильная.

Дети, подростки восприимчивы: что в них вложишь, как воспитаешь по отношению к классике, так и будет.

Но – ближе к делу.

Пётр Власов. «Рыцарь, кот и балерина: приключения эрмитажных котов» (Москва, «Рипол-классик», 2015).

Вот книга петербургского писателя Петра Власова «Рыцарь, кот и балерина». Эта небольшая приключенческая повесть с элементами мистики предназначена для читателей «12+», и главной героиней тоже является девочка-подросток Маша.

Не удивительно, что петербуржец пишет об Эрмитаже, упоминает Петра I, Неву и Невский проспект, да и увлечение тринадцатилетней Маши – балет – тоже вполне столичное. Какой же Петербург, то есть Санкт-Петербург, без Пушкина? Конечно, он в книге появляется собственной персоной, правда, лишь в 12-й главе.

Сюжет «навороченный»: тут тебе и мистическое трио (злодей Бутадеус, его спутница Лиит и маленький паж Патрик). Похоже, что это репетиция-подготовка юных читателей к «Мастеру и Маргарите»... Здесь и армия эрмитажных котов, и полчища крыс, грозной тучей надвигающихся на сокровища Эрмитажа, и многое другое... Вся фантастика и мистика русской и зарубежной литературы XIX–XX веков проплывает в воображении искушённых уже читателей. Из «зарубежки» вспоминаются «Щелкунчик» Э.-Т.-А. Гофмана и «Гарри Поттер» Дж. Роулинг, конечно же, знакомые современным подросткам.

Пушкин предстаёт перед озадаченной начинающей балериной Машей в тот момент, когда она начинает падать духом: Пётр I сообщил ей (с помощью говорящего эрмитажного кота), что спасти Эрмитаж может лишь она,

станцевав «Лебединое озеро» перед балетоманом Бутадеусом. Кстати, перед самой встречей Маша, вспоминая печальную участь поэта, искренне желала бы повернуть историю по-другому, «альтернативно», чтобы Пушкин не погиб в расцвете сил и творчества, а жил бы долго-долго.

Знакомясь с девочкой в повести П. Власова, поэт протягивает ей визитку, на которой написана его «другая» профессия: экскурсовод. И вот он-то и поведал Маше особую тайну: что есть на самом деле два Санкт-Петербурга – реальный и потусторонний, в котором обитают авторы бессмертных произведений. И, пытаясь объяснить свою мысль, Пушкин добавляет: «Признаюсь, понять то непросто...» «Да уж, потруднее, чем на уроках физики, – подумалось Маше. – Но что, интересно, скажут сами физики, спроси их про вероятность встретить живого Пушкина?»

Таким образом, Пушкин, в произведениях которого также много загадочного и мистического, показывает Маше ирреальный мир. Поэт и Маша даже взмывают в воздух и летают в карете над ночным Петербургом. Благодаря прозрачным стенкам волшебной кареты Маше удалось рассмотреть лабиринты улиц и проспектов, человечков внизу и даже – творческое свечение! Поэт даже пригласил Машу Коржикову в свою квартиру на Мойке, 12, где Наталья Николаевна угостила их горячим шоколадом. Время и разговор незначай перетекали туда и обратно – из XIX века в XXI, и другие бы сказали: «Прикольно...» – но было всё торжественно и грандиозно. Ведь сбылись мечты многих представителей последующих поколений: встретиться и поговорить с Пушкиным. Значит, Маше помогло чудо – незаурядная творческая фантазия автора книги.

Ну, а в самом конце книги описана ещё одна (альтернативная, конечно) невероятная дуэль Пушкина с самим коварным волшебником Бутадеусом, который рассчитывал в случае победы захватить власть над «другим» Санкт-Петербургом. Но, конечно, так не случилось. Бутадеус пропал бесследно, а Александр Сергеевич ещё погулял с Машей по Невскому проспекту, объясняя ей всё, что касается бессмертия и смысла жизни. И снова возвышенно и патетично.

Андрей Жвалецкий и Евгения Пастернак. «Смерть мёртвым душам!» (М.: Розовый жираф, 2014)

Блистательная мистерия, принадлежащая перу белорусских соавторов, уже нашедших большую читательскую аудиторию, скажем так, на постсоветском пространстве благодаря неизбежному взгляду авторов на мир, суперактуальности поднимаемых тем, оригинальному юмористическому изложению, эрудиции... Словом, достоинства произведений этого литературного дуэта бесспорны.

Наши замечательные белорусские современники всерьёз обеспокоились тем, что нынешнее поколение не читает, а в связи с этим пустуют библиотеки, медленно идёт процесс их модернизации, устаревают библиотечные фонды и формы библиотечной работы... Но при этом авторы смотрят на эти проблемы оптимистично, веря, что найдутся молодые, «задорные» кадры, способные вдохнуть в библиотеки жизнь, привлечь детей и подростков, при этом не теряя читателей старшего возраста, по мере возможности приобщая их к компьютерному ликбезу.

Структура повести такова: в главах действуют люди, а в междуглавиях – ожившие книги, для краткости именуемые по фамилиям их авторов. Среди них встречается и Пушкин. Он в этой истории не главный, но без него

не обойтись. Классики сокрушаются, что их в бумажной ипостаси никто не читает и библиотеку могут закрыть. Междуглавие 15 называется красноречиво: «Пушкин в беде». «Модернизаторы» рубежа XX–XXI веков в очередной раз призывают сбросить Пушкина с парохода современности, называя его «нудятиной» и «отстоем». Один из отрицательных персонажей, Наместник, призывает читать Пушкина в пересказе. Постепенно молодым участникам этой странной истории становится понятна абсурдность этой ситуации, и «мёртвые души» с позором изгоняются из библиотеки. Пушкин всегда при деле: например, попадая в Интернет, помогает, говоря на молодёжном сленге, «банить троллей» (то есть писать в социальных сетях остроумные комментарии про классику). А потом вместе с Чеховым и Толстым становится тренером по... чтению. «Начинай с небольших рассказов, – советовал Пушкин в стильном малиновом костюме, – и постепенно увеличивай нагрузку». Е. Пастернак и А. Жвалевский снабжают этот эпизод сноской, гласящей, что в 2012 году рекламная кампания по пропаганде чтения среди подростков была инициирована Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям РФ и Союзом книготорговцев.

Классики поняли: куда не деться, хочешь продлить свою жизнь в информационном обществе – модернизируйся! И они вместе с библиотекарями, как и с подростками, учатся современным компьютерным технологиям, в частности, поиску в интернете. И результаты обнадеживают: современные читатели не профаны, они знают и любят всех, кого изучают в школе: Толстого, О’Генри, Ильфа и Петрова, Марка Твена и многих других. Возможность подсчитывать количество читателей в Интернете впечатляет: «И вообще, учитесь правильно составлять запросы. Например, «Пушкин читать»... –

Он сделал вид, что припоминает цифру. – Семнадцать миллионов, кажется». И, наконец, самый знаменитый персонаж А. Пушкина Евгений Онегин появляется в фанфике¹ Е. Артамоновой «Анонимное общество литературных героев».

Также стоит обратить внимание на другое произведение Жвалевского и Пастернак – «Гимназия номер 13» (М.: Время, 2016). Действие в нём происходит и в здании гимназии, и в её дворе, где растёт огромный дуб. Наверное, тот самый, который Пушкин описывал в предисловии к «Руслану и Людмиле». В занимательной форме квест-игры авторы проводят школьников по разным уголкам гимназии, где они встречаются с героями Лукоморья – Лешим, Русалкой, Бабой Ягой и т.д., но только в их белорусском варианте. Повесть очень полезна читателям, т.к. обращает нас к истокам – славянской мифологии, тем временам, когда люди были и сильнее, и умнее, и добрее.

Мария Бершадская. «Большая маленькая девочка. История десятая: «Пушкин и компания» (М.: ИД «КомпасГид», 2015)

Женя – большая маленькая девочка. В десятой книге «Пушкин и компания» Женя и её друзья узнают много нового о... Пушкине! Да-да, о том самом, об Александре Сергеевиче. «Сколько можно про Пушкина, про него ведь всё давно известно!» – скажете вы. А вот и нет!

¹ Фанфик (от англ. Fan fiction) – любительское сочинение по мотивам популярных оригинальных литературных произведений, произведений киноискусства (кинофильмов, телесериалов, аниме и т.п.), комиксов (в том числе – манги), а также компьютерных игр и т.д.

И Соня, правнучка пушкиниста, знает о нём то, что неизвестно практически никому. Вот вы, например, знали, что во времена Пушкина были не лайки, как в «Фейсбуке», а лайковые перчатки? А что Пушкин, когда у него пропадало вдохновение, шёл на кухню и готовил майонез? А что он грязное окно носком протирал, чтобы разглядеть природу? Вот именно, не знали! А Соня знает про Пушкина ВСЁ. Как-то раз она даже решила в «Узника» поиграть. Взяла старый велосипедный замок, пристегнула себя к окну, набрала шифр... А потом его забыла! Хорошо, что у Сони есть друзья! Жене и Мишке предстоит разгадать шифр, который, конечно, тоже про Пушкина – заветные три цифры из его жизни... Книжки Марии Бершадской о большой маленькой девочке рассказывают о Жене, которая вытянулась выше самого высокого в мире баскетболиста, и о том, как здорово и как сложно быть не похожим на других. На протяжении двенадцати книжек Женя всё ещё растёт – она меняется, взрослеет. Папа ей говорит, что у каждого человека, даже если он уже вырос, есть ещё какой-то внутренний рост. «Пушкин и компания» – уже десятая книга серии о большой маленькой девочке.

Такое предисловие предваряет книжку Марии Бершадской из серии о любознательной девочке Жене, которую, как любого растущего человека, интересует всё. В том числе и Александр Пушкин.

Книга адресована детям младшего и среднего школьного возраста.

Кристина Стрельникова «Великолепный Веня Венчиков» (журнал «Костёр». – 2016. № 4. С. 5–15)

В петербургском журнале для детей и подростков «Костёр» опубликована небольшая повесть К. Стрельниковой «Великолепный Веня Венчиков», героями которой стали знаменитые русские писатели и поэты. Надо ли говорить, что лидирует здесь Пушкин! Это произведение чем-то напоминает «анекдоты о великих писателях» Д. Хармса, где происходят фантастические встречи и диалоги.

Например, Пушкин запросто может пообщаться с Маршаком, тут же сесть в самолёт и улететь, куда ему вздумается. Или поймать гуся, «отобрать» у него перо и, поймав вдохновение, тут же написать об этих же птицах: «На красных лапках гусь тяжёлый, / Задумав плыть по лону вод, / Ступает бережно на лёд...» Растаяв, гуси и сами начинали приносить свои перья поэту.

Да, Пушкина знают абсолютно все. Даже две лошади, встретившись, обсуждают стихи Пушкина и Лермонтова про «кобылицу молодую» и «ретивого коня». При чём же тут Веня Венчиков – современный школьник? Да, пожалуй, и ни при чём. Как пишет автор, «он просто мимо проходил» и, услышав небывалые истории, записал всё это для истории.

Вот такие сюжеты о Пушкине и вокруг него возникают в современной литературе для детей и подростков. Вполне возможно, и сами школьники могут сочинить что-то подобное – чтобы было весело, прикольно, нескудно. Правда, для этого предварительно нужно всё-таки познакомиться с шедеврами самого Пушкина – «солнца русской поэзии».

Музей Льва Кассиля

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Художник – Людмила Липатова.

Подписано в печать 15 декабря 2020 года.

Дата выхода в свет 30 декабря 2020 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/15120

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410056, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 69-54-41.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

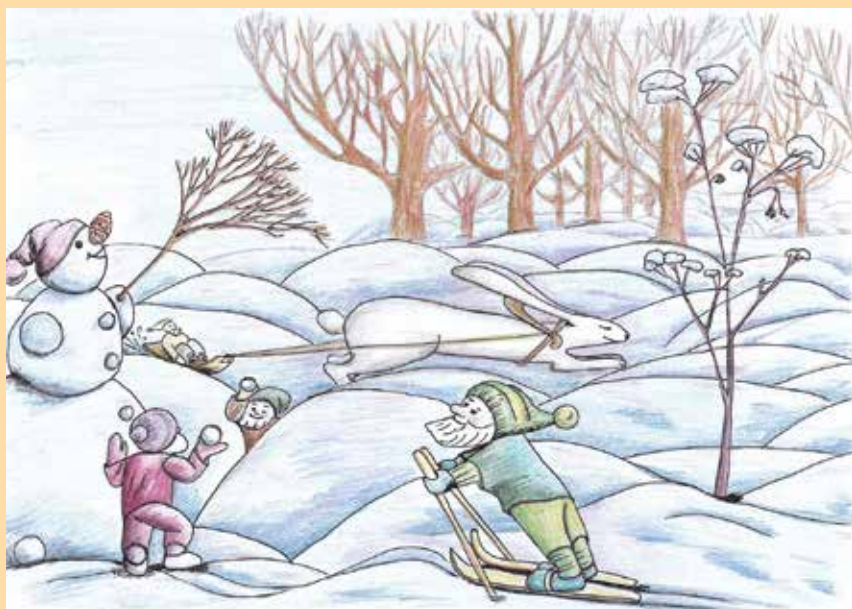
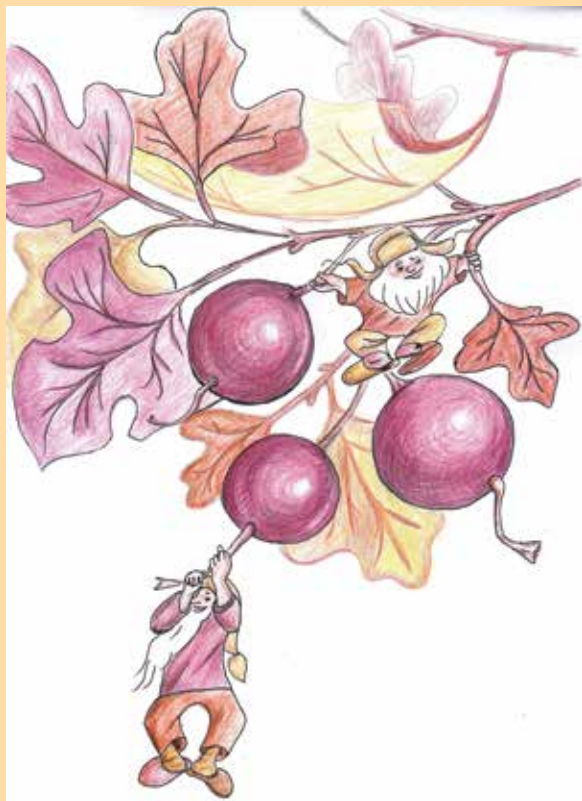
Тираж свободный.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2020.

© «Волга–XXI век», 2020.

АВТОРСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ЛЮДМИЛЫ ЛИПАТОВОЙ

«Сказка о маленьком народе».
Иллюстрация Людмилы Липатовой

